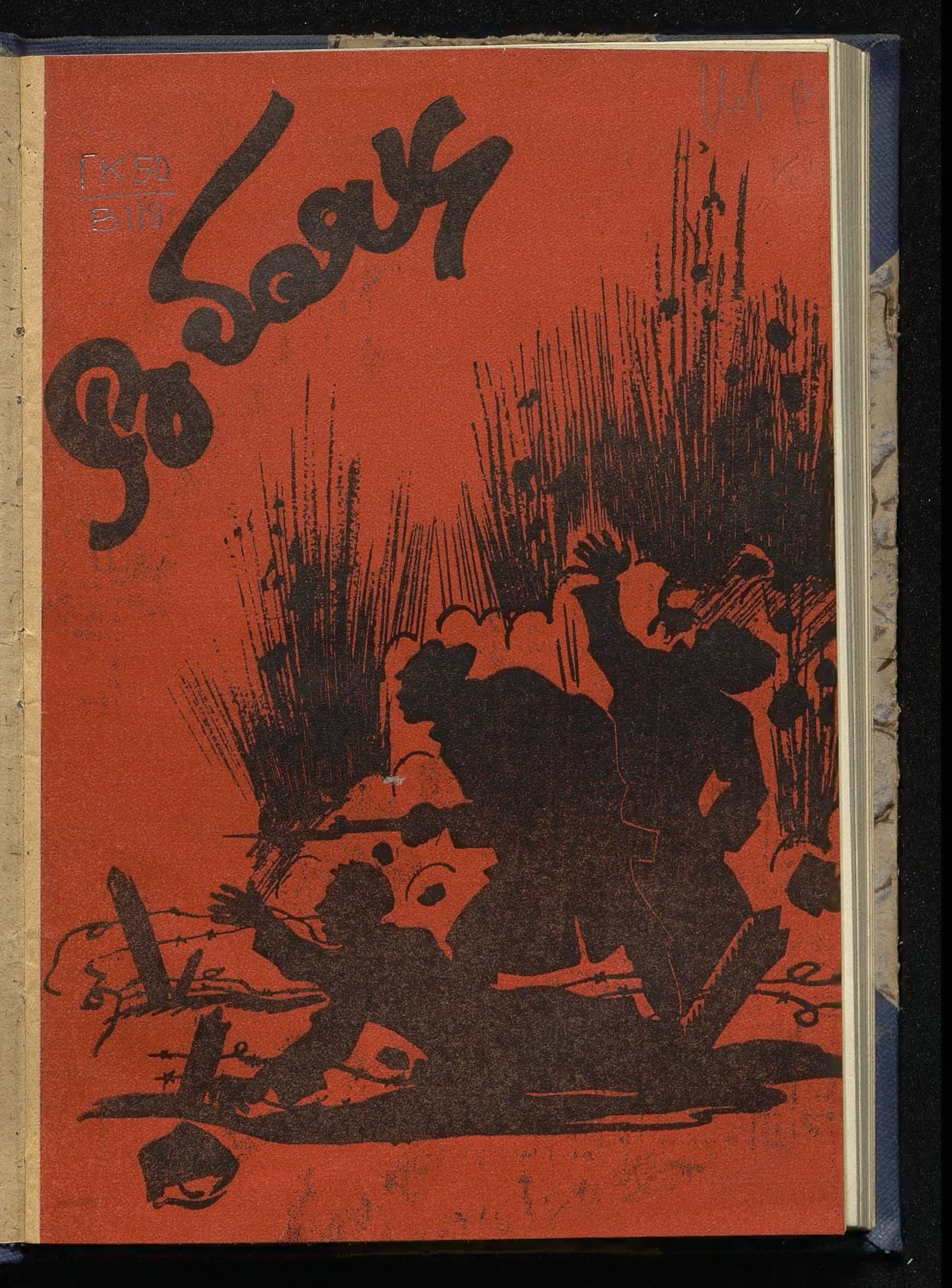
В БОЯХ

1917-32

ЮБИЛЕЙНАЯ КОМИССИЯ ПРИ В.-О. РАЙСОВЕТЕ

Посвящается пионерам
Василеостровского района

В БОЯХ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ВАСИЛЕОСТРОВЦЕВ
за 15 лет

1917—1932

ИЗДАНИЕ ВАСИЛЕОСТРОВСКОГО РАЙСОВЕТА
ЛЕНИНГРАД · 1932

Напечатано по постановлению
Литературной секции Юбилейной Комиссии при В.-О. Райсовете
в составе: Шульмана М. А., Царева Л. А., Солопахо М. Н.

Редакционная коллегия: Степанов, Солопахо, Шульман.

Ответственный редактор М. Солопахо.

В обработке материалов сборника приняла участие бригада студентов Ленинградского Историко-Лингвистического Института в составе: Колоскова, Баранова, Островской, Меккель.

Технический редактор А. И. Колосков.

176 стр.
Сдано в наб. 22 X 1932 г. Подп. к печ. 3 XI 1932 г.
Бум. 62 × 94 см. — 11 печ. л. — Колич. зн. 39680 в п. л. — Тираж 3000.
Ленгорлит № 60859. — Заказ № 2152.

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 лин. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пятнадцать лет тому назад рабочий класс нашей страны взял власть в свои руки.

Трудящиеся массы, руководимые большевиками, свернули голову кровожаднейшему паразиту человечества — власти капитала.

В ожесточенной борьбе пролетариат показал невиданные в истории примеры сплоченности, решительности и героизма.

Прошло пятнадцать лет...

Много бурь и невзгод перенесла наша страна за этот период времени.

Длинной вереницей протянулась цепь гражданских фронтов. Капиталисты и их прихвостни атаковали советскую страну со всех сторон, во всех направлениях. Интервенты нашли себе опору в остатках разгромленной буржуазии внутри нашей страны, использовав в качестве своего агента также и кулачество.

Однако, трудящиеся сумели отстоять существование Советского Союза и отбросить врага за пределы своей страны.

Сильным оказался враг внутри страны и после гражданской войны.

Пролетариат сумел выдержать его натиск и здесь.

Классовая борьба не окончена и на сегодня. Погибая, в предсмертной агонии, враг цепко хватается за жизнь, пытаясь сохранить свое существование, или по крайней мере, отомстить вредительством.

Велики и неисчислимы победы на фронте социалистического строительства.

Разрешен в нашу пользу огромной важности вопрос — „кто-кого", как в городе так и в сельском хозяйстве.

Окончательно подорвана внутренняя база для восстановления капитализма в нашей стране.

Мы уже вступили в период социализма.

Хозяйство Советского Союза не только восстановлено, но и реконструируется на совершенно новой основе.

Можно ли перечесть все наши новостройки: электростанции, заводы, фабрики, тракторо-станции, школы, больницы и т. п.?..

И все это сделано в невероятно короткий отрезок времени — в пятнадцать лет.

Это поистине гигантская работа.

Невиданная мощь и размах этой работы обусловлены героизмом трудящихся и твердым руководством партии большевиков.

В партии Ленина нашел пролетариат своего руководителя в дни Октябрьской революции и гражданской войны.

Партия большевиков, руководимая Ленинским ЦК, во главе с тов. Сталиным, привела трудящихся к победам на фронте социалистического строительства, разгромив на голову контрреволюционный троцкизм, правый оппортунизм и „леваков".

Празднуя пятнадцатилетнюю годовщину Октября, пролетариат оглядывается на пройденный путь борьбы, потерь и побед.

Сделано много. Нужно сделать — еще больше.

Путь социалистической стройки и на сегодняшний день чреват трудностями, требует большевистской решительности и твердости.

И, подводя итоги пройденному, трудящиеся еще больше проникаются несокрушимой верой в дело Ленина, в дело социализма.

Подводят итог и василеостровцы, вписавшие много славных страниц в историю пятнадцатилетней борьбы.

Василеостровские рабочие хорошо запомнили власть и гнет своих бывших хозяев — капиталистов. Каждая строчка воспоминаний дышит острой, непримиримой ненавистью к прошлому.

Помнят василеостровцы и свою борьбу в дни Октября, свое участие в Красной Гвардии и гражданской войне.

Ясно отдают они себе отчет в грандиозности того, что творится сегодня, в необходимости борьбы за социалистический путь развития, начертанный партией.

Сборник „В боях“ показывает лишь часть борьбы василеостровцев. Трудно охватить всю колоссальность того, что сделали они за пятнадцать лет. Однако, то немногое, что представлено в сборнике, должно послужить стимулом к составлению более полной истории борьбы василеостровцев.

Передавая опыт своей борьбы, участники великих боев вольют новую энергию в сердца и сознание молодых строителей социализма.

Короткий срок работы по составлению сборника отразился на полноте охвата событий, и несомненно, сказался в ряде недостатков.

М. Солопахо.

Под сапогом жандарма.

В сердце кипела злоба.

По профессии я была портнихой и с 12 лет пошла работать. Одновременно состояла в подпольной организации, по заданию которой распространяла революционную литературу на фабрике Лаферм. Муж мой работал слесарем на Семянниковом заводе и за участие в забастовках был уволен.

Капиталисты-предприниматели издевательски относились к рабочим.

Вспоминаю свою работу в мебельном магазине на Итальянской улице, где мне приходилось делать подборку цветов. Я должна была скоро родить, но заказ был срочный и меня не отпускали. Помню приезд в магазин министра Дурново, который увидев меня, сказал: „уберите этого бегемота“. Хозяин магазина ответил ему, что нет другой мастерицы и если он меня снимет с работы, может не успеть к сроку тысячерублевое кресло, заказанное Дурново для подарка своей теще. Министр отдал распоряжение не отпускать меня до тех пор, пока не будет выполнен его заказ. Мне пришлось с 8 часов утра до 11 час. утра следующего дня находиться в мастерской и отправиться оттуда прямо в больницу, где в 10 час. вечера я родила сына.

Этот сын у меня теперь член партии.

Выйдя из больницы, я имела всего лишь один рубль денег, который мне пришлось распределить на 10 дней, чтобы можно было бы купить молока и ситного ребенку. Самой мне есть было нечего. Собирала куски, вынесенные кем-нибудь на кухню. Вместо молока из груди сочились кровь и гной. Будучи больной, я все-же пошла опять на работу.

В сердце кипела злоба.

В 1917 году, когда вспыхнула революция, я целыми днями и ночами не была дома, оставляла детей и шла с красным знаменем под обстрелы пулеметов. Мне не было страшно, я знала с кем борюсь и за что борюсь.

Бергина.

Работали по 12 часов.

В 1905 году поступил я работать на Гвоздильный завод Юмо (теперь „Кр. Гвоздильщик“) и с первых же дней попал в самые ужасные условия.

Поставили меня на барабаны в проволочном цехе. Дело приходилось иметь с кислотой, купоросом и т. п. Кислоты разъедали одежду, а спецовок в те времена не давали. Мотки проволоки по 6—7 пудов перетаскивали на расстояние 10 метров просто руками.

Работали по 12 часов в день, а если хозяину нужно было, заставлял оставаться на большее время, не спрашивая согласия рабочего.

Заработок был низкий. Проволочник зарабатывал от 15 до 20 рубл. в месяц. Работали с полной нагрузкой только восемь месяцев в году, а остальные четыре — по 4 дня в неделю. Прогул не оплачивался. Получаемой зарплаты едва хватало на пропитание. О культурных развлечениях не приходилось и думать.

Невыносимая эксплоатация и полное бесправие порождали ненависть к капиталистическому строю и желание бороться за лучшее будущее.

Сергеев.

Так жили многие.

Хочу поделиться своими переживаниями, переживаниями бабушки Никитиной.

На работу пошла я с 9-ти лет, а всего работаю уже 50 лет.

При царе была темная как ночь, но все-таки никаких страстей не боялась — ходила по собраниям, прислушивалась к голосу партии, хоть и была неграмотная. Как мы собирались в подпольи, об этом наши работницы подпольщицы знают.

Работала я на бывш. фабрике Жукова на ватерах, потом попала на ф-ку Петра Анисимова на Обводный канал.

Во время забастовки на фабрике нас в 24 часа выслали на родину. У одной работницы были дети, ехать ей было некуда, работница плакала, но хозяин стоял на своем. Мне не

пришлось выехать. У меня была семья: мать, свекор, двое ребят и муж неграмотный ломовой извозчик; в семье я и скрывалась. Потом, когда через 2—3 недели фабрику пустили в ход, опять пошла на работу.

До 1905 года я работала все на том же производстве, отработала 17 лет, а на 18-ом году меня выгнали вон с фабрики и даже расчет вынесли за ворота.

Посредине бабушка Никитина.

В 1905 году, когда Гапон звал итти к царю, мы также пошли, но нас путиловцы уговорили вернуться: „Не ходите, там стреляют“. Мы вернулись. Эта самая стрельба открыла рабочим, работницам и крестьянам глаза на кровожадного Николая. Разве рабочие шли просить пулеметов, разве рабочие шли просить снарядов? Рабочие шли просить вернуть сыновей, дать им хлеба и освободить работниц от этого проклятого гнета, в каком мы были. Сейчас некоторые работницы говорят, что на нашем производстве строгие порядки. Это не верно. Сейчас мы свободны. Мы подходим к мастеру и директору, мы с ними говорим по-товарищески, а раньше — как

было? Не то что к мастеру, но и к подмастерью нельзя было подойти.

До 1910 года меня не брали на фабрику, наконец я устроилась на Обуховский. Через некоторое время вызывает меня к себе директор и спрашивает, почему я ушла раньше с работы и где я работала? Я ему ответила, что у меня муж, дети, а там мало платят и далеко очень, что работала я на Выборгской стороне. Я соврала ему потому, что правду сказать не могла.

И так приходилось жить всем рабочим-революционерам, которые несмотря на нужду и притеснение делали свое большое дело.

Никитина.

Можно ли было не бороться?

Я работала на Гвоздильном заводе в царское время до тех пор пока было здорова и заводчик мог изо дня в день выкачивать из моего труда свои прибыли.

Но в 1910 году я заболела и вскоре оказалась выброшенной с завода на произвол судьбы. В это же время получил расчет и мой муж, проработавший на заводе долгое время и вследствие невыносимых материальных условий лишившийся ума.

Семья оказалась совершенно без средств к существованию. Остался один выход. Я начала ходить по миру и этим кормила мужа и двоих детей. Продолжалась эта, в полном смысле, нищенская жизнь до 1915 года, когда мне вновь удалось устроиться на тот же завод. Но и это было немногим лучше нищенства, так как выполняя мужскую работу, я получала всего лишь 60 коп. в день.

Можно ли было после этого не бороться и не приветствовать Великий Октябрь, разбивший рабские цепи?

Логинова.

Колыбель революции.

Мне было 20 лет, когда я впервые приехала в С.-Петербург и поступила горничной к помещику Базилевскому.

На Васильевском Острове жил мой двоюродный брат, работал он у портного Матисена. Он приносил ко мне на время какие-то бумажные пакеты, просил не развязывать и вообще никому о хранении этих пакетов не говорить. Иногда звал на собрания, но все это делал сдержанно, так как у него не было случая проверить меня. Конечно, он был прав, так как я многого тогда еще не понимала. Мне казалось, что жизнь хороша и люди все хорошие. Но эта „хорошая“ жизнь привела меня к такому случаю.

В 1905 г. в революцию, как-то пошла я к своей подруге Ярвеколы (жила она на углу 5 л. и Акад. переулка). Там же на углу стояли казаки, которые хотели меня задержать, подозревая, что я несу что-нибудь под платком, бывшим на мне. Один спросил, что я несу под платком? Потом махнул нагайкой в воздухе и зарычал: „Проваливай, чухонская морда“. С тех пор в моем уме зародилась ненависть против царской жандармерии.

Вечером пришел ко мне двоюродный брат, рассказал, как днем казаки на Фонтанке избили нагайками до смерти моего земляка т. Андруса, и что ему тоже попало. Мы обменялись мнениями. Брат видно понял меня и стал больше мне доверять. С тех пор у меня много раз собирались совещания, так как я имела отдельную комнату.

Летом 1907 года меня наметили казначеем Красного Креста. А осенью того же года на первом сборе я вступила в партию Вступление выражалось в том, что я стала платить членские взносы и брать серьезные нагрузки по Красному Кресту.

Красный Крест должен был найти квартиры для скрывающихся товарищей, помещения для совещаний, оказывать поддержку скрывающимся товарищам и т. д. Для добывания средств Красный Крест весной 1909 года организовал базар. На базаре были всякого рода рукоделия, пожертвования и т. д. Назначение базара было скрыто, так что наши барыни, которые были на базаре, оставались очень довольны.

В 1910 году я уже принимала участие в выборах делегатов на конференцию большевиков. После конференции т. В. Кингисеп должен был сделать информацию на М. Гребецкой в зале

Федорова, но собрание не состоялось: шпики всех нас гурьбой потащили в полицию.

Февральская и Октябрьская революции застали меня домохозяйкой в маленьком городишке Подольске, где оба переворота прошли без особых препятствий.

В Июльские дни была в Петрограде, где было много старых товарищей: Веске, Янсен и др., с которыми я много беседовала и многому от них научилась.

Летом 1917 года принимала участие в организации лит. кружка; в этот кружок втянули много молодежи, которая в гражданскую войну пошла добровольно на фронт, а в 1918 г. вступили в партию. В 1918 г. в ноябре поехала на Нарвский фронт, где работала в агентуре по приемке и выявлению квартир сбежавших контрреволюционеров.

В начале 1919 года организовала коммуну в Юрьеве.

Затем работала в Луге при Военном Комиссариате по хозчасти, откуда меня взяли в распоряжение партии.

Таким образом, Вас. Остр. — явился колыбелью моей революционной деятельности. Тут я выросла и закалилась в революционной борьбе.

Ю. Арен.

Вспоминаются годы подполья.

Если оглянешься на пройденный путь — диву даешься. Ильич говорил: „Выдержит тот, у кого крепкие нервы". Многие не выдержали, многие оказались по ту сторону баррикад. Выдержали подлинные большевики, с честью державшие революционное знамя Ленина.

Василеостровские рабочие в борьбе за власть оказались не на последнем месте.

Они стояли на страже, они были крепки большевистской сплоченностью, чего не имели наши враги.

Когда об этом раскасываешь сейчас, выходит красиво-романтично, но вспомнишь пройденный путь борьбы, ссылки, тюрем, думаешь: неужели все это проделали мы?

Вспоминаются годы подполья.

Был у нас Гриша Беленький — старый партиец. Знали мы друг друга около 30-ти лет, вместе работали. Произошел с ним такой случай.

Должен оговориться, что жил он по „фальшивке". Имелись в то время 3 категории паспортов: железка, фальшивка и копия. Это я рассказываю для молодежи. Железка — это паспорт умершего человека. Давалась взятка волостному писарю, который не отмечал о смерти какого-либо человека, а по его паспорту жил другой. Такой паспорт назывался железкой, потому что он был наиболее надежный.

Тов. Раппопорт.

Второй тип паспорта — копия. Ставился штамп — снималась копия и двое жили под одной фамилией в разных городах. Третий тип паспорта — фальшивка. Просто брался бланк и приглашался человек, который умел писать. Теперь о случае. Мне нужно было снести литературу Беленькому. Тогда я носил постоянно морскую накидку, так что когда я обкладывал себя кругом литературой, эта накидка скрывала меня. К Беленькому пришел в тот момент, когда у него происходил обыск. Я не растерялся и чтобы не выдать себя, спросил: „Здесь ли живет доктор?". Околоточный огрызнулся, вон, мол отсюда, нет тут никаких докторов. Я вышел, сел на первую попавшуюся конку и поехал на Лиговку, где у нас в то время была явочная квартира. Здесь я решил подождать некоторое время, сел на диван, но от усталости сразу же уснул. Часа через два в дверь кто-то стучит. Я поднимаюсь, решив про себя, что если пришли за мной, скажу, что я только что вошел. Оказывается, пришел тов. Беленький. К счастью при обыске на его квартире ничего не было найдено и, таким образом, я всетаки сумел передать ему порученную литературу.

Между прочим, сейчас молодежь совершенно не знает, что такое „губернатор", а тогда я имел двойную неприятность от этого чина: с одной стороны меня преследовали как револю-

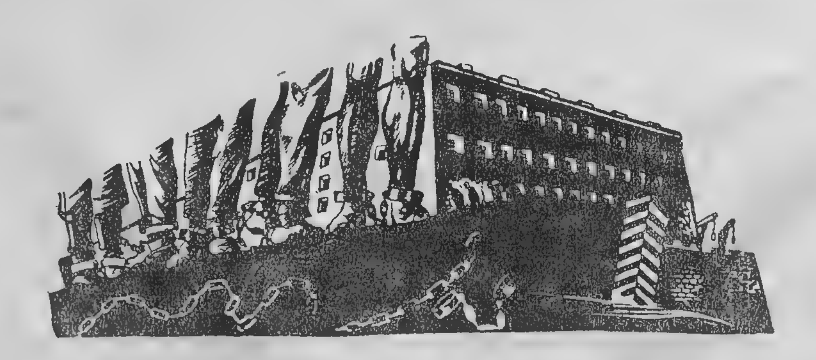
ционера, с другой стороны не давали права жительства как еврею.

И меня неоднократно преследовали за самовольное прибытие в столицу.

Вспоминается случай конфискации типографии Маркова (на Тучковой набережной д. 17). Там мы взяли несколько полковников, созвонились с Урицким и отправили их „к лику святых". На другой день Чхеидзе присылает своего секретаря арестовать меня, но рабочие не дали. Явился Павел Николаев с Трубочного завода и еще кто-то с Балтзавода, внесли деньги и оставили типографию за собой.

Оглядываясь на пройденный путь, удивляешься как мы могли за такой маленький кусочек времени проделать такую большую работу, несмотря на существование огромной армии провокаторов и филеров. В одном Петербурге было — около 30 000 филеров кроме провокаторов, которых, я знаю, было разоблачено около 10 000. Несмотря на все это, мы дожили до сегодняшнего дня и являемся хозяевами положения. Чем все это можно объяснить? Это объясняется, кроме всех исторических предпосылок, тем, что наша старая районная гвардия оказалась ударницей в 1917 году.

Раппопорт.

Растет революционная волна.

Шел второй год бойни.

Шел второй год империалистической бойни.

Балтзавод работал на войну, изготовляя не только суда, но и шрапнели, и гранаты, и даже ремонтировал орудия. Рабочие были необыкновенно загружены, несмотря на то, что продолжительность рабочего дня составляла 12 часов, и работали в две смены.

Вдобавок к этому нас хотели заставить работать еще и по воскресеньям, но мы, сговорившись, отказались и не вышли на работу, за что были оштрафованы, а ряд товарищей расчитали и, мало того, сняв с учета, отправили на фронт.

Положение осложнялось. Столкновения с администрацией с каждым днем учащались. Каждый рабочий находился в состоянии напряженного ожидания чего-то, что должно неминуемо произойти.

И вот, в один из дней, на заводском дворе и в мастерских появились группы рабочих и работниц с других заводов, призывавшие нас бросить работу. Мастера и начальство пробовали запугивать расчетом, но мы все же покинули мастерские и вышли на улицу.

На улице нас встретили конные городовые, пристав и околоточные. Они хотели задержать некоторых товарищей, но рабочие не дали. В городовых полетели поленья, болты, гайки, камни — все, что попадало под руку. Команде конных городовых был отдан приказ атаковать нас, но мы упорно сопротивлялись.

Около пяти часов вечера мы направились к морским казармам, где были размещены моряки. У казарменных ворот стоял часовой. Видя, что сопротивление бесполезно, он отдал винтовку, и мы беспрепятственно вошли во двор. Там нас, оказы-

вается, уже ожидала, выстроившаяся с винтовками на изготовке, рота солдат. Старые матросы были обезоружены и заперты в казармы. Командир роты, с полковничьими погонами, потребовал, чтобы мы разошлись и, когда требование его не было исполнено, он скомандовал стрелять. Раздался залп. Несколько человек оказались ранеными, человек 30 арестовали.

Мы отступили и пошли к товарищам из 180 полка за помощью.

На другой день утром снова собрались на Большом проспекте. Среди нас было человек 30 с винтовками и несколько вооруженных солдат. Мы опять направились в казармы. Ворота были заперты. Дружным напором сломали их и вошли во двор, как и накануне. Полковник, чуя недоброе, стал уговаривать нас обождать, пока он узнает все хорошенько по телефону. Но мы ждать не стали.

„Арестовать его!“ — и все бросились к офицерам, быстро обезоружив их.

Моряки, запертые в казармах, немедленно были освобождены.

К этому времени подошли Финляндский и 180 полки. Моряки также вооружились и пошли с нами.

Шествие было грандиозное!

Демонстрация прошла по всему Острову, везде устанавливали революционный порядок. Когда пришли на завод, многих из нашего начальства уже не было. Временно их заменял один старший инженер, но по цехам решили совсем не признавать старого начальства, а выбрать Заводской Исполнительный Комитет, что и было сделано.

В завком вошли представители различных партий, а поэтому деловой работы почти не было, и большая часть времени проходила в бурных спорах о войне, о власти, о земле и т. д.

Нужно признаться, что большинство рабочих не были еще достаточно политически развиты и во многом не могли разобраться: что хорошо, и что плохо. Но несмотря на это, основные массы рабочих чуяли, на чьей стороне правда, и немедленно шли к большевикам; много этому способствовали Июльские дни.

А. Совков.

Росло недовольство.

Конец июня и первые дни июля семнадцатого года были тревожными днями в Питере: среди рабочих все больше и больше росло недовольство буржуазными министрами, все устали от проклятой войны, внутри страны неурядицы росли, а тогдашний кабинет министров решил продолжать войну с немцами „до победного конца“.

Бурлило рабочее море. Сперва робко, отдельные рабочие, потом все больше и больше массы стали говорить, что пора положить предел господству буржуазии, пора взять винтовку против господ министров, ставленников имущей части населения, пора поставить у власти настоящее народное правительство.

За время от февральской революции до июльских дней питерский рабочий еще больше вырос в политическом отношении, и его уже не могли больше провести сладкие слова и обещания правительства и взывания их к чувству „патриотизма“. Рабочие только желчно усмехались; чувствовалось, что классовая борьба обостряется, и классовые противоречия выступают все ярче и ярче.

Летучие митинги большевиков многим рабочим открыли глаза на происходящие события, на сущность буржуазного строя.

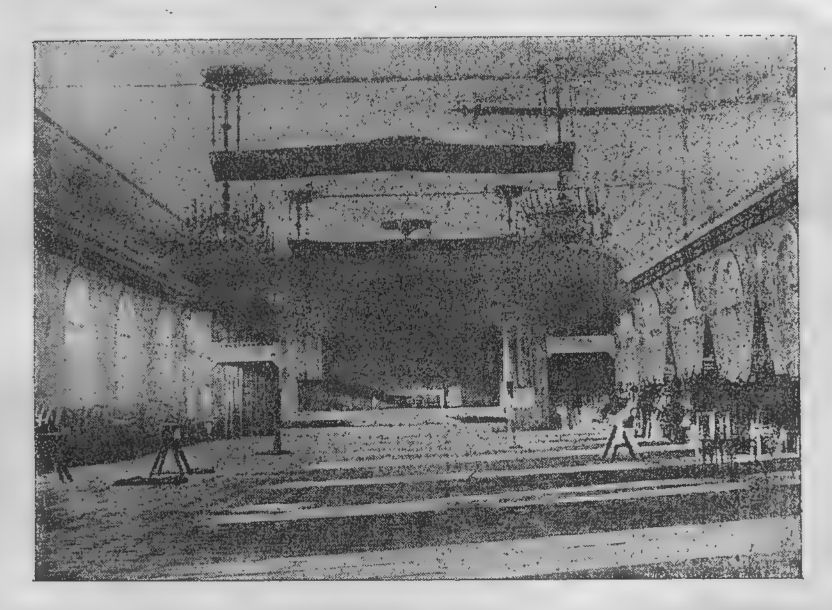
Был у нас на Радиотелеграфном заводе большевик по кличке „Абрам“, около которого группировались сознательные рабочие. Он нам много помог разобраться тогда в происходящем.

Наступило 3 июля. После „шабаша“ ходили слухи о совместном выступлении рабочих и солдат. Положение было неопределенное, настроение в достаточной степени тревожное, но у всех была одна мысль: „Так продолжаться больше не должно, надо что-то предпринять в самом ближайшем времени“.

Кучка рабочих вместе с т. Абрамом, часов в 6 пошла к баракам 180 пехотного полка, расположенного на Гаванском поле. Там уже были рабочие Балт. завода и других заводов Вас. Острова. Устроили митинг, продолжавшийся три часа. Решили:

рабочим и солдатам выступить совместно и итти в центр города с лозунгом: „Долой войну и министров-капиталистов!“ Среди солдат было некоторое разногласие: брать ли оружие или выступить безоружными? Победило первое мнение, солдаты быстро разобрали винтовки и выстроились. Дежурный по полку, прапорщик, отказался вести полк. Тогда быстро выбрали руководителя, командиров и тронулись в путь с плакатами: „Долой войну!“.

Зал митингов в 1917 г. (В. М. У.).

По пути к нам присоединились части войск, расположенных на Вас. Остр. и все новые и новые группы рабочих; среди них было много женщин. Шли на Невский.

Около 11 часов вечера были у Гостин. Двора. Остановились. Пошел разговор, что путь прегражден. Так продолжалось несколько минут, было темно, и только у Гостиного ярким пятном светился горевший автомобиль, у которого, по неосторожности шоффера, взорвался бензинный бак. Вдруг, где-то впереди, у Садовой раздался взрыв бомбы; была брошена кем-то ручная граната и этот взрыв послужил как бы сигна-

лом. Сразу затрещало несколько пулеметов, толпа на мгновение как бы замерла, потом все быстрее и быстрее стала подаваться назад, бросилась во двор Армянской церкви, в галлерею Гостиного двора, на Михайловскую и Думскую улицы.

Часть солдат залегла на улице и за колоннами Гостин. двора и начала отстреливаться; часть отступила с остальной толпой.

Неожиданный обстрел демонстрации пулеметным огнем озлобил солдат, и некоторые из них прикладами били зеркальные окна магазинов.

В течение нескольких минут трещали пулеметы, их было несколько штук, свистели пули, раздавались винтовочные выстрелы, потом все стихло почти внезапно, только стоны и проклятия раненых нарушали тишину. Подбирали раненых и отправляли на Думскую улицу на перевязочный пункт. 4 июля не работали, и вечером по рабочим кварталам распространился слух, что кронштадтские рабочие и матросы завтра приедут на подмогу питерским рабочим.

Утром со всех заводов Вас. Острова рабочие вышли на Набережную встречать кронштадтцев. Шел дождь, все вымокли до нитки, но не уходили и упорно ждали. Наконец показались нароходы с матросами и кронштадтскими рабочими. В этот день партия большевиков выбросила лозунги: „Мир хижинам, война дворцам!“, „Долой войну!“, „Долой 10 министров — капиталистов!“, „Вся власть советам!“.

Было ясно, что народ долго терпеть не может и не станет.

Комиссия Истпарта на Радиотелеграфн. з-де им. Коминтерна.

Готовилось вооруженное восстание.

Помню это хорошо.

3 июля 1917 г. меньшевики Апполонов, Шварц, поручик 180-го пехотного полка Шейн уговаривали не выходить на улицу и не требовать от Времен. правительства передачи власти Советам, говоря, что Всероссийский Съезд сам это знает, но не пришло время, чтобы сейчас брать власть Советам. Рабочие не хотели их слушать, кричали: „Долой министров — капиталистов! Да здравствует власть советов!“. В заводском комитете в то время большевиков было 9 человек, а 30 человек было меньше-

виков и эс-эров. Всего было членов комитета 39 человек, рабочих же в заводе 19 600 чел.

Решение по этому вопросу нас, большевиков, было следующее: после поражения на фронте, 18 июня мы вели борьбу за прекращение войны и говорили на митингах всем рабочим, что продление войны в интересах буржуазии, ибо война требует огромных средств и жертв, тем более в революционное время, и капиталисты учитывают этот хороший для них момент для того, чтобы подавить революцию не вооруженной контр-революцией, а голодом и утомлением рабочих и т. д.

Наша агитация, провал Керенского, наступление 18 июня на южном фронте убедили рабочих Петрограда, что правительство Керенского ведет к поражению революции, т. е. в ущерб интересам рабочих и крестьян, а потому масса стояла за нас.

В 11 часов утра 3 июля т. Вера Слуцкая вызвала меня по телефону в районный комитет, где сказала, чтобы я устроил в своем заводе митинг с призывом к рабочим не выступать 3 июля. Причина та, что Времен. правительство приготовилось к расстрелу рабочих; на Шпалерной улице, по Литейному и на других улицах устроены засады. Я бросился исполнять задание на свой завод, а т. Слуцкая — на завод Сименс-Гальске. Митинг состоялся в 2 часа дня. Несмотря на принятые нами меры, 3 июля нам удержать массы не удалось, рабочие — дневная смена пошли сами с плакатами на улицу, ночная же смена приступила частью к работе. В 4 часа дня кучка рабочих, человек 20, ворвалась в заводский комитет и силой заставила дежурного давать гудок для прекращения работ. Дежурил в этот момент т. Плютто.

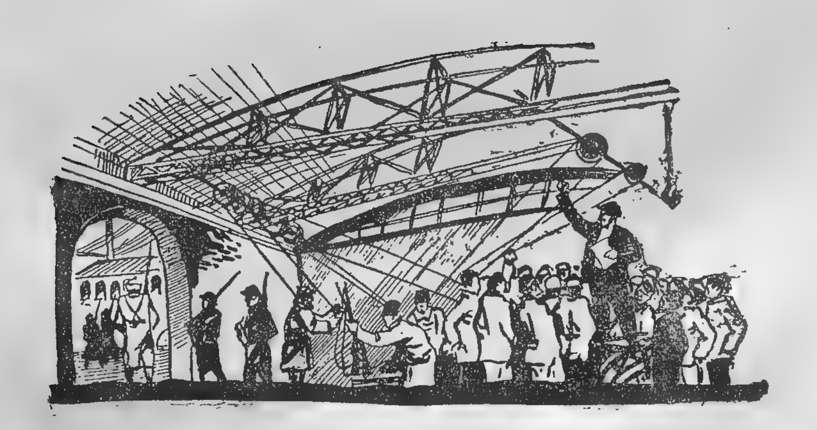
По выходе на улицу, рабочие направились на Невский, куда их не пропустили, тогда пошли через Дворцовую площадь, Марсово Поле — к Таврическому дворцу, но на Марсовом Поле встретили их казаки. При столкновении с казаками у Троицкого моста, в руках рабочих остались, как трофеи, 4 казацких лошади и несколько ружей. Несмотря на противодействие казаков, часть рабочих прорвалась на Литейный к Таврическому дворцу. На Литейном (угол Невского) шла стрельба по рабочим из окон и с колокольни Владимирского

собора. По улицам разъезжали казаки и бронированные автомобили.

4-го июля присоединились к рабочим 1 пулеметный полк, 8-ая самокатная рота, лейб-гвардии Волынский полк, лейб-гвардии Преображенский полк и другие воинские части, а также приехали кронштадтские матросы.

После этого на нас посыпались репрессии. Наша большевистская организация была разгромлена. Несмотря на это, работа продолжалась в низах в том же духе, т. е. за передачу всей власти Советам, а для окончательной победы подготовлялось вооружение рабочих.

П. Николаев.

Борьба за власть.

Готовились к Октябрю.

После февральской революции Василеостровский Совет организован одним из первых районных советов Петрограда. Члены Совета на первых порах не избирались. Совет был организован из передовых заводских рабочих, из некоторых освобожденных из тюрьмы политических заключенных, а также из солдат воинских частей, находившихся в районе, частью из фронтовиков.

Первое время в Совете преобладали меньшевики и эсеры. Должность председателя занимал Федор Яковлев, рабочий Трубочного завода, меньшевик-оборонец, один из бывших членов „комитета обороны" во время войны; затем, в Совете работал доктор Богородицкий, эсер; Павлов — вольноопределяющийся авиационного отряда, меньшевик-оборонец; Евгения Николаевна Адамович — секретарь Совета, член РСДРП(б), освобожденная из Василеостровской полицейской части; Вера Слуцкая, большевичка; Павел Николаев, старший унтер-офицер 176-го пехотного полка, прибывший в город на помощь рабочим, бывший рабочий Трубочного завода. Со стороны большевиков еще принимали участие в работе Совета: Берта Ратнер, Сергеев, Раппопорт, Эйхман, Эд. Эд. Эссен, Илья Ионов, Соловьев, Кулинченко, Владимирский одно время, т. Безработный (Дм. Зах. Мануильский) и интернационалисты: Биншток К. Г., Аршавский, Порняков. Первое время решающее положение занимали меньшивики и эсеры. Перечисленные большевики в Исполкоме не были постоянными членами. Поэтому, солдаты, работавшие в районном совете, были сагитированы против большевиков.

Василеостровский районный совет разделялся на две секции: собственно совет и штаб воинских частей Василеостровского района.

После выборов в Петроградский Совет туда стали являться и от нашего совета товарищи с мандатами за нашей районной печатью. Петроградский исполком, будучи тогда меньшевистским всполошился: „Какой-то совет образовался на Васильевском Острове?“ Экстренно был вызван в Петроградский Совет председатель Василеостровского Совета. Но когда там увидели, что это был меньшевик (Яковлев) — успокоились.

Здание бывш. кадетского корпуса, где происходил Первый Съезд Советов.

После этого возник вопрос о создании советов и в других районах города и там образовывались советы, но уже на выборных началах.

Много было тогда споров и разногласий по заводам района по поводу того, чтобы не выбирать новых членов в районный совет, а заменить их членами Петроградского Совета от нашего района, — и только впоследствии были проведены по предприятиям непосредственные выборы в районный совет.

Когда закончились выборы в районный совет, то оказалось, что членами его прошли исключительно настроенные по

большевистски. В это время началась в районах города углубленная партийная борьба, повлекшая за собой организацию межрайонного совещания при Петроградском Совете.

При создании выборного районного исполкома и во время полуторамесячной партийной борьбы наш районный совет почти не работал.

Меньшевики и эсеры были на одной стороне, большевики — на другой, а с ними несколько интернационалистов. Меньшевики, чтобы получить большинство, настаивали на том, чтобы дать решающий голос членами Петроградского Совета, идущим за ними. На этом сосредоточивалась вся битва в районе.

* * *

Возвращаюсь к солдатскому штабу Василеостровского района. Так именовали мы, по предложению меньшевика Павлова, вольноопределяющегося, военную секцию районного совета. Павлов числился начальником штаба, на бланках и печати штаба значилось: „Штаб солдатской части Василеостровского района“. С расширением работы в центре, меньшевики уходили туда из нашего штаба. Ушел и наш начальник штаба. После его ухода мы изменили текст бланка и печати: „Солдатская секция Совета Василеостровского района“. Руководство этой секцией попало тогда в руки районного совета. Секция к этому времени состояла почти вся из беспартийных, но была очень революционной. Работавшие в полках меньшевики были во вражде с секцией. В нашу секцию входили представители 180-го пехотного полка, Финляндского полка, Дерябинских казарм, Кексгольмского полка. Многие из этих воинских частей в месте своего расположения не имели ни районных советов, ни районных солдатских секций. Вот они и примкнули к нам.

Наша районная военная секция объединяла 30 тысяч солдат.

* * *

В апреле 180-й полк участвовал в демонстрации на Мариинской площади с лозунгом „Долой министров-капиталистов“, но наш штаб не проявил себя никак. За то в июле, при осаде само-

катчиками Петропавловской крепости кем-то была вызвана рота Финляндского полка. Помогали самокатчикам матросы и кексгольмцы. Рота Финляндского полка чуть-ли не устроила битву. На другой день представитель Кексгольмского полка сделал заявление в наш штаб с протестом против действий роты Финляндского полка. Устроили заседание и постановили, что без разрешения штаба нашего района ни одна рота не имеет права выступать. Это постановление было поручено передать по телефону унтер-офицеру того же полка, Шандалову, члену нашего совета, состоявшему и в штабе.

Когда июльское выступление было подавлено, начали искать виновников, так или иначе причастных к выступлению. Наш приказ Финляндскому полку послужил материалом. Но нас предупредили об этом.

Я предложил в штабе сжечь злополучный протокол заседания штаба и переписать его в другом духе. Так и сделали. Постановление составили по новому так: о всяком выступлении Финляндского полка обязательно должно быть сообщено в штаб солдатской части Василеостровского района для того, чтобы принять меры для предотвращения недоразумений и междуусобиц.

На второй день в наш штаб явились представители Финляндского полка во главе с прапорщиком Андреевым, эс-эром, с запросом, на основании какого права мы издали приказ полку, показав при этом нашу телефонограмму. На это мы ему предъявили уже переделанный протокол заседания. Андреев удалился ни с чем.

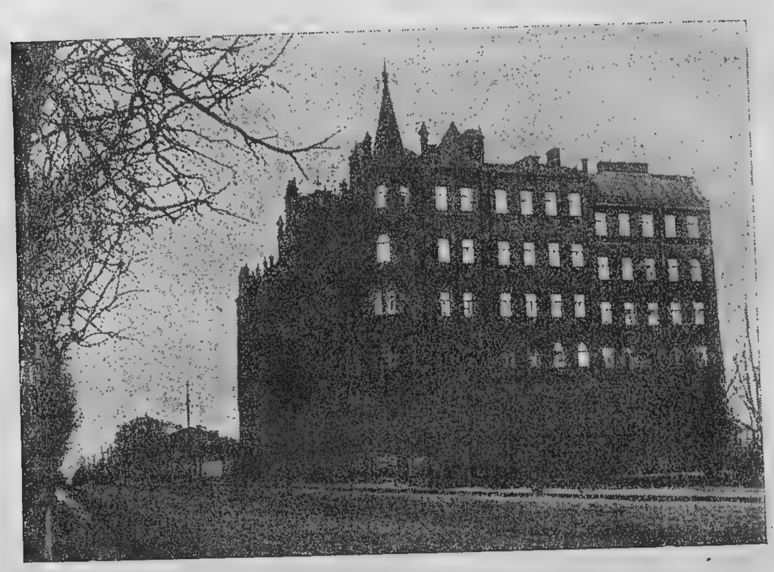
* * *

В Василеостровском районе к этому времени организовался черносотенный отряд. Помещался он в кадетском корпусе.

Эта банда разгромила нашу районную типографию. Для расширения сил банды в нее была влита ночью рота Финляндского полка, в которой находились и наши товарищи и сочувствующие нам. Увидя деятельность банды, солдаты-финляндцы потребовали вернуть их в полк, отказываясь итти на посты и грозя уйти самовольно. Главари банды решили отослать их в полк, и тогда же в солдатском районном штабе стало известно,

что комендант района Виноградов принимает в банде горячее участие, предлагая ей пулеметы и револьверы, отобранные им у населения.

После разгрома типографии утром 9 июля банда эта напала на клуб анархистов, помещавшийся на 5-й линии в доме № 68 и принялась его громить. У банды в это время имелись уже грузовые автомобили, на которые они грузили во время своих погромов все, что попадало им под руку. Дом, где помещался клуб, весь был оцеплен инвалидами, у каждой квартиры

Помещение Василеостровского райкома ВКП(б) в 1917 г.

поставили они своих и никого не выпускали. Там же находился и комиссариат. Из комиссариата все было ими вытащено и погружено на грузовики. В окна они выкидывали красные знамена и флаги и тут же рубили их шашками. Я в то время жил на частной квартире, этажем ниже комиссариата. Утром мы услышали о разгроме комиссариата и я поспешил в наш Совет, но меня инвалиды не выпустили до снятия ими осады дома. Только тогда я смог выбраться из дома в Совет. Там все обстояло благополучно.

Вечером в тот же день в совете появилась делегация от прибывших с фронта частей с требованием к исполкому дать гарантию, что рабочие района не будут сопротивляться при разоружении их. К разоружению был назначен первым Трубочный завод. В распоряжении рабочих завода находился броневик ими же отремонтированный.

Мы все в Совете вступили в спор с делегацией и настаивали не разоружать рабочих, доказывали, что рабочие оружие поломают, сожгут, зароют в землю, но не сдадут. Но так и не договорились. Делегаты удалились, но часа через два они опять пришли, опять настаивали на своем и требовали, чтобы разоружение производилось при участии членов нашего исполкома.

Начался опять спор. Мы настаивали на созыве заседания районного Совета и представителей с мест. Но и тут ни к чему не пришли.

Рабочие не разоружились. Они готовились к Октябрю.

Г. Марочкин.

Большевики завоевывали массы.

До июльских дней, Балтийский завод почти безраздельно находился во власти эсеров. Еще 15 июля, по докладу о текущем моменте, общезаводское собрание заявило, что рабочие будут подчиняться только постановлениям Временного Правительства и Совета Рабочих и Крест. Депутатов (читай с.-р. и меньшевикам).

Через полтора месяца, к концу августа и началу сентября, картина резко изменилась. Выступление Корнилова в этом отношении явилось переломным моментом.

Если Июльская демонстрация к Таврическому Дворцу была началом обольшевичивания, то в Корниловские дни, балтийцы решительно порвали с эсеро-меньшевистской трескотней и твердо стали под знамена большевизма. Об этом громко говорила резолюция, принятая на общем собрании 1 сентября по докладам членов Петербургского Совета Раб. и Солд. Депут. тт. Коршунова и Мостакова. Балтийцы требовали предания военно-революцион-

ному суду всех прямых и косвенных участников Корниловского мятежа, принятия срочных мер к вооружению рабочих, поголовного освобождения всех арестованных в дни 3—5 Июля, роспуска Госуд. Думы и Госуд. Совета и водворения членов их в Кронштадтскую крепость, прекращения незаконных репрессий в отношении всех социалистических газет без различия партийности и закрытия всех контрреволюционных газет „ненавистной и грязной буржуазии“.

Чтобы не упустить массы из под своего влияния, тогдашние заправилы заводского комитета (с.-р. и меньшевики) тоже зашевелились. Если 25-го августа вопрос о народной милиции они решили оставить открытым, то 30 августа, под давлением массы, они поспешили принять меры для организации боевой дружины и произвести вычет в размере полдневного заработка для поддержки Советов.

Если задолго до этого они неоднократно замалчивали игнорирование их решений администрацией и рабочими, то в начале сентября они, представляясь последовательными демократами, болеющим душой об „упадке“ общественной организации, признают полезным сложить свои полномочия для укрепления ее авторитета. Правда, в том и другом случае они стремились обеспечить свое влияние и сохранение занятых позиций. Так, для организации боевой дружины ими были намечены „беспартийные“, но преданные люди.

Во вторых, когда 2 сентября для охраны завода предложила свои услуги пулеметная команда, то завкомовская верхушка не нашла ничего другого, как ответить, что „о назначении караула по охране завода возбуждено ходатайство в центрофлоте, а потому комитету и не представляется возможным удовлетворить просьбу пулеметной команды“.

Но несмотря на все эти ухищрения, масса рабочих завода пошла своим путем, указанным большевистской партией.

Общезаводские собрания от 13 и 18 сентября решительно отбрасывали половинчатость и соглашение с буржуазией, требовали введения рабочего контроля над производством и распределением продуктов, беспощадного обложения капиталистов, отмены частной собственности на землю, немедленного мира и передачи всей власти в руки Советов.

Короче говоря, балтийцы твердо осознали необходимость ликвидации меньшевистско-эсеровской толчеи. Поэтому немудрено, что на совещании по разгрузке и эвакуации Петрограда, прямодушный меньшевик Шитиков, по прозванию „Иван Американец“, заявил, что на Балтийском заводе почти половина рабочих лишние, которых можно прямо сплавить на барже к чорту. Правда, этот „американский“ подход к разрешению назревшего кризиса смутил даже товарищей Шитикова, но они, как „истинные демократы“, решили только довести об этом инциденте до сведения общего собрания.

Этот последний факт особенно ярко свидетельствует о той пропасти, которая в августе-сентябре отделила рабочую массу завода от ее недавних „опекунов“ — эсеров и меньшевиков. Корниловский мятеж резко обнажил эту пропасть и жестоко развенчал „Иванов Американцев“, безраздельно утвердив большевистское влияние и руководство.

М. Борисов.

Будут ли выступать большевики?

Трубочный завод во время войны был заводом „крестьянским“.

Общее число работавших на нем равнялось 20 000 (в мирное время около 500). В ячейку большевиков входило около 35 человек. Завод вырабатывал дистанционные трубки по военным заказам.

В 1917 г. рабочие находились под сильным влиянием правых эс-эров, меньшим успехом пользовались меньшевики. Первый состав завкома состоял почти исключительно из эс-эров и меньшевиков.

Большевиков на заводе не любили. „Правду“ покупали редко, а на собраниях голосовали всегда за эс-эровские резолюции. Общие собрания бывали необычайно бурные. В аудитории образовывались фракции, а в президиумы из большевиков проходили очень редко. Эсеры для достижения успеха очень часто не останавливались перед применением самых гнусных методов. Так, однажды межрайонцам, совместно с большевиками, удалось провести на общем собрании свою резо-

люцию, в которой требовалось немедленно огласить тайные договора.

— Товарищи, — говорил эс-эр Соловьев, — если вы эту резолюцию проведете, мы сегодня же уйдем из завкома.

Резолюция все же прошла. Эс-эры на второй день пошли по мастерским и стали угрожать, что они уйдут из завкома, если рабочие не согласятся принять резолюцию, поддерживающую Временное Правительство. На большевиков возводилась неслыханная клевета, провоцировавшая рабочих. И был однажды случай, когда женщины 4-й мастерской собирались бросить меня в раскаленное горно кузницы.

— Наши мужья на фронте кровь проливают, а вы здесь за германское золото работаете, — кричала взволнованная толпа солдаток.

Распространялись самые нелепые слухи о ленинцах будто-бы являющихся германскими шпионами и получивших за это вагон золота.

Однажды летом у нас выступал Ильич. Дело было в воскресенье. Эс-эровский завком не разрешил ему выступать на территории завода. Митинг был устроен вне завода (там, где находятся теперь бараки). Как сейчас вижу его: в сером костюме, без шапки, блестит на солнце лысина, говорит он с большой двухколой телеги. Говорил долго, и впечатление произвел на рабочих сильное. Я видела, как во время его речи плакали женщины. И вот, подают ему записочку: „А что, брат, сколько ты из Германии золота привез?“. Прочитал ее Ильич и передал в президиум, который и огласил вышесказанное. — Позор, не надо отвечать! —закричали рабочие.

Со времени июльского выступления к нам стали ездить лучшие коммунистические агитаторы. Отношение к большевикам резко изменилось.

Во второй состав завкома прошло большинство коммунистов, в том числе М. И. Калинин (ныне всероссийский староста), Серебров, Чертов, Неклюдов, Сидоров, Балбенко, Серов, Осипенко и др. Рабочие со мною попрежнему часто беседовали, но уже не о германском золоте, а чаще всего интересовались тем: „Будут ли выступать большевики?“.

Новый завком, под видом охраны завода, стал формировать Красную гвардию.

Туда записались наиболее пылкие классово-сознательные товарищи.

Там были лучшие силы революции, впоследствии влившиеся в коммунистическую партию. Большинство из них уехало добровольно на фронты и часть погибла в боях. Из женщин в Красной Гвардии была одна Женя, ушедшая потом на учебу в Социалистическую Академию.

В день переворота Трубочный завод работал.

На заводе уже несколько дней чувствовалась тревога: у ворот стояла усиленная охрана, группа большевиков все ночи дежурила в завкоме, часто уезжал куда-то автомобиль, председателя завкома т. Сереброва ежеминутно вызывали к телефону. Одним утром встретила я наших красногвардейцев возле Василеостровского районного партийного комитета на грузовике и с пулеметами.

Районный комитет разослал по фабрикам и заводам воззвание к работницам о записи в красные сестры для поездки на фронт. С Трубочного завода пошли трое: Женя, Т. Куусь (умершая от сыпняка на фронте в 19 г.) и я. С фронта мы вернулись тогда, когда власть в Петербурге была в руках рабочих.

Работница *Аделаида Арбузова.*

Борьба за рабочую молодежь.

В Февральские дни участие рабочей молодежи в революционном движении вылилось в полустихийное возникновение групп молодежи, оформившихся затем в пролетарскую организацию.

Борьба, которая велась между нашей партией и партиями эс-эров, меньшевиков и анархистов, оказала влияние и на рабочую молодежь. Влияние нашей партии на молодежь выразилось в создании комитета учеников Балтзавода.

Ученический комитет напоминал собой Ноев ковчег, так как в нем находились люди различных политических воззрений, люди, которые окончательно оформились значительно позднее,

когда влияние на нас партии стало сильнее. Александров был кажется эс-эром, Клементьев был парень за всех, я попал под влияние большевистской группы из чугунолитейного цеха, в частности тов. Кошелева. Был у нас еще Коршунов, который был как-бы партийным лидером на Балтийском заводе. Направление этого комитета стало намечаться после моей встречи с покойной Верой Слуцкой. Она дала нам первый толчек.

Обстановка сложилась следующим образом. Не помню в связи с какими событиями, однажды ночью слышим гудок своего завода. Приходим на завод, нам выдают винтовки и дают определенное задание. Я получил винтовку и с группой людей отправился на 16 линию в бывш. полицейский участок. Там попал в комнату, где сидела женщина в очках, худощавая и мне неизвестная. Я сказал: „Мы пришли в ваше распоряжение с Балтийского завода“.

Она заинтересовалась нами и стала расспрашивать, кто мы такие и зачем пришли, заодно прощупывая наши политические убеждения. Это была Вера Слуцкая.

Я охотно завязал с ней разговор, но из того, что мы говорили, я помню только одно, что рабочая молодежь, представителем от которой я явился в В. О. Райком, не может не участвовать в тех революционных событиях, которые происходят в Петрограде и распространяются по всей стране и, что нам нужно вместе с взрослыми рабочими провести то-то и то-то.

Из этого разговора я сделал вывод, что нужно несколько по-иному понимать задачи комитета учеников Балтийского завода тем более, что Вера Слуцкая указала настолько подробно характер этих задач, что мне оставалось только выспаться в РК партии, с тем, чтобы утром бежать в цех и немедля начинать работу.

На заводе шла борьба политических партий за влияние на рабочих завода. Моя задача состояла в том, чтобы то, что мне рассказала Вера Слуцкая, провести на заводе и, в первую очередь, у себя в цеху.

Помню, был пленум ученического комитета, около умывальника механического цеха. Я без всякой дипломатии сказал, что я был в В. О. РК (большевиков), говорил с Верой Слуцкой —

она сказала мне то-то и то-то и вот нам нужно то-то и то-то проводить и отсюда план такой-то.

Мною был выдвинут лозунг борьбы за 6 часовой рабочий день. Комитет принял этот лозунг и трудность заключалась теперь в его проведении.

Завком состоял из эс-эров и меньшевиков. Я не пошел в завком рабочих с требованием 6 часового рабочего дня, а послал трех товарищей (причем, большинство из них были эс-эры) с тем, чтобы они организованно заявили завкому наше требование.

Получилась очень скандальная история. Наших товарищей из комитета учеников просто-на-просто избили. Тогда мы собрали комитет учеников и решили, через голову завкома, выставить свои политические требования. Мы посоветовались с партийными товарищами, которые сказали нам, что к меньшевикам с этими требованиями итти не следует и что надо действовать через голову завкома.

Мы устроили собрание рабочей молодежи Балтийского завода в новой сталелитейной мастерской. Собрание было колоссальное. Собрание избрало делегацию, решив послать ее к министру труда Скобелеву. Я был в составе этой делегации. Делегация отправилась в Мраморный дворец, но ее не приняли там, а окружающие его холуи избили нас.

Тогда мы снова обратились за советом к партийным товарищам нашего завода. Нам сказали: „Соберите рабочую молодежь и расскажите ей обо всем".

Митинг собрался многочисленный и бурный. Говорили почти все участники, без всякого регламента, выражая негодование против поведения правительства в отношении представителей молодежи Балтийского завода.

После этих двух собраний интерес к организации возрос и комитет учеников превратился в мощную организацию.

При помощи рабочих большевиков, мы сумели несмотря, на все трудности, сплотить молодежь вокруг основных лозунгов нашей партии. Более того, наша работа распространилась на весь район, начиная с выступления Балтийского завода в столовой завода „Сименс и Шуккерт" на 24-й линии, на районной конференции молодежи.

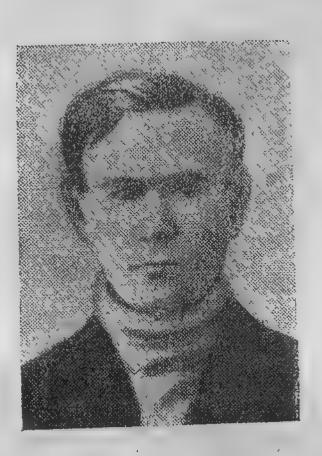

Заседание Василеостровского РК ВЛКСМ совместно с секретарями производственных ячеек, посвященное 15 летию комсомола.

Здесь молодежь собралась со всех заводов, с разными политическими настроениями. Там были и сторонники анархистов меньшевиков и большевиков. Среди большевиков, участвовавших на конференции, я помню Георгия Петрова с завода „Сименс и Гальске“, затем Яковлеву с фабрики „Лаферм“.

В период конференции определились наши отношения к организации „Труд и Свет“, и большинство считало необходимым создание боевой революционной организации.

Однако, на этой конференции еще не было выработано никаких программ, только устанавливалась связь завода с заводом, мы говорили, как надо помогать друг другу, как связаться.

П. Смородин.

После конференции развернулась борьба с „Трудом и Светом“. Мы узнали, что в то время, когда происходила орудийная канонада вокруг Питера, „Труд и Свет“ устраивает экскурсии за город с культурнической целью. Меня тоже приглашали на эту экскурсию. Сначала я не понял, почему меня приглашают. Мы собрались, поговорили, и я понял политический смысл этого: рабочую молодежь хотели отвлечь от политических задач того времени, ее толкали на путь обывательских, культурнических, мещанских развлечений.

Мы развернули борьбу против культурнических целей „Труда и Света“, против их культурнических лозунгов. Мы стали создавать свои очаги. Одним из первых шагов в этом направлении была организация собственного клуба.

Этот клуб сыграл громадную роль в организации молодежи, являясь политическим и культурным центром для молодежи района.

Молодежь шла к нам валом.

Наше влияние распространялось не только на молодежь, но и на стариков. Мы росли, входили в активную политическую работу.

И когда мы достаточно окрепли политически, мы взялись за ликвидацию организации „Труд и Свет“. Здесь решающую роль играл Смородин. Он был большевик ядреный, человек с известным политическим опытом. Его роль в разгоне „Труда и Света“ была исключительная. Сначала мы вели переговоры с „Трудом и Светом“, так как ликвидировать эту организацию просто нельзя было, а надо было вести долгие переговоры, чтобы подвести их самих к ликвидации. Мы взяли ставку на то, чтобы завербовать Крумина и его сестру, сблизить их с Петербургским комитетом, чтобы через них произвести фактическую ликвидацию „Труда и Света“. Это было чрезвычайно трудно, поэтому мы пошли на то, чтобы создать совместную организацию — СУПРОТРУШ. Я помню знаменитую роль Смородина, где он добивал „Труд и Свет“. Также он добил и СУПРОТРУШ. В вопросе консолидации Петроградской организации КСМ роль Смородина была исключительная, если не основная.

Соболев.

Василеостровцы у Смольного.

23 октября 1917 г. Трубочный завод нельзя было узнать. Оживленные разговоры слышались повсюду, все были воодушевлены, и только группа соглашателей из 4-й мастерской шепталась в сторонке.

В этот день Красная Гвардия завода проверяла свои силы и знания перед решительной битвой.

Перед фронтом речь держит райкомовец.

— Пришла пора, когда Красная Гвардия должна показать буржуазии на деле свою силу и мощь. Не сегодня, завтра будьте готовы двинуться для решительной борьбы за власть Советов!.

Этих слов было достаточно. Единодушное „ура“ эхом прокатилось по рядам стоящих рабочих.

После представителя райкома, несмотря на протесты рабочих, слово взял один меньшевик и пытался приведя ряд „объективных и субъективных обстоятельств“, напугать рабочих несвоевременностью наступления и т. д. и т. п. Слушали на этот раз спокойнее, чем всегда. Видимо ответственность

момента внушала спокойствие, надо было выяснить силы противника. Ободрившись оратор перешел к провокации, указывая, что рабочие в своей массе не пойдут на штурм. Долго сдерживаемое негодование прорвалось.

— Довольно!!! — прокатилось по всему собранию, и было видно что слушать больше не будут. Продолжение его речи только раздражало красногвардейцев, и после тщетных попыток говорить, оратор удалился.

— Защитник рабочего класса вышел!.. Сидеть бы тебе на печке!!! — провожали его рабочие.

Много не говорили. Спокойно выслушали распоряжение „быть завтра с утра на местах, а на случай, если что будет ночью, — слушать заводский гудок“.

Еще раз распределили десятки и сотни и направились по домам отдохнуть перед решительной схваткой.

Утро 24 октября. Думать уже некогда. Как всегда прогудел гудок завода, созывая на работу. Ночь прошла спокойно, но работать на заводе уже не пришлось. Подготовка к поездке в Смольный началась с утра и после обеда грузовики один за другим отвозили туда красногвардейцев.

— Не возвращаться без победы! Мы здесь тоже не сдадим. Извещайте нас о ходе дела! Присылайте товарищей!

Проезжая по улицам, мы чувствовали какую-то суетливость и напряженность, — готовилось что-то большое и важное.

Смольный — центр жизни рабочего Питера. Отряд за отрядом, делегация за делегацией, стремились туда. Стало ясно что движение захватило всех рабочих.

В первом этаже Смольного было наше убежище. Оно напоминало огромный пчелиный улей. Здесь собрались почти все отряды заводов. Не прошло и десяти минут по нашем прибытии, как мой взвод уже получил назначение и отправился в наряд по Суворовскому проспекту. Я, как взводный, должен был быть и разводящим своего взвода. Дело знакомое, быстро наметил группы по сменам и направился для развода.

Вернувшись обратно и располагая свободным временем, я решил побродить по Смольному. Мое внимание привлек Съезд делегатов 12-ой армии, происходивший отдельно от Съезда советов. Зашел туда. На трибуне говорил меньшевик.

Чего он только ни говорил, но главное об армии на фронте, подчеркивая, что выступает от имени армии: „Армия не примет постановления Съезда Советов. Совету не существовать и несколько дней“.

Выступавшие после него солдаты просто ответили на все эти рассуждения меньшевика: „Если Съезд Советов не возьмет власть, Армия придет сюда, чтобы прогнать забывшихся министров“. Представитель 12-й Армии заявил, что Армия готова умереть за власть советов.

Группа василеостровцев-участников Октябрьской революции.

Окончить делегату 12-й армии не удалось; по коридору неслось восторженное „ура“, усиливавшееся с каждой минутой. Съезд высказался за передачу власти Советам. Ответное „ура“ загремело в зале, разговоры были кончены, надо было начинать действовать.

Все последующие события смешались в моей памяти, они так быстро чередовались, что охватить их даже теперь не представляется возможности. Я думаю, что если многих участ-

Группа участниц Октября (Вас. Остров).

ников великого дня спросить, что они делали в этот момент октября, они не сумели бы ответить, — так разнообразна была работа. Задание за заданием сменялось в эти дни: то берешь телефонную станцию, то через несколько минут уже на другом конце города исполняешь мирную работу по раздаче продуктов порой бессменно стоящим караулам, то через час в противоположном конце сам стоишь на часах за неимением людей.

После, возвращаясь на завод, я мог оглянуться назад и невольно подумал: „Совершилось великое дело и в этом деле ты что-то сделал“.

И оправдались надежды рабочих завода, пославших свою гвардию на эту борьбу.

Соколов.

Штурм зимнего.

Казарма, в которую я попал в 1914 г., находилась на Васильевском Острове и когда-то была тюрьмой.

В первый же день принялись убирать грязь. Фельдфебель прямо заявил: „Здесь сидели забастовщики из вашего брата, видно и вы не лучше“.

В этой казарме с первых дней почувствовал я острую ненависть к самодержавию. Одно дело быть рабочим на свободе, быть в рядах революционной организации в рядах большевиков и другое дело подпасть под гнет фельдфебельщины, под мордобой, где зверски издеваются над человеческой личностью. Такая обстановка возбуждает ожесточенную ненависть, которая и меня заставила итти вместе с василеостровскими рабочими на штурм Зимнего Дворца.

Тов. Колбин.

После второго напоминания Ленина о вооруженном восстании (я говорю о письме к Смилге, в котором Владимир Ильич писал, что Балтийский флот и гарнизоны Финляндии являются единственно надежной опорой, и что совместно с ними питерский пролетариат может и должен захватить власть в свои руки, не дожидаясь открытия Второго Съезда Советов) у нас в Крон-

штадте создался революционный штаб. Я вошел в революционную семерку, которая приступила к учету вооружения и личного состава гарнизона Кронштадта, кораблей и войсковых частей, находящихся в Кронштадте. Срочно начали обучение Красной Гвардии. Манеж, бывший до этого центром митингов и собраний, превратился в военный штаб, где с утра до поздней ночи наши военные инструктора, солдаты и матросы — обучали не только рабочих, но и работниц. Флот крепко спаялся с рабочими организациями. Он был готов в каждую минуту по призыву питерских организаций, по призыву ЦК, выступить на баррикады.

24 октября военно-революционный комитет отдал приказ о том, чтобы все войсковые части, верные революции, были готовы к выступлению.

Кронштадтский Исполком отдал распоряжение нашей военной комиссии приготовить корабли и 25 октября выйти в Петроград, а линейному кораблю „Заря Свободы“ было приказано 24-го отправиться на подступы к Петрограду. Комиссаром этого корабля был назначен я.

Утром, один за другим, корабли, переполненные до отказу матросами, солдатами и красной гвардией, отправились штурмовать Зимний Дворец.

Оставив на корабле своего заместителя, сам я вместе с отрядом направился в Петроград. Подошли к Николаевской набережной. Здесь стоял минный заградитель „Амур“. На нем находился Кронштадтский революционный штаб. Мы высадились на В. О., заняли мосты и сейчас же направили отряд к Мариинскому Дворцу. Там мы обратились к председательствующему в Совете Республики Овсенцеву, чтобы они очистили дворец. Овсенцев растерялся и попросил дать ему срок 5 минут для того, чтобы посоветоваться с президиумом. Мы согласились. Аккуратно через 5 минут Овсенцев заявил, что Совет Республики постановил разойтись, подчиняясь вооруженной силе.

В это время появился приказ о наступлении на Зимний.

Зимний Дворец с площади Урицкого был обложен штабелями дров, за которыми уселись пьяные юнкера с пулеметами а в самом дворце во всех этажах рассеялась „доблестная“

ватага женского ударного батальона, вооруженная пулеметами и ручными гранатами.

С получением приказа о наступлении наш минный отряд повел наступление с набережной, а машинная школа от Александровского сада. На Дворцовой площади мы были встречены ураганным пулеметным огнем и 8 наших товарищей сразу же пали убитыми, несколько человек поранено. Произошло это отчасти по нашей оплошности. Моряки не привыкли к сухопутной тактике, не привыкли делать перебежки, ползать, а шли с открытой грудью — на „ура". Но эти потери только укрепили нашу энергию и вселили желание взять во что бы то ни стало Зимний Дворец.

Со стороны набережной подоспел отряд тов. Битова, мы небольшой группой прорвались во Дворец, но попали в окружение юнкеров. Полковник, командовавший ими, хотел сейчас же растрелять нас, но юнкера проявили нерешительность и это спасло нас, так как в это время с Миллионной улицы Василеостровская Красная Гвардия, часть наших моряков и солдаты Павловского полка, лобовой атакой взяли штабеля дров. Юнкера побросали пулеметы и позорно бежали в Зимний Дворец; за ними ворвались моряки.

Во дворце перед нами предстала картина паники „храбрых защитниц" — ударниц женского батальона. Они падали на колени и просили пощады.

Тов. Антонов-Овсеенко приказал собрать их и отправить в Петропавловскую крепость.

В тот же момент, когда был арестован женский батальон, произошел арест и Временного Правительства.

Рассказу об одном эпизоде с бывш. министром Коноваловым. Министры были рассажены в Петропавловке по отдельным камерам. Матрос, карауливший Коновалова, оказался бывш. рабочим фабрики Коновалова. Он ближе присмотрелся к Коновалову, узнал его и говорит:

— Мы с вами знакомы, г-н Коновалов.

— Откуда вы меня знаете?

— Я ваш бывший рабочий.

Коновалов побледнел. Матрос видит, что Коновалов перетрусил.

— Не бойся, — говорит, — мы не такие мерзавцы, как ваши друзья, которые выкалывали глаза моим товарищам.

Коновалов немного оправился, посмелел.

— А нет ли у вас покурить?

Есть, но я папирос не курю, а махоркой угостить могу.

Коновалов смотрел, смотрел и говорит. — Вертеть не умею.

— Ладно уж, я сверну. — Матрос свернул козью ножку, лизнул языком и подает. — Пожалуйста.

Коновалов выкурил и начал благодарить матроса.

— Век не забуду... Никак не ожидал...

Матрос тоже благодарит:

— Спасибо и вам. И я не забуду, как гнул спину, на вашей фабрике.

Колбин.

В эти дни...

Распутинский произвол, под крылом самодержавия, сказался. Сказался на улице, в ропоте все более усиливающемся; перехватывался, и вырос в тысячеголосый шум.

12 февраля вдоль улицы, у продовольственных лавок и на углах, скоплялся народ. Надрывно кричали озлобленно властным голосом жены, матери, требовали конца войны.

— Верните нам наших кормильцев! — Дайте хлеба!

Улица бесновалась, а через день — два революционно настроенные солдаты стали срывать у офицеров погоны и разоружать их.

События покатились. На фронте идет братание. В Петрограде солдаты не ночуют в казармах, их рабочие на окраине размещают у себя на квартирах, поят и кормят.

Заводы не работают, — все на улице.

— Товарищи, вооружайтесь! Берите винтовки и патроны! — кричат рабочие и солдаты с грузовиков, нагруженных до бортов оружием, привезенным из арсенала и Петропавловской крепости.

И как голодные женщины у хлебных лавок набрасывались на хлеб при выдаче его, так набрасывались рабочие на оружие. Налету проверяли затворы. Прищелкивали зубами — „Ай, да винтовочка!“. Примеряли ложе к плечу. Гул голосов все усиливается.

Разгулялся Протопопов. Жалкая попытка его правительства помешать рабочим вооружаться, пошла на смарку и порой доходила до комедии. Отряды „фараонов“ бессильны были что-либо предпринять, а больше отсиживались на чердаках и в подвалах. То и дело, смотришь, летит с крыши плашмя, как снежная глыба, тучный городовой, а то и вниз головой кувырком тонкий, что гимназист, околоточный. Гогочет, насмехается толпа, только сторонятся, как бы — сатана на кого не свалился.

Ни один представитель власти не решался вооруженным появиться на улице. Запрятались по чердакам.

И вот в эти дни собралось их двадцать офицеров с женами попировать. Песни и громкая ругань несутся через забор на улицу, возмущая народ.

— Нашли время, чем заниматься. С голоду пухнем, на позиции народ кровью истекает, а они вот что проделывают.

Скопилась толпа.

— Господа офицеры, именем революции сдавайте свое и ротное оружие и расходитесь!

Совет Красногвардейского отряда Василеостровского района.

Но разве господа офицеры будут считаться с чернью, с приказом представителей народа? Буйный издевательский смех получили в ответ представители восставшего народа от пьяной ватаги.

В разнобой шлепнули выстрелы по забору и эти первые, неорганизованные, раздавшиеся без команды выстрелы — есть исторический момент зарождения красногвардейского отряда, так как ответные выстрелы, из-за забора, заставили организовать из толпы группу. Нашелся начальник, люди сплотились под раздавшийся командой и завязалась передряга

Когда хлестнул по народу пулемет, и кто-то уже пал первый (стреляли сами офицеры, не доверяя пулемет солдатам), в толпе произошла паника. Отряд организованно замаскировался.

Стрельба усиливается, обе стороны держатся стойко.

И вот послышалось тарахтение мотора. Прокатился броневик; то-ли случайно, то-ли нарочно на помощь подослали. Как бы то ни было, — его появление нас окрылило, но почему то он вдруг встал. Люди захлопотали у мотора броневика. Как на грех — мотор испортился.

Комполитсостав Красной Гвардии Василеостровского района.

Между тем, офицеры неистовствуют, хлещут уже не из одного „Максима", а из нескольких. Цель их понятна: не дать связаться с броневиком, не допустить нас к нему. Не успел начальник произвести команду „к броневику", как красногвардейцы бросились к нему сквозь огневой дождь пулеметов. Броневик оцепили, ухватились за колеса и с криком „ура" броневик двинулся к забору, оставляя позади себя падающих со стоном товарищей, хватающихся за грудь, за голову, за живот.

Броневик грохнул из всех трех орудий, сопровождаемый винтовочными залпами. Офицеры дрогнули.

— Эй, дайте проехать! — в вооруженную толпу пробивается легковой извозчик, а из пролетки дама просится со слезами:

— Пропустите же меня, добрые граждане, к мужу.

Сняли ее с извозчика, свели к начальнику отряда, она и говорит:

— Муж мой командир пулеметной роты, он мне звонил только что по телефону, что он болен и что они сдаются. Пропустите же к нему, он ранен, он умирает. Конечно ее не пустили.

Выстрелы действительно затихли. Красногвардейцы ворвались во двор, а им уже на встречу по тропинке от казармы офицеры ведут под руки тучного высокого командира роты, он прихрамывает и охает.

— Братцы, свезите в больницу.

Свезем, свезем! — господин командир, — отвечают красногвардейцы. Почему-то создалось у всех впечатление, что он врет.

— Ладно, покажи, где ранен? — обращается к нему начальник отряда. — Раздеть его! Момент и командир пулеметной роты очутился перед взорами красногвардейцев, в чем мать родила, только кое-где нога забинтована. — Смотрят ребята и ехидно улыбаются, глядя как дрожит командир пулеметной роты с непревычки стоя раздетым. Не понутру ему голому в февральскую погоду.

На белом холеном теле очень много родимых пятнышек, но ранений никаких не оказалось. Разговор короткий.

„Именем революционного народа, за понесенные жертвы по воле пьяной сволочи, командира пулеметной роты и его помощника тут же расстрелять“, — сообщает приговор начальник отряда красногвардейцев.

— К тополям! — загалдела толпа и приговоренных повели к опустевшей чайнухе. Кругом свободная площадь и, главное, тополя у самой чайнухи. К ним их приставили и пока прикручивали веревками к отощавшим тополям, смешанная команда нетерпеливо перебрасывала из рук в руки винтовки.

— Готово, товарищи!

И заключительный неровный залп завершил первую передрягу вновь сорганизованного красногвардейского отряда, пионеров рабоче-крестьянской красной армии.

Красногвардеец *С. П. Петров.*

С оружием в руках.

В июльские дни, во время демонстрации на Невском, временное правительство и эсеро-меньшевистские „советчики“ угостили нас свинцом. Этот факт всколыхнул рабочую массу и до конца открыл ей сущность всего происходящего. „С нами заговорили оружием, но и мы не лыком шиты“, таково было общее мнение передовой массы рабочих.

В августе, в связи с Корниловским мятежом, в цехах завода, по зову партии большевиков, начинается серьезная подготовка к обороне революции.

Особенно активно взялись за дело в бывшей снарядной мастерской тт. Дубаков и Цитыркин. По их предложению, в боевую рабочую организацию сразу записались до 20-ти человек.

В железно-котельной мастерской большую помощь в этом деле оказал бывший рабочий завода „Лешечка Маленький“, вернувшийся с фронта и „случайно“ заглянувший в мастерскую к товарищам. Поговорив с фронтовиком, рабочие подходили затем к организатору записи, Гришке Тамбовскому.

— Пиши меня.

— И меня...

— Ну, а я чем хуже?

Такая же вербовка под руководством партийцев-большевиков проводилась и в других цехах.

Записавшиеся, здесь же получали винтовки и красную нарукавную повязку с черным штампом (знак городской милиции), которая давала право на ношение оружия. Военным приемам обучал особый инструктор из рабочих. Эти занятия негласно проходили в одном из заводских переулков на территории бывш. кожзавода Зверькова, на пристани. Занимались

Цех „Красного Металлиста", где перед Октябрем большевики Васильевского Острова обсуждали вопрос о вооруженном восстании, приняв решение о выступлении.

после работы по 2—3 часа. Работой руководили тт. Дмитриев, Финогенов и Гусаров. Первые двое были левые с-р., а последний — большевик.

В октябрьские дни, красногвардейцы-балтийцы запаслись двумя броневиками и, по призыву Военно-Революционного Комитета, принимали участие в захвате Почтамта, а в знаменитую, историческую ночь, с 24 на 25 октября, на отряд Красной Гвардии Балтийского завода была возложена почетная задача выступить для осады Зимнего Дворца, где под охраной незначительной группы войск укрылось Временное Правительство. Вместе с другими отрядами рабочих и большевистскими воинскими частями, балтийцы приблизились к площади Дворца и расположились возле Александровского сада на трамвайной линии, идущей от здания Главного Штаба к Дворцовому мосту. Приверженцы Временного Правительства — юнкера, батальон „смерти" и женский батальон отступили и засели в штабелях дров, перед самым зданием Дворца. До глубокой ночи шла перестрелка, временами немного стихавшая, а потом вновь разгоравшаяся.

После выстрелов с „Авроры" и с Петропавловской крепости, находившиеся возле нас броневики двинулись к самой цепи противника и открыли пулеметный огонь, подкрепленный ружейными залпами. Осажденные в беспорядке бросились в здание Дворца, за ними ворвались туда и матросы. Разоружение юнкеров окончилось около 2-х часов ночи. После этого мы, красногвардейцы, с гордой радостью разошлись по домам. Таково было первое боевое дело отряда балтийцев.

Через некоторое время балтийцам и трубочникам было дано ответственное поручение — занять типографию на Гатчинской ул. (Петроградская сторона), где засели кадеты. Это дело также завершилось полным успехом.

В то же время на заводе, под руководством тов. Финогенова, спешно заготовляли оружие и вербовали пополнение для отряда, который должен был выступить против казаков, наступавших на Петроград, во главе с генералом Красновым и Керенским.

Оружие и другое снаряжение собиралось в штабе отряда, на территории б. завода Зверькова, где был установлен постоянный караул. И когда над городом завыли тревожные гудки,

Пулеметная команда 2-го Петроградского отряда Красной Гвардии в помещении кадетского корпуса после возвращения с Калединского фронта.

отряд красногвардейцев Балтзавода, вместе с массой сбежавшихся на завод рабочих (около 1000 чел.) и рабочими других фабрик, выступил на Пулковские высоты.

В начале ноября отряд балтийцев выезжал на двое суток в Москву.

Затем в работе отряда наступило некоторое затишье.

Часть красногвардейцев была выделена в особую группу под руководством т. Игнатьева. Эта группа несла охрану по заводу, сопровождала артельщиков при доставке денежных сумм и проч. Другая же часть несла караульную службу в городе: охраняла винные склады и т. п.

В начале декабря 1917 года красногвардейцы Балтийского завода (250 чел.) вошли в состав 2-го Сводного Петроградского отряда Красной Гвардии, прозванного впоследствии „железным" за боевые отличия. Туда же были прикомандированы трубочники, путиловцы и скороходовцы.

18 декабря объединенный отряд двинулся на юг — на калединцев. В его распоряжении находились пулеметы, батарея и лошади. Отряд прибыл в Харьков и там разоружил эшелон солдат, возвращавшихся с фронта, затем направился в Донскую область, где и начались столкновения с Калединым.

Сильно сопротивлялись калединцы у Безчинского и Есиновского рудников (с. Горловка), так как там их поддерживало местное зажиточное казачество.

За время пребывания на рудниках, красногвардейцам удалось привлечь к себе на помощь широкую массу шахтеров. Многие из них вступили в отряд. Это значительно облегчило задачу дальнейшей борьбы с калединцами и решило успешный исход похода.

После ликвидации Калединского мятежа сводный отряд возвратился в Петроград.

В марте 1918 г. на заседании комитета отряда обсуждался вопрос о реорганизации рабочей Красной Гвардии в Красную Армию. Анархисты, находившиеся в отряде, горячо возражали против этого, ссылаясь на то, что Армия, потерявшая выборность, будет похожа на старую, царскую армию. Не мало стоило труда партийному коллективу разъяснить полную целесообразность и совершенную необходимость декрета о Красной Армии.

На одном из митингов выступил красногвардеец-балтиец из пулеметной роты. Он сказал: „Нам теперь нужно организовать Армию не только из рабочего класса, мы должны вовлечь туда и трудящееся крестьянство. Неверно, что крестьянство не заинтересовано в нашей революции,—она дала им землю, сумела прогнать помещиков и, конечно, крестьянство пойдет с нами, чтобы не допустить их возвращения. Если мы деремся за наши фабрики и заводы, то крестьянство будет драться за землю". Так переломилось настроение в пользу создания мощной боевой дисциплинированной регулярной Армии.

Вскоре после этого, по призыву Ильича, часть красногвардейцев была направлена в продовольственные отряды. Оставшиеся приняли участие в подавлении мятежей в Москве (лев. с. р.) и Ярославле. В Ярославль были направлены три роты пехоты в 550 чел., одна пулеметная рота в 125 чел. и вся артиллерия отряда. Осада Ярославля длилась около 2-х недель. Наша артиллерия оказала при этом большую помощь. После взятия Ярославля отряд был переброшен в Рыбинск, и влит в полки Красной Армии, направляемые на чехо-словацкий фронт.

Такова в кратких чертах история отряда Красной Гвардии Балтзавода, участника вооруженного захвата власти Советами. Он был активным защитником рабоче-крестьянской власти. Он был организатором Советской власти на местах. Он же передал в ряды регулярной Красной Армии своих лучших бойцов, которые внесли в нее свой дух непреклонной борьбы за Советы, свой навык, железную силу воли и беззаветную преданность делу Октябрьской революции.

М. Борисов.

Маленькая справка.

На основании декрета СНК от 22 апреля 1918 г. Военкомат В.-О. района с 15 августа 1918 года приступил к организации всеобщего военного обучения рабочих и граждан. Для этой цели 8 сентября 1918 года он собрал в помещении бывшего 1-го Кадетского корпуса всех бывших офицеров и унтер-офицеров района, не эксплоатирующих чужой труд, назначил их инструкторами по всеобщему военному обучению

Группа красногвардейцев трубочного завода.

и создал кадр 1-го резервного василеостровского полка. Этот полк послужил фундаментом для 17-го стрелкового полка, 6-й бригады, 2-й стрелковой дивизии.

Командиром полка был назначен старый испытанный политический работник тов. Е. Л. Перфильев, член партии большевиков с 1907 года.

14 сентября 1918 года со всех концов острова двинулись к казармам бывшего Финляндского полка ряды рабочих, призванных к обучению военному искусству. Всего зарегистрировалось до 6000 ч. и с этого дня началось обучение по 96-часовой программе.

Кадр полка производил обучение не только в стенах полка, но и непосредственно на предприятиях района.

Канун 1-й годовщины Октябрьской революции. Возможны выступления контр-революционных элементов. Полк несет охранную службу по Васильевскому Острову, готовый в любой момент дать решительный отпор врагам.

24 ноября 1918 года из полка выделяется батальон, впоследствии развернувшийся в боевой полк Красной Армии.

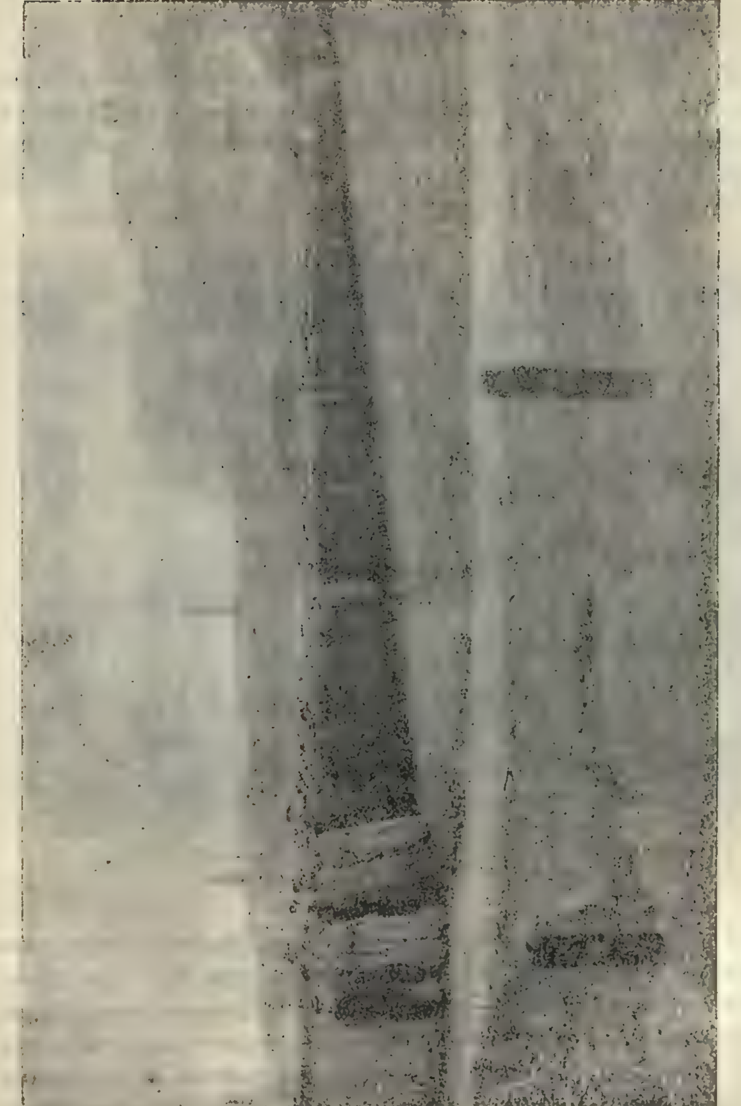
9 января 1919 года первый выпускной экзамен рабочих Трубочного завода и Гребного порта. Выдержало экзамен около 650 чел. Из числа рабочих Балтийского завода прошли курс военного обучения около 2000 чел. Некоторые рабочие тут же переходят в кадр полка в качестве добровольцев.

2 февраля 1919 года первая пробная мобилизация трудящихся В.-О. района, получивших военную подготовку. В 8 час. утра, в стенах завода Брусницына, где помещается кадр полка, собираются 3200 чел. Здесь им спешно выдается вооружение и снаряжение. На рассвете 3 февраля петроградский военком Позерн производит смотр полка на площади Урицкого.

Эта пробная мобилизация дала хороший урок для всего полка.

16 мая 1919 года В.-О. Рабочий полк в составе 4000 чел. получает задание выступить и занять ближайшие подступы к Петрограду с северной стороны.

С этого момента начинается боевая история В.-О. Рабочего полка. Кровью своих бойцов-рабочих, пролитой на Финском,

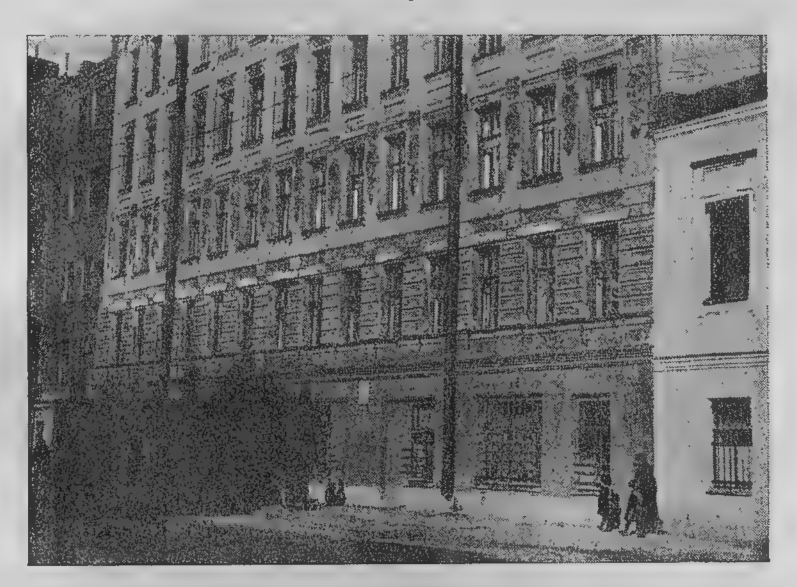

Парад красногвардейцев.

Карельском, Юденичевском и Польском фронтах, он вписал в огненные страницы истории Красной Армии не мало случаев истинно беззаветной доблести.

С фронта на фронт.

Я вступил в заводский отряд красногвардейцев в начале июля 1917 года. Прошел 96-ти часовой всеобуч. Накануне Октябрьской революции, т. е. 24 октября 1917 г., наш заводский отряд поступил в распоряжение Василеостровского Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

Дом № 73 по 17 линии. Здесь помещался в дни Октября Василеостровский райком РСДРП(б), руководивший восставшим пролетариатом.

27 октября наш отряд, вместе с другими заводскими отрядами, направили на Пулковские высоты. Там произвели разбивку: между двумя-тремя рабочими красногвардейцами поставили одного моряка. Меня прикомандировали обслуживать артиллерию, подносить к орудиям ящики со снарядами. По ночам стояли по-сменно в караулах. Ликвидировав банды Керенского и Краснова, 31 октября мы вернулись обратно.

Немного спустя Василеостровский совет направил наш отряд на охрану царских винных погребов в Эрмитаже. Мы должны были охранять вино от расхищения солдатами. В то же время я был членом Василеостровского Совета и работал на заводе.

В январе 1918 года меня с завода сняли для работы в Районном Совете, направив в хозяйственную комиссию Райвоенкомата, где проработал до сентября 1918 года. В сентябре месяце Василеостровский Райком партии направил меня в 3-е отделение милиции Василеостровского района на должность помощника начальника.

Василеостровская Красная Гвардия в 1932 г.

В октябре 1919 г. мобилизован Райкомом на фронт против Юденича. Нас направили в распоряжение политуправления седьмой армии. Самые упорные бои Юденича с частями нашей дивизии были у деревень, расположенных на правом берегу реки Наровы.

Наши части ходили несколько раз в атаку, но безрезультатно. У Юденича были сильно укреплены населенные пункты.

Мы загнали белых в Эстонскую сторону только после того, как на нашей стороне было сосредоточено большое количество артиллерии.

Из под Пскова нас перебросили на Финскую границу на Токсовский участок, затем на побережье Ладожского озера, а 17 августа 1920 года вся 55-я дивизия отправилась на польский фронт. Прибыли туда в конце сентября. Через некоторое время выступили на помощь частям с тем, чтобы обеспечить им организованное отступление и сдержать наступление белополяков. Нашему полку пришлось много раз участвовать в боях.

Особенно запомнился бой под Картуз-Березой. Это был последний бой нашего полка. Он продолжался около суток. Мы понесли значительные потери. И с этого момента началось отступление всей дивизии. 17 суток противник преследовал нас буквально по пятам, не давая передохнуть. Семнадцать суток без хлеба и продовольствия были очень мучительны. Недалеко от Минска командование сообщило нам, что с Польшей начались мирные переговоры и заключено перемирие. Нашу дивизию направили в город Бобруйск, оттуда в Одессу, затем в Николаевск. Из Николаевска нас послали в распоряжение Киевского военного округа.

Ф. А. Мироненко (бывш. рабочий
зав. „Севкабель").

„За революцию“.

(Отрывки из повести)

К Петрограду подходил Юденич.

Жалобно звенели стекла лачуг Нарвской заставы.

С тревогой гудели заводы...

Петроградские...

Выборгские...

Василеостровские...

Крылья баррикад перегораживали улицы.

В промозглой осенней стуже коченели красногвардейцы.

***

Конов пришел на завод в 6.

Темная громада завода стояла угрюмо насупившись, как бы с недоверием вслушиваясь в предутреннюю тишину.

Быстро пробежал двор и прямо в Штаб.

Комната была полна людей. Шумные, веселые голоса молодежи перемешивались с мерным говором стариков.

Все были возбуждены.

Конова встретили криками:

— Здорово Серега!

Заждались тебя!

Спишь долго!

Быстро поздоровался. Сел за стол.

— Давай ребята.

Шумная орава подсыпала к столу:

— Почему меня на фронт не берут?...

— Тихо, ребята, без шума! Нельзя же всем сразу!

— Чем же мы хуже других?

— Тише! Давай, записывай!

— Шум усиливался, перерастая тесные стены штаба, рвался наружу, на простор, нарушая утреннюю настороженность.

— Товарищи! А завод то, тоже ведь надо охранять. Вот и запишем желающих. Не всем-же на фронт!

И когда уже слабый, утренний свет начинал пробиваться в окошко, Петя Белугин поднялся из за стола и несколько волнуясь, четко объявил:

— Товарищи! Сегодня же... фронт не ждет... сегодня в пять выступаем.

* * *

Кустарник мелкий, обтрепанный ветром.

Злыми резкими хлестками бьет в лицо, цепкими ветками хватает и рвет одежду.

С трудом движется отряд по узкой тропинке. Под ногами хлюпает вода забирается в рваные ботинки, неприятно щекочет ноги, холодными брызгами заливает лицо.

Вчера получили приказ:

...„выступить ночью по направлению к селу М...“

И теперь движется отряд по узкой тропинке в тыл неприятелю.

Ветер буянит, не дает итти.

Идут пригнув головы. Идут в кустарник, в слякоть, в ночь.

Проводник остановился...

— Близко уже. Дальше разведку надо...

— Товарищи, — Белугин поднял руку, — здесь придется подождать! Как можно тише и... ни огонька.

Я, Гусев и вот — товарищ — пойдем в разведку.

— Пошли! — и бесшумно канули в темноту.

* * *

— Товарищ командир. Вам! — Вестовой протянул Белугину пакет.

Командир писал:

„Неприятельской батареи подпустить нельзя. Впереди мост разобран. Вам необходимо взорвать мост в хвосте белогвардейского отряда. По сигналу — в аттаку.

С комприветом... (подпись)“.

Белугин обернулся к отряду:

— мост должен быть взорван. Кто пойдет на это большое, но рискованное дело?

Молчание.

— Скрывать не приходится, может быть товарищу и не придется вернуться. Но этого требует Революция.

Тишина...

— Да-а.., — тихо уронил Гусев. — Вещь — опасная.., угробить в два счета может... Ну, — он широко улыбнулся, — а разве мы сюда шли на вечеринку?

Есть! Я иду! Кто еще?

— Я! — пискливо вскрикнул Ваня.

— И я!

— И я!

— Хватит! — Петя поднял руку. — Пойдут Гусев и Вася

Вот снаряды... Счастливо товарищи!

* * *

Темно и тихо.

Гусев и Вася пробирались по полю, осторожно прислушиваясь к тишине.

Где-то далеко, далеко щелкали выстрелы в ночную симфонию.

Вот и мост.

Гусев подбодряет Васю.

— Не вешай нос, паренек! Жить, оно конечно, охота, жить каждому хочется...

Но ведь на фронт-то мы шли за лучшую жизнь.., за революцию.., за это и умереть не страшно!

Вася молча соглашается.

— Я полезу, а ты подашь динамит.

Давай! — приглушенно командует Гусев.

Заработали проворные руки укладывая бомбы, а мысль работала неотступно:

Дома ребята... Ждут небось, небось думают: — где-то папка сейчас?

Колька — такой, смешной малыш, а ведь понимает... Колька — тоже славный малый...

Что это? Стреляют? Батареи идут к мосту. Надо взорвать!

Скорей, скорей!

— Гусев, слезай! Белые идут, тащи шнур!

— Сейчас!

— Слезай, не успеем...

Топот ближе, ближе...

„Поздно, не успеть“ — и вдруг: нагнулся:

— Вася, беги... Рву! — и чиркнул спичку.

Вспыхнул фитиль. Огонь быстро побежал к динамиту.

„В воду!“ — взмахнул руками и прыгнул...

Какая-то сила подхватила его и отбросила далеко, далеко.

Воздух застонал от взрыва.

Вася видел:

Между ферм сверкнул огонек, побежал, заулыбался и вдруг с грохотом и ревом вспыхнул пышный букет. Покоробленные фермы взметнулись в кроваво-красное небо и с грохотом обрушились в черную пучину.

Что-то его ударило. Васе показалось, что в голову вонзился острый, железный клин — и упал с расколотым черепом.

* * *

Две огненные ракеты прорезали небо.

— Ребята!... В аттаку!... — голос у Белугина звонок. — В аттаку!

Бешено понеслись вперед.

— Ура-а-а!...

Что-то до боли обожгло грудь Пете.

А-а-а... — простонал и тихо опустился на землю

Мимо, как в тумане, неслась лавина красногвардейцев ураганным напором, сметая вражеские ряды.

— Ура-а-а! Вперед!

Гр. Пугач.

Гос.-завод № 4, им. Калинина

Ударники Октября на Вас. Острове.

М. И. Калинин.

Неопубликованные материалы департамента.

(Из заводского партархива)

„Калинин Михаил Иванович, крестьянин Тверской губ. Корчевского уезда, Яковлевской волости, дер. Верхняя Троица. Родился 7 ноября 1875 г. Окончил в 1889 г. 4-х классную земскую школу в дер. Яковлевской.

Калинин Михаил Иванович социал-демократ (большевик) ленинец, видный и деятельный партийный работник, член Выборгского Районного комитета. В 1914 г. входил в большевистский коллектив завода „Новый Айваз“. 20 апреля на собрании заводского коллектива выступал докладчиком о рабочей партии, о 1 мая, о ликвидаторах, об антирелигиозности и о деятельности р-на. В 20 числах июня был в Шувалове на собрании рабочих металлистов в присутствии бывш. депутата Бадаева, на котором разрешались вопросы о финансовом положении закрытого союза металлистов и партийном единстве. 4 июля выступал на митинге во дворе завода „Новый Айваз“.

После получения сведений о происшедшем будто бы расстреле рабочих на Путиловском заводе, призывал устроить долгодневную забастовку, если возможно, то и вооруженное восстание. Принимал участие в подыскании квартиры для совещания Российского Соц.-демократического партийного съезда.

В прежние годы состоял членом Петроградского комитета, был на съездах соц. демократов, имеет большой опыт в организационной работе, ведет широкое знакомство с интеллигенцией, пользуется большой популярностью среди рабочих, много раз выступал на митингах, призывал к забастовке, хороший оратор и пропагандист.

В 1915 г. имел партийный псевдоним „Никадр“ Петров. Вел агитацию за забастовку 1 Мая среди рабочих завода „Айваз“. Должен был присутствовать на собрании междурайонного объединенного комитета для окончательного решения о проведении забастовки, чтобы прекратить производство снарядов и пушек, чем заставить правительство заключить позорный мир“.

24 августа 1917 г., будучи членом Центрального Комитета, Калинин поступает на **Трубочный завод** на Васильевском Острове. На Трубочном заводе работало тогда свыше 20 тысяч человек. Уже через неделю после своего поступления, а именно 4 сентября, Калинину пришлось выступить на делегатском собрании Трубочного завода, где совершился окончательный перелом в настроении от эс-эров к большевикам.

Из протокола делегатского собрания Петроградского Трубочного завода 4 IX 1917 года видно, что докладчиком от интернационалистов выступил Серебров, от меньшевиков-оборонцев — Емельянов и от большевиков — т. Калинин.

Д. З. Мануильский.

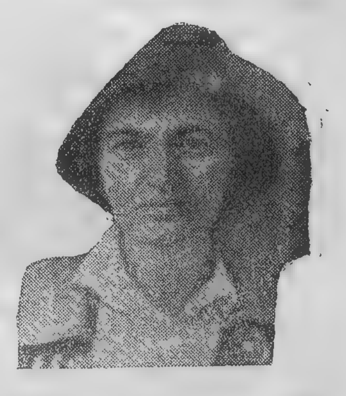
Мануильский Дмитрий Захарович („Безработный“), род. в 1883 г., в Волынской губ. В партии с 1903 г. Эмигрировал за границу. В 1906 г. тюрьма и ссылка. После февральской революции *был членом совета в В.-О. районе*, а затем — гласным городской думы и членом управы. С ноября 1917 г. по апрель 1918 г. работал зам. наркомпрода и членом коллегии. С мая по ноябрь 1918 г. — член нашей мирной делегации в Киеве, а затем особоуполномоченный в Западном крае. С февраля по май 1919 г., был во Франции председателем миссии „Красного Креста“. С сентября 1919 г. по январь 1920 г. работает председателем Опродкомарма XII. С января 1920 г. — членом Всеукраинского ревкома. В марте 1920 г. назначен народным комиссаром земледелия Укр. соц. республики. Затем работал секретарем ЦК КП(б)У, редактировал газету „Коммунист“ и в 1924 г. перешел на работу в Коминтерн.

Вера Слуцкая.

(По материалам Истпарта)

Слуцкая Вера Брониславовна (настоящее имя Берта Клементьевна) родилась в 1874 году, в Минске. В ранней молодости примкнула к революционному движению. До 1901 года работала в организации Еврейского Рабочего Союза России и Польши („Бунд"). С 1902 года — в РСДРП.

За время революционной работы неоднократно подвергалась аресту и высылке. В 1905 году работала в Минске. В 1907 году делегируется на Лондонский съезд социал-демократов. После съезда работает в Петербурге. В 1909 году — арест и высылка за границу, где учится в Берлинском Университете и завязывает связи с партийными эмигрантскими кругами. В 1912 году возвращается в Петербург. В декабре 1913 года снова была арестована и сослана на три года в Новгородскую губернию. В 1917 году опять в Петрограде, работает членом Петроградского Комитета, его *представителем в Совете Василеостровского района и первым секретарем Василеостровского Райкома ВКП (б).*

Т. Вера со всей горячностью отдалась работе. Василеостровский Районный Совет, помещавшийся в доме № 73 по 16-й линии, с самого начала своей работы был местом ежедневного присутствия здесь Веры Слуцкой. Как представительница от партии большевиков, Вера являлась с утра и проводила там долгие часы, отлучаясь лишь для посещения окрестных фабрик и заводов или для явки в комитет партии. Она присутствовала на общих заседаниях ЦК, неизменно посещала заседания Исполкома Районного Василеостровского Совета, являлась на собрания и митинги фабрик и заводов, находясь в непрерывном общении с рабочими и солдатскими массами.

И крупные политические события и мелочи жизни беспрестанно были объектом внимания Веры Слуцкой. Ко всему она относилась с одинаковой горячностью и вдумчивостью. В число ее сложных обязанностей по заведыванию районом входило, между прочим, наблюдение за столовыми, чему она также отдавала много энергии и забот.

„Мы диву давались, — рассказывает Марфа Орлова, бывшая кухарка детской столовой, где работала Слуцкая, — откуда у нее брались силы, как поспевала она везде побывать, все увидеть, все заметить. Все в столовой любили ее, но и все боялись строгой Веры Брониславовны. „Убирайте скорей, мойте чище, как бы не пришла Слуцкая, беда тогда будет“, — слышалось в столовой. Придет она, бывало, перевернет всякую тряпочку, осмотрит все котлы, всю посуду, переберет каждую вилку, сама их протрет, если найдет недостаточно чистыми. К 12 часам, времени отпуска обедов, непременно уж явится сама и наблюдает за всем.

У нас ее называли „Железной“. Бывало придешь в общую комнату и слышишь: „А наша то „Железная“ опять всю ночь не спала: посидела, подремала за столом часа два и снова убежала на фабрику“.

Поистинне непосильную работу по своему району несла наша „Железная“. Тяжесть этой работы осложнялась еще многими привходящими обстоятельствами. На фабриках и заводах работать было сравнительно легче, но держать в руках солдатские массы было гораздо труднее. Многие из солдат недавно сменили соху на винтовку и, сидя в окопах, подверглись обработке со стороны меньшевиков и эсеров. Такие солдаты, на первых порах, с недоверием относились к большевистским речам. Еврейское происхождение, обнаруживаемое внешностью Веры, также служило часто поводом для враждебного отношения к ней со стороны мало-сознательных „крестьян в солдатских шинелях“.

Работа Слуцкой в районе, на местных фабриках и заводах, была чрезвычайно продуктивной. Отношения ее к рабочим и работницам не оставляли желать лучшего. Агитационно-пропагандистская деятельность Василеостровского Райкома послужила прекрасной подготовкой района к дальнейшим ре-

волюционным выступлениям. Василеостровский район был одним из наиболее революционно настроенных районов.

Организация масс, их политическое воспитание и революционная целеустремленность имели огромное, решающее значение для побед василеостровцев. Василеостровцы блестяще справились со своей задачей. Изрядная доля в этой работе принадлежит Вере Слуцкой.

Смерть этого славного коммуниста героична не менее ее дел.

Утром 30 октября 1917 года Вера Слуцкая вместе с двумя другими товарищами выехала на автомобиле из Петрограда на позиции красногвардейцев для обследования фронта, беседы с товарищами, передачи им медикаментов и по организации подвоза провианта. На обратном пути автомобиль был обстрелян орудиями с блиндированного поезда Керенского.

Один из снарядов ударил в голову Веры. Тов. Веры не стало.

Э. Э. Эссен.

Весной 1903 года Петроградский Комитет Партии послал Эдуарда Эдуардовича Эссена и его брата в Екатеринослав, где в это время подготовлялась знаменитая в истории рабочего класса южная забастовка. В Екатеринославе руководил партийной работой тов. Ногин, но вскоре он и целый ряд других товарищей были арестованы. Руководство начавшейся забастовкой перешло в руки т. Эссена и его брата. Брат тов. Эссена, работая в подпольной типографии, набирал, печатал и распространял прокламации. Как у того, так и другого в кармане не было ни гроша, и они ловили в Днепре ракушки, посыпали содержимое их солью и этим питались. После южной забастовки тов. Эссен поступает рабочим на Брянский завод. Отсюда через некоторое время возвращается в Петербург и почти сейчас же уезжает в Женеву, где встречается с Лениным и Плехановым.

На первом же собрании Эссен подходит к Владимиру Ильичу и говорит: „Т. Ленин, петербургские товарищи просили меня передать Георгию Валентиновичу (Плеханову), что они недовольны одним его выступлением“. „А вот и он, пойдите и поговорите с ним“, отвечает Ильич. Эссен подсел к Плеханову и рассказал о недовольстве петербургских рабочих его выступлением. Плеханов поглядел на т. Эссен и ответил: „Передайте вашим петербургским товарищам, что их папаши еще не были женаты на их мамашах, когда я стал революционером“. Это произвело на Эссен столь тяжелое впечатление, что когда он пришел к Ленину и тот спросил его: „как?“ Эссен не нашелся ничего ответить и промолчал.

Находясь за границей, Эссен заболел. Надежда Константиновна Крупская устроила Эдуарда Эдуардовича в Кларане, в хорошей комнате. В. И. Ленин два раза навещал его, несмотря на свою занятость. А когда Эссен немного поправился, то сейчас же по настоянию Владимира Ильича выехал в Россию. По приезде в Петербург, Эссен отправился в Екатеринослав, Харьков, Одессу и Минск; там вел борьбу с меньшевиками и эс-эрами. Переписка была очень затруднена, писали молоком или лимоном, потом проявляли на свечке. Несмотря на это, т. Эссен через Надежду Константиновну продолжает держать связь с большевиками за границей.

Тов. Эссен попадает во второй раз за границу. Там он занимается в библиотеке и одновременно изучает типографское дело. Кроме того работает в „Искре“. Влад. Ильич часто заглядывал к нему в библиотеку и спрашивал, как читает он и что читает, помогая и направляя его работу.

Наступила осень 1904 года. Тянулась русско-японская война. Русские терпели поражение за поражением. Надвигались революционные бури. Эдуард Эдуардович был снова направлен в Петербург, куда и попал 9 января 1905 г.

В 1906 г. т. Эссен на партработе в Крыму. В 1907 г. поступает в университет.

В 1912 г. работает в Главном Управлении Почт и Телеграфа, откуда по требованию Департамента Полиции был уволен за политическую неблагонадежность.

В 1914—1915 гг., находясь на Рижском фронте, ведет партработу среди латышей.

В 1917 г. Эссен избирается *членом В.-Островского райсовета и его первым большевистским председателем.*

Свыше 30-ти лет т. Эссен самоотверженно работал на партийных постах, борясь за социализм до тех пор, пока тяжкий недуг преждевременно не свел его в могилу.

Степанов

И. Б. Борисов.

В 1892 г. в покосившейся избушке деревни Мокшецы, Заручьевской волости, Бежецкого уезда, Тверской губернии родился Иван Борисович Борисов.

В детстве нанялся в пастухи, затем поступил в ученики-мальчики к торговцу железом Волкову в Бежецке. Работал от темна до темна, получал хозяйские колотухи, пинки, спал не раздеваясь на перепревшей соломе.

По истечении срока ученичества, тов. Борисов бежал от Волкова, и наслышавшись про Петроград, в 1909 году приезжает сюда и поступает чернорабочим на медно-прокатный завод.

В 1913 году вступает в члены РСДРП(б), ведет подпольную партийную работу, активно работает в больничной рабочей кассе, а в 1916 г. в кооперативе „Объединение“.

После экономической забастовки в 1916 году полиция начинает следить за тов. Борисовым и в 1917 году арестовывает его.

В октябрьские дни он участвует в боях с юнкерами в Гатчине и в Царском селе, а также на псковском фронте.

По возвращении с фронта Борисов был выбран в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и *выдвинут комиссаром василеостровской районной милиции.*

Посланный партией в Омск в 1919 году, для передачи денег подпольной ячейке, тов. Борисов на станции Челябинск был арестован и посажен в тюрьму, вследствие доноса бывшего с ним провокатора Сашки Мадьяр.

Обрадованные такой поимкой, белогвардейцы с особым издевательством пытают тов. Борисова, и дело его разбирается военно-полевым судом.

Находясь в тюрьме тов. Борисов не падает духом и до своего расстрела успевает передать письмо, в котором пишет: «*Прощайте все, кто меня помнит. Мужайтесь, не падайте духом и продолжайте свое великое дело. Вынесением смертных казней враг не ослабит наш революционный дух. После перенесенных жертв вы теперь не остановитесь и будете творить начатое великое дело, будете бороться за освобождение трудящихся. Мы останемся на поле брани, но наши ряды будут пополняться. Я верю в мощь пролетариата и с этой верой встану под вражеские пули*".

Л. А. Брегман.

Брегман, Лазарь Абрамович родился в 1894 году в гор. Мозыре. В 1914 году, будучи студентом, работал в с.-д. организации в Юрьеве. В 1916 г. в Северо-балтийском союзе РСДРП (б). В 1917 г. член первого Юрьевского исполкома. В апреле 1917 г. был мобилизован зауряд-врачом на военную службу в Петроград. Выехал в Кронштадт для партработы, где был одним из виднейших членов Кронштадтского комитета. В июльские дни во главе кронштадтцев отправляется в Питер. Подлежал аресту, но кронштадтские матросы не позволили его арестовать.

В Кронштадтском комитете в самое тяжелое время руководил работой. Был председателем городской думы. В октябре — председатель Кронштадтского исполкома. В конце 1919 г. т. Брегман на фронте против Деникина. В 1921 г. во время кронштадтского мятежа был арестован, ему грозил расстрел. Взятие Кронштадта большевиками спасло его. Работал в Ленинграде в отделе здравоохранения Василеостровского района, на Кабельном заводе и, наконец, в Василеостровском Райкоме заведующим агитотделом. Умер 9 июля 1925 года.

П. Н. Николаев.

О первых десятках своего жизненного пути Павел Николаевич рассказывает коротко и неохотно. Что особенно гово-

рить? Ведь он не единственный, который таким образом начал свою жизнь.

Варварский гнет русского царизма, сам по себе обезличивая биографии людей из низов, делал их похожими одна на другую. И в самом деле. Мало ли начинали жизнь так, как начал ее он, Николаев Павел?

Родился 12 января 1877 года в деревне Половинино, Ржевского уезда, Тверской губернии, в семье бедного плотника. Через восемь лет кончается „золотое детство" и начинается самостоятельная борьба за существование: восьмилетним мальчуганом отец определяет в пастухи. На этой „должности" состоял четыре года. Жизнь сворачивает на другую дорогу, не глаже, чем первая: попал в Петроград в ученье. Проучился три года и снова очутился в деревне, устроившись дрожжеваром на винокуренном заводе купца Пояркова. В 1895 году возвратился в Петроград и так как не мог получить работы по специальности — устроился дворником. В этом же году перешел на работу в шинопрокатные мастерские на Путиловском заводе, где проработал до 97-го года, когда был призван на цареву службу.

Отслужил свой срок — опять в деревню. Понадобился его сиятельству графу Игнатьеву кочегар на винокуренный завод — стал кочегаром. Но в деревне не сиделось, и в 1904 году променял Зайцево на Петроград, а винокуренный на Петроградский Трубочный завод. Здесь продержался дольше всего — до самого 1914 года.

Мало ли таких жизней? Павел ли Николаевич Николаев, или Николай Павлович Павлов, — все кто родился в покосившейся подслеповатой избушке или в удушающей сырости подвала, все они одним „миром мазались" и одинаково „горе мыкали".

И только одно сделало отличной жизнь Павла Николаевича Николаева от миллионов его одноименцев и тысяч однофамильцев. Об этом тов. Николаев рассказывает с увлечением и молодым задором.

„Жил бы я себе и жил таким образом: то кочегар, то дворник, то дрожжевар; зарабатывал бы кусок хлеба и кроме куска ничего не видел бы, если бы не один „случай", который свер-

нул мою жизнь с узких проселочных дорог на широкий, просторный тракт.

В 1901 году, находясь на военной службе, столкнулся с одним человечком. Был я в то время взводным начальством. И прислали в нашу часть из города Егорьевска, Рязанской губернии, с Хлудовской мануфактуры одного паренька — Федора Букина. Ротный то командир ко мне его определил и наказал присматривать:

— Очень неспокойный человек. И обучаться не хочет. Присмотри-ка за ним.

И действительно бился, бился я с этим Букиным, а он наотрез:

— Служить не хочу и обучаться тоже не буду.

Что ты будешь делать? А ведь я начальство, хоть и не рад был этому начальствованию. Однако, солдат в моем взводе и должен я научить его винтовку держать. А он все на своем стоит.

— Не буду. Расстреляйте, не буду.

Что, думаю, такое? А в палатках наши кровати рядом стояли. Вот я и давай его допрашивать.

— Слушай — говорю, Федя. Ты что это так, а? Или у тебя какая причина имеется?

Букин видит — по хорошему я с ним, и он ко мне так же.

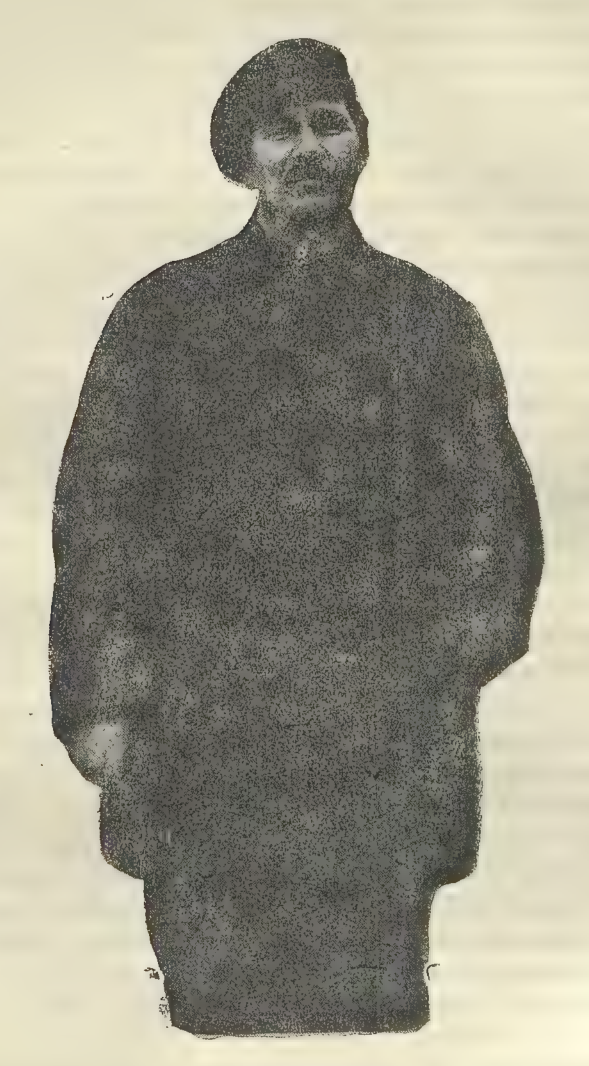
— Слушай, друг, что я скажу. Служишь ты вот царю, а кому служишь? Да тем же кто жить тебе не дает, кто хлеб у тебя отнимает. А кого ты идешь убивать? Таких же как ты, ведь и их такой же Николай посылает. На руку им это. Вот и подумай теперь, должны ли мы воевать.

Я и сам думал об этом не раз, да все никак не мог довести до конца думки свои.

— А вот что — отвечает Букин. Бороться надо. Бить тех, кто нас посылает.

Такие разговоры бывали частенько. А вскоре Федор Букин бежал. Только поймали его. Он снова бежал. И второй раз поймали. Судили полевым судом и присудили на ссылку в арестантские роты.

Павел Николаевич останавливается, достает папиросу и закурив, продолжает. Его суровое морщинистое лицо стано-

П. Н. Николаев.

вится мягким и глаза излучают доброту и тепло. В эти минуты он совсем не такой, как всегда, нет того Николаева, которого знают тысячи рабочих, участников Октября и гражданской войны, имя которого проклинают отрепья прошлого, случайно застрявшие под застрехами нового дома, строить который начал Павел Николаевич и его сотоварищи.

„С тех пор не знаю куда девался Букин. А помню я его как сейчас, как будто бы стоит он предо мной. Если жив — желаю хорошо поработать на благо нашего дела.

Так вот. Многое мне тогда пояснил Федор Букин. Можно сказать глаза открыл. И с тех пор увидел я жизнь: какой она была и какой должна быть. Правда, еще до этого, с 1898 года я уже имел кое какие связи с революционным движением. Но многое не понимал, многого не мог осознать до конца.

Букин помог мне. И уже в 1905 г. вступил я в Российскую Социал-Демократическую Рабочую партию и стал большевиком. С этого же времени начинается моя активная подпольная работа. Кличка моя партийная была „Андриан“. Все мы тогда имели свои клички, чтобы не попасться полиции. Только мало кто уберегся и не сидел в тюрьме. Не уберегся и я.

В 1914 году, в ночь с 4 на 5 июля меня арестовали. В эту же ночь было арестовано еще 95 человек, среди них А. С. Киселев, работавший председателем Правления Петроградского Союза Металлистов, Шмидт, секретарь этого Правления (а я был в нем казначеем и секретарем Василеостровского Районного Союза Металлистов). Арестовали всю редакцию „Правды“, все правление Союза Металлистов и других.

Арестовали нас с связи в организованным нами протестом против войны (были выпущены листовки) и посадили в одиночки, а затем в общую камеру Спасской части. У меня вдобавок при аресте нашли документы, уличавшие меня в сборе пожертвований в пользу ссыльных и репрессивных.[1] А поэтому особо „уважали“, отослав в кресты, где сидел я в камере № 6.

---

[1] Репрессивными назывались революционеры, выселявшиеся из крупнейших промышленных центров с правом жительства в сельских местностях.

Из тюрьмы должен был, по приказу главнокомандующего войсками, отправиться на передовые позиции фронта, но этой участи удалось избежать. Дали взятку полковому писарю, тот и похерил наши арестантские документы, а мы (я и Васильев с Путиловца) остались при оружейных мастерских в Красном Селе, в 176 запасном полку.

Никакой партийной работы в полку, в 1914—15 гг. вести было невозможно, так как очень уж следили и к тому же солдаты в то время еще с недоверием относились к агитаторам.

Зато с 16-го года, когда были мобилизованы ратники и намечалось в армии брожение, усилилась и наша работа. В 16 году, на 16 линии, где жила моя семья, была отпечатана нелегально листовка — протест против войны и голода и эта листовка нами же распространялась среди солдат и рабочих.

После февральской революции работа пошла шибче.

Был я тогда уже в Петрограде.

Как-то раз зашел на партийное собрание в кино „Форум". Собрание в большинстве меньшевистское, и в президиуме только один большевик. Обсуждался вопрос о 8 часовом рабочем дне. Меньшевики никак не соглашались дать 8 часов. Спорили, ругались.

Вдруг в зал, где шло собрание, врывается группа солдат Финляндского и 185 полков:

— Не хотим больше служить. Освобождайте.

Президиум решил не обсуждать этого вопроса и предложил организовать при Районном Совете Рабочих и Солдатских Депутатов особую солдатскую часть. Поручили мне. И заодно — подыскать помещение для Василеостровского Райсовета.

В это же время Революционный Военный Совет РСДРП(б) издал секретный приказ — организовать по районам Штабы военно-революционной обороны. Председателем Штаба на Васильевском острове сначала был назначен меньшевик Штейн, затем его сняли и назначили меня.

Штабу дано было задание — всеми возможными мерами разгружать Петроград от солдат, разоружая их и вооружая рабочих.

Началось хождение по военным частям. Ходили т. Эссен, доктор Богородский и я. Толковали, разъясняли, что делать

им здесь больше нечего и нужно ехать по домам, а оружие тоже не нужно. И добились таки своего. Начался массовый уход в запас. Полученным и отобранным оружием вооружили народную милицию из рабочих, которая должна была послужить верной опорой в предстоящих боях.

Революционная волна росла.

Это отлично понимала буржуазия и шла на все, чтобы помешать росту этой волны.

Одним из средств дезорганизации устанавливавшегося революционного порядка буржуазия избрала вино.

В городе имелось много винных складов. Эти склады стали открывать, солдаты перепивались на дармовщину и устраивали беспорядки.

От Революционного Военного Штаба последовал приказ — немедленно организовать охрану складов, а в крайнем случае уничтожить их.

На Васильевском острове таких складов было больше всего. Организовать их охрану не представлялось возможным, поэтому пришлось уничтожить их, что тоже потребовало не мало усилий.

Была и еще одна уловка, направленная на дезорганизацию работы штабов революционной обороны. Изобрели ее попы.

В штаб вдруг, ни с того ни с сего стали приходить граждане с необычайными просьбами.

Приходит свадебная пара:

— Зарегистрируйте нас.

Другие:

— Разведите.

Третий:

— Нельзя ли окрестить ребенка?

Что такое? — думаем. Ведь никакого постановления об обязательной регистрации в гражданских учреждениях еще не было. Оказалось, попы отказываются выполнять обряды без предварительной регистрации в Штабе. Этим они хотели загрузить нас какой угодно работой, лишь бы революционный штаб не занимался своими непосредственными делами.

Но все эти штуки быстро разгадывались. И штаб революционной обороны продолжал свое дело. К апрелю все было закончено. Я возратился на Трубочный завод.

В половине апреля 1917 г. было получено секретное распоряжение большевистского Цека, в котором предлагалось организовать при заводах военные ячейки, в которые должны входить в обязательном порядке все партийцы и по желанию беспартийные. Ячейки организовывались с целью военного обучения рабочих. Подготовлялась Красная Гвардия.

Организацию и руководство военной ячейкой на Трубочном поручили мне. Получил инструкции из Смольного, от Юреньева, и принялся за дело. Прежде всего, нужно было раздобыть помещение. Но в завкоме сидели меньшевики, сговориться с ними не легко.

Пришлось „обвести" их и помещение было получено. Недоставало винтовок и патронов. Но с этим вскоре уладилось. Достали 19 винтовок и 700 штук патронов. В ячейку набралось на первых порах человек 50. Начались регулярные занятия, проводившиеся по окончании работы. К ячейке Трубочного примкнули рабочие с заводов Сименс-Гальске (сейчас зав. им. Казицкого) и Посселя („Красный Металлист"). Образовался мощный отряд.

Однако, меньшевики смекнули к чему клонится дело и вскоре был получен приказ от властей временного правительства: прекратить военное обучение рабочих. Пришлось работу на время остановить.

После перевыборов Советов, когда в них прошло большинство большевиков, военная учеба на заводах снова возобновилась и в значительно больших размерах. По всему Василеостровскому району число обучающихся дошло до 7000 человек. Потребовалось еще оружие. Договорились об этом с товарищами Позерном и Урицким и получили целый вагон новых винтовок и несколько ящиков патронов. Все это было спрятано на Охте и постепенно распределено по предприятиям.

15 октября распоряжение из Смольного — выделить военного коменданта для руководства вооруженными силами района.

Районный комитет партии назначил меня и снова перешел я на 17 линию, где прежде был штаб военно-революционной обороны.

По указанию Смольного Василеостровский район был разбит на четыре подрайона. На каждый подрайон назначили верных товарищей для руководства силами Красной Гвардии данного района.

Подошел Октябрь.

Большевики решили непреклонно: в ночь с 24-го на 25 октября выступить по сигналу с „Авроры".

С вечера началось стягивание вооруженных сил к Зимнему Дворцу.

С Васильевского Острова для участия в штурме Дворца выделили 80 лучших красногвардейцев, остальные разместились в казармах на 17-й линии.

Ночь.

В помещении штаба тишина. Дремлют вестовые. Сижу у телефона, жду сообщений.

Но сообщений никаких.

Вдруг распахнулась дверь и в помещение бомбой врывается один из моих красногвардейцев:

— Ур-ра-а-а!

Сразу все стало понятно. Мы победили. Власть помещиков и буржуазии была свергнута и перешла в руки рабочих и крестьян".

Да мы победили. Победили благодаря героизму и стойкости наших доблестных красногвардейцев и их славных руководителей, в числе которых первым стоял Павел Николаевич Николаев.

Но он знал, что мало взять власть в свои руки, нужно суметь удержать ее, укрепить.

Павел Николаевич закуривает все чаще и чаще. Из под синей блузы вылез ворот черной рубахи. Лицо возбуждено, глаза помолодели.

— Власть мы взяли. А через два дня получаем сообщение — на Петроград наступает из Красного Села дикая дивизия, возглавляемая Колчаком и бежавшим из Петрограда Керенским. Получаю приказ Ревкома: „Немедленно все силы выбросить на фронт по направлению к Пулковской обсерватории".

Даю распоряжение по заводам. Кажется время было такое, нечему было дивиться. А все ж таки здорово удивился и не-

обычайно обрадовался, когда через 30—40 минут вся 17-я линия и Малый проспект превратились в сплошное море голов. Это собрались василеостровцы, добровольно идущие на защиту очага революции. Среди добровольцев много женщин, особенно с теперешнего завода им. Казицкого.

Я никогда не забуду той услуги, которая была оказана нашей Красной Гвардии со стороны работниц завода им. Казицкого и всегда буду благодарить их.

Разбили и Корнилова.

Но на этом не кончается история славной Красной Гвардии.

Василеостровцы—красногвардейцы рассыпались по другим фронтам, история василеостровской Красной Гвардии получает дальнейшее развитие в истории созданной в 1918 году регулярной Красной Армии.

Красногвардеец Павел Николаевич Николаев еще не раз побывал на фронтах, всюду проявляя смелость, решительность и уменье руководить красноармейскими массами.

Обо всем этом он вспоминает сейчас, называя места где были бои и имена боевых товарищей, вместе с которыми бил белогвардейцев и переносил голод и холод.

Рассказывает просто, без похвальбы, с полным сознанием того, что он как большевик должен был это делать именно так иначе победа была бы невозможна.

А. К.

На социалистической стройке.

Ударные будни,
Как волны прибоя.
За каждой волною
Волна...
Нет...— ничего
Не дается без боя,
В боях до сих пор
Страна...
Если фронты вчера
Помощь просили,
Где пули, как пчелы,
Носились гурьбой,—
Сегодня, всю прыть
Комсомольской силы
На производственный бой...
За гвозди,
За ситец,
За ворох бумажный,
За кабель,
Чтоб кровь электричества лить,
За строй пароходов,
Который отважно
Флотом советским
Обязан поплыть...

Николай Елиссеев.

Реальная фантазия.

I. Ширилось ударное движение.

К 15-й годовщине великой Октябрьской революции рабочие завода „Севкабель“ приходят с громадным опытом социалистической организации производства и с большим размахом социалистических форм труда. На опыте мощного развертыва-

ния творческой инициативы рабочих, инженеров, техников и всего коллектива работников завода можно проследить тот грандиозный сдвиг в отношении к труду, который „из зазорного стал делом чести“, и убедиться в той самоотверженной преданности делу социалистического строительства, которая крепла и наростала из года в год.

Резкий подъем производственной активности рабочих завода стал особенно заметен в период 1926—28 гг., когда партия выдвинула на первый план лозунг индустриализации страны, освобождения от иностранной зависимости, мобилизации внутренних рессурсов.

Развернулась работа производсовещаний. Рабочие стали выдвигать рационализаторские предложения.

22 февраля 1929 г. эмалировочный цех устраивает социалистическую перекличку с 3-й проволочной. Эмалировщики призывают проволочников „включить всю энергию, весь энтузиазм в производство“. В результате этой переклички рабочие узнают причины плохого качества эмалировки и ведут борьбу за ее улучшение.

На призыв рабочих завода „Красный Выборжец“ об организации социалистического соревнования рабочие „Севкабеля“ ответили массовыми заключением соцдоговоров, массовым ударничеством. Передовиками были комсомольцы 3-й проволочной и 5-й кабельной. Они сумели увлечь и повести за собой рабочих всех цехов. Работницы 3-й проволочной, соревнуясь, стали обслуживать вдвое больше станков, а за ними увеличили число ходов печей и работницы эмальцеха. Заключаются договора в слесарно-механическом и других цехах.

В конце 1929 г. на заводе насчитывается 80 ударных бригад, охвативших 434 человека.

К 12-й годовщине Октябрьской революции завод досрочно выполнил годовую программу, дав продукции на 30 милл. руб. при плане в 28 милл. руб. Производительность труда поднялась на 20%. От рационализации был получен 1 милл. руб. экономии, в том числе 246 000 руб. от рабочих предложений.

5-я кабельная в результате выполнения социалистических договоров имела за полугодие следующие результаты. Если в апреле выпуск на одного рабочего равнялся 19 153 произв.

един., то в сентябре 1929 г. эта цифра дошла до 28 629 един. Брак снизился с 6,32% до 5,46%, себестоимость с 47,7 коп. за 1 произв. един. до 31 коп.

Особенный толчек развитию ударничества и соцсоревнования дала проведенная в конце 1929 г. и в начале 1930 г. кампа-

1-я хозрасчетная бригада зав. „Севкабель". Бригада Давайнеса.

ния по борьбе с потерями и мобилизации внутренних ресурсов. Заводу была дана напряженная программа. Меди не хватало. Медь надо было найти во что бы то ни стало.

2 января 1930 г. партком мобилизовал всех коммунистов для проведения десятидневника по борьбе с потерями. Бюро цехячеек разбило всех членов и кандидатов партии по комиссиям. Было мобилизовано 110 комсомольцев и 40 инженеров. Организована выставка брака. В каждом цехе была создана ударная бригада по изучению вопросов борьбы с потерями и по сбору рабочих предложений.

И только за одну пятидневку поступило рабочих предложений по борьбе с браком, отходами и залежами 300 — против 277 за весь 1928/29 год.

Комсомольцы объявили с 15 до 20 января 1930 г. ударную пятидневку по сбору лома. Рабочие бригады, посланные на заводы, возвращались с машинами, груженными отходами меди и в результате вместо заданных 400 тонн завод переплавил 1257 тонн меди и с большим превышением выполнил производственную программу.

Опыт организации борьбы не остался „секретом“ и для других заводов Ленинграда. Десятки бригад „Севкабеля“ были посланы на ленинградские предприятия, где они делились опытом, организовывали борьбу за минимальные отходы, за полное использование сырья, за ликвидацию потерь.

Росло и ширилось ударное движение. Число ударных бригад увеличилось в первую половину 1930 г. до 123 с охватом 1361 рабочих, а к началу ударного квартала количество рабочих ударников возросло до двух тысяч.

В ударном квартале 140 ударников вступили в партию.

II. Первым по Союзу.

В марте 1931 г. на заводе полностью оформилась одна из первых в СССР хозрасчетных бригад — бригада т. Давайниса.

Рабочие этой бригады стали бороться за каждый грамм меди, за уменьшение отходов, за качество медной ленты. Только за один квартал бригада съэкономила 5.000 рублей.

Инициативу бригады Давайнеса поддержала партийная организация завода. 2 марта 1931 г. бюро парткома ВКП(б) предложило заводоуправлению и завкому в виде опыта организовать с 1 апреля хозрасчетные бригады в цехе № 1 и выступить в печати с обращением к рабочим других заводов о переводе бригад на хозрасчет.

Одна за другой включались бригады „Севкабеля“ в борьбу за овладение хозяйственным расчетом — этой высшей формой соцсоревнования и ударничества, и к 1 мая 1931 г., ко второй годовщине социалистического соревнования работа всего завода была перестроена по принципу бригадного хозрасчета.

„Севкабель“ стал первым по Союзу заводом сплошного бригадного хозрасчета.

В результате ударной работы хозрасчетных бригад и цехов завод получил за 1931 г. экономию в 270 139 руб. Из этой суммы 68 000 руб. выдано бригадам в качестве премий.

С 1 января 1932 г. на заводе введен системный учет работы хозрасчетных бригад. Ведется ежедневный учет выполнения задания по бригадам. По окончании отчетного месяца бригада

Красно-знаменная бригада литейщиков зав. „Севкабель".
Бригада Трофимова.

получает из цеховой конторы подробный отчет о месячной работе в трудо-часах, о расходе материала, рабочей силы, зарплаты, о браке и отходах.

Доведение этих показателей до бригады выявило десятки хозрасчетных бригад, дающих в результате ударной работы многотысячную экономию. За июль 1932 г. только 30 хозрасчетных бригад (370 рабочих) дали 48 874 руб. экономии и им выдана премия в 16 093 руб.

Два раза проводился на заводе конкурс лучших хозрасчетных бригад. Бригады: Федорова, Фолькмана, Нечаенко, Ведененкова, Калинина, Алексеевой, Заколюкина — вот лучшие из лучших. Бригадир бригады печников т. Заколюкин показал исключительные образцы героической работы, по 48 час. не

покидая своего участка работы в напряженные и ответственные для завода минуты.

Бригада литейщиков для полного использования рафинировочной печи работает по 2—3 пятидневки без выходных, экономя на нефти и на плавках, увеличивает производительность печи на 150%.

Крепко сколоченные хозрасчетные бригады ежедневно следят за выполнением своих обязательств. В октябре 1932 г. несколько десятков бригад организовали социалистическое соревнование по декадному выполнению плана. Каждые десять дней в цехах вывешивались показатели хода выполнения программы.

Бригада т. Фолькмана за 20 дней октября дала 108,2% двухдекадного задания, а 22 октября 1932 г. работницы 3-й проволочной рапортуют о выполнении октябрьской программы на 100%. В своем рапорте работницы пишут:

„Победа досталась нам не легко, но на достигнутых успехах мы не остановимся. Наша задача дать за остающиеся до 1 ноября дни еще 40% месячного плана и план первый декады ноября выполнить за 5 дней“.

III. Сменно-встречный.

С сентября 1931 г. инициатива хозрасчетных бригад т. Петрусевича и т. Короткина поднимает соцсоревнование еще на более высокую ступень. Бригада начинает применять сменно-встречное планирование. Соревнуясь в выполнении сменного задания, прокатчики бригады тов. Короткина вместо 400 болванок в мае стали давать 600. 28 апреля 1932 г. прокатчики, прочитав речь тов. Шверника, где он говорил о достижениях бригады тов. Короткина, выдвинули встречный в 750— и дали 832 болванки.

Сейчас системой сменно-встречного охвачена большая часть бригад. Бригады на сменно-встречном получают крепкое и определенное техническое руководство.

Все хозрасчетные бригады из числа своих работников имеют рабочий общественный актив по всем отраслям работы хозрасчетной бригады цеха и завода.

Из этого актива готовятся кадры для отделов, цехов, заводоуправления и общественных организаций.

За 8 месяцев 1932 г. на „Севкабеле“ было 927 бригадных производственно-технических совещаний, за один февраль рабочие внесли на них свыше 700 рационализаторских предложений.

IV. Не только догнали, но и перегнали.

Завод растет и реконструируется. На производство приходят молодые кадры советских специалистов. На заводе появляются первые инженеры-коммунисты. Меняется состав и характер работы инженерно-технической секции.

Секция начинает „входить“ в производственную жизнь. Члены ИТС, по заданию Бюро, включаются в работу производственных совещаний.

Особенно заметен был сдвиг в ИТС при обсуждении проекта развития завода в первую пятилетку. Вместе с молодыми специалистами была охвачена энтузиазмом и лучшая часть старого инженерства.

Растет активность инженерно-технических масс. По инициативе партийного комитета Бюро ИТС прикрепляет инженерно-технических работников к рабочим ударным бригадам. Рабочие получают, наконец, производственно-техническую помощь ИТС; инж.-технические работники теснее связываются с рабочей массой в совместной борьбе за промфинплан.

Идея прикрепления ИТР к хозрасчетным бригадам глубоко внедрилась в жизнь завода. Общественный техноруук стал неотъемлемой составной частью хозрасчетной бригады, повседневным помощником в выполнении всех показателей техпромфинплана.

По опыту завода Севкабель общественный техноруук начинает завоевывать права гражданства и на других предприятиях. Вот циркулярное письмо ЦБ ИТС союза электропромышленности: „При сем направляем Вам разработанное и применяемое в работе бюро ИТС завода „Севкабель“ положение об общественном технорукe, которое было утверждено президиумом ЦБ ИТС. Опыт завода „Севкабель“ показывает, что правильная расстановка ИТР предприятия по принципу общественных технических руководителей является залогом действенности ИТС. Президиум ЦБ ИТС взял за основу метод

расстановки ИТР завода Севкабель и обязывает все секции союза электриков принять его за основу".

Опираясь на отряд технируков, достигающий уже 80 человек, Бюро ИТС оказало действительную помощь заводоуправлению в разработке техпромфинплана 1932 года, а затем и второй пятилетки. Общественными техноруками в общей сложности было затрачено на это дело свыше 4600 часов.

Три года тому назад, в 1929 году, никто и мечтать не смел, в такой короткий срок „догнать и перегнать" капиталистические страны в кабельном пространстве. И действительно, целый ряд кабельных изделий, подчас даже очень несложных, импортировался, так как наши заводы не производили их, а между тем требования со стороны бурно растущей промышленности и сельского хозяйства все росли и росли. И касались они прежде всего инж.-техн. работников. Не реагировать было нельзя.

В конце 1930 года, по инициативе Бюро ИТС, организуется ударная бригада инженеров „Ответ интервентам" в количестве 6—8 человек. К ней примыкают еще около десятка инженеров. Бригада эта совместно с лучшими ударниками-рабочими в кратчайший срок — 3—4 месяца — дает первый образец 120 кв. маслом наполненного кабеля.

В 1931 году секция берет на себя ряд социалистических обязательств по организации новых производств и внедрению новой техники и с честью, к 14-й годовщине, выполняет их — дает стране семь новых видов изделий. 42 члена ИТС премируются в сумме 20000 рублей. Растут ряды ударников среди ИТР, растут ряды энтузиастов.

В 1932 году ИТС берет еще более крупные обязательства — поставить производство 30 видов новых изделий и оформляет их в виде двухстороннего договора с заводоуправлением.

В числе этих 30 мы имеем целый ряд весьма технически-сложных изделий, как-то: 220 кв. подземный кабель, междугородний кабель, муфты для 120 и 220 кв. кабеля, конденсатор связи на 220 кв. и, наконец, конденсатор и кабель к нему на 380 кв., чего нет еще ни в одной капиталистической стране.

Такие колоссальные достижения советской кабельной техники в такие чрезвычайно короткие сроки можно объяснить

только тем, что работа велась коллективно всеми инженерами и рабочими завода на основе соцсоревнования и ударничества — этих высших форм социалистического труда.

V. Школа рационализации.

История развития заводской рационализации — это история борьбы группы энтузиастов, во главе с тов. Литвиновым, с технической косностью и консерватизмом старых технических руководителей завода, история напряженной борьбы за новые формы и методы работы, обеспечивающие широкую мобилизацию внимания общественности вокруг вопросов рационализации.

Путь рационализации на заводе—от 100 000 руб. в 1927—1929 гг. годовой экономии до 6 000 000 р. в 1931—1932 гг., от 200 предложений в 1927—28 гг. до 4500 в 1931 г., от нескольких работников бюро в 1928—1929 гг. до 50 ч. стоящих во главе тысячной армии рационализаторов-активистов в 1932 г., от 50 участников рационализации в 1927—28 гг. до 1400 в 1931 г

Достигнутые заводом на фронте рационализации огромные успехи, сделавшие завод всесоюзной школой рационализации — есть результат большого внимания к совместной работе заводоуправления и общественных организаций, сумевших выковать наиболее совершенную структуру органов рационализации, наиболее отвечающую требованиям жизни, дающую возможность использовать громадную творческую энергию тысяч рабочих и ИТР.

Несмотря на количественный и качественный рост органов рационализации, оперативная гибкость его была недостаточной и организация массовой работы была почти невозможна, при существующей вначале централизованной структуре руководства и исполнения. Это привело к необходимости централизации системы исполнения рационализаторских мероприятий путем образования в каждом цехе цеховых бюро рационализации, объединяемых общим руководством заводского отдела рационализации, непосредственно подчиненных начальникам цехов.

Руководствуясь общей методикой социалистической рационализации, был учрежден специальный аппарат — БРИЗ, осу-

ществляющий организационно-общественную работу с рационализаторским активом и контроль за внедрением в жизнь рабочих предложений низовыми органами рационализации.

Немаловажное значение имеют и низовые общественные органы. В настоящее время во всех производственных хозрасчетных бригадах имеются общественные рационализаторы, выбираемые самой бригадой в помощь цеховым бюро рационализации.

Таким образом в распоряжении ОР и БРИЗ'а имеются надежные рычаги связи с общественностью, обеспечивающие при надлежащем руководстве максимальную мобилизацию инициативы и активности рабочих вокруг вопросов рационализации производства.

Пересмотр конструкций с целью их облегчения, замена импортных материалов отечественными — вот пути, по которым шли рационализаторы „Севкабеля“.

Отказ от импортной кабельной бумаги для силовых кабелей, переход на отечественную хлопчато-бумажную и шелковую пряжи, замена импортной канифоли отечественной, тысячи тонн съэкономленного свинца, сотни тонн меди, алюминия, олова — вот список побед рационализаторов „Севкабеля“. От десятков тысяч рублей сокращения импорта в 1928 г. — до 1,5 мил. в 1931 г. и 2,5 м. р. в 1932 г. — таковы результаты.

Все организационное строительство рационализации завода проходило в полном соответствии с решениями партийных и советских организций — под углом максимального приближения аппарата к нуждам технико-производственной жизни цехов, интересам выполнения и перевыполнения промфинплана, живой и действенной связи с общественностью, путем развития коллективных, общественных форм работы, комплектования аппарата из наиболее авторитетных и квалифицированных работников, создания прочной, производственной базы рационализации и т. д.

И это в первую очередь определило ту высокую степень, которой достигла рационализация на „Севкабеле“. Чтобы понять величину рационализаторской активности достаточно вспомнить результаты двадцати-пятидневника по борьбе с потерями, давшего полмиллиона рублей, результаты кампании

в ударном квартале, кампанию по сбору предложений в фонд второй пятилетки, собравшую 2500 предложений и т. д.

Особо необходимо подчеркнуть выдающуюся роль в массовой рационализации инж.-техн. работников завода, на долю которых, почти из года в год, падает 50% всего эффекта от рационализации производства.

Лучшая бригада прокатчиков зав. „Севкабель". Бригада Иванова.

Устами лучших рационализаторов и изобретателей завода на вечере кабельной „фантастики" был дан социалистический заказ массам рационализаторов и изобретателям на осуществление тем, проведение которых в жизнь совершенно изменит технологическое лицо завода, значительно удешевит продукцию и неизмеримо облегчит труд.

VI. Идеи во 2-ю пятилетку.

Развивая ударничество и соцсоревнование, завод к первой годовщине ударничества и соцсоревнования вовлек в это движение подавляющее большинство рабочих завода.

Ко второй годовщине соцсоревнования и ударничества завод первый в Союзе стал заводом сплошного бригадного хозрасчета. Совершенствуя хозрасчет, применяя сменно-встречный, мобилизуя всех работников завода на выполнение 6 исторических условий тов. Сталина, овладевая техникой и догоняя передовые капиталистические страны, лучшие ударники завода к третьей годовщине ударничества и соцсоревнования разработали первый в Союзе бригадный техпромфинплан.

Перед разработкой техпромфинплана на 1932 г. было дано следующее задание. Выпуск в 1932 г. — 90 милл. руб. Среднее количество рабочих (кадровых) 3320 чел., повышение производительности труда 21,4%, снижение себестоимости — 0,56% или в деньгах экономия 300 000 руб.

Разработка техпромфинплана показала, что эти цифры можно значительно перекрыть. После обсуждения пометок рабочими бригадами, после неоднократной проверки общественностью различных мероприятий, ведущих к увеличению производительности труда и снижению себестоимости, выкристаллизовались те цифры, которые завод имеет в своем техпромфинплане на 1932 г. Для большей осторожности эти цифры были еще раз продуманы компетентной комиссией, многие цифры были урезаны и все же мы имели при том же выпуске в 60 милл. руб. среднее количество рабочих 2960 человек, повышение производительности труда на 26%, снижение себестоимости — 1,1%, — экономия в 600 000 руб.

Опыт разработки техпромфинплана показал, какие неисчерпаемые ресурсы имеются на заводе, показал, что стоит лишь с большевистской настойчивостью взяться за дело, и результаты опрокидывают всякое неверие в выполнение плана как по количеству так и по качественным показателям.

В 1932 г. кончается первая пятилетка. „Севкабельцы" начали разработку плана второй пятилетки.

Разработка второго пятилетнего плана в корне отличалась от разработки первой пятилетки в 1929 году. Тогда цехами был разработан план включающий в себя расчеты оборудования, были определены затраты по годам, подсчитана рабсила — и все. Участие общественности и контроль рабочих были

недостаточны, экономические показатели из плана цеха отсутствовали и разрабатывались где-то в глубине планового отдела завода. Не было даже и разговоров о бригадном плане. Завод за эти годы настолько вырос, что такой план теперь никого не удовлетворил бы. И передовая по хозрасчету бригада свинцового пресса цеха № 2 — бригада Ведененкова заявила в мае 1932 г. „Пятилетний план должен быть составлен побригадно. Должен быть составлен бригадный техпромфинплан 2-й пятилетки, в который включаются экономические показатели и который должен охватить все стороны работы бригады.

Для мобилизации творческой мысли был организован „вечер фантастики" на заводе в июне 1932 г. За чашкой чая серьезные люди, серьезно говорили о вещах, казавшихся на первый взгляд действительно фантастическими. Было показано, как может быть перестроен завод при введении „кабельных комбайнов", т. е. своего рода универсальнойкабельной машины, новых видов изоляции и т. п. И нужно сказать, что эта „фантастика" не была уже так фантастична. Разве не стоим мы теперь перед вопросом о единой высоковольтной сети Союза с ее кабелем в 220 000 и 380 000 вольт напряжения, в то время как еще не так давно напряжение в 35 000 вольт казалось сверхестественным.

Многое из того, что говорилось на вечере „фантастики" нашло свое отражение в техпромфинплане 2-ой пятилетки уже в качестве самых реальных вещей, снабженных инженерными расчетами и обоснованиями. Несомненно и здесь в процессе работы завод пойдет дальше, что можно сейчас предугадать. Сейчас уже можно подвести итоги проделанной работы по разработке техпромфинплана на 2-ую пятилетку. Техпромфинплан есть у каждой бригады. Тщательно и неоднократно проработанный бригадой, он показывает, чего можно добиться, мобилизуя рабочую общественность.

Бригада Ведененкова (цех силовых кабелей) первая выдвинула требование о разработке бригадного техпромфинплана 2-ой пятилетки. Требование на первый взгляд заключавшее в себе неопреодолимые трудности.

Опыт показал, что нет неустранимых препятствий при дружной работе коллектива. Бригада Ведененкова первая в заводе

имела свой образцово-разработанный техпромфинплан. Как тщательно он был проработан самой бригадой, показывают многочисленные протоколы. Что имеет в своем активе бригада Ведененкова?

Техпромфинплан дает:

Наименование	1932 г.	1937 г.	%
Выпуск кабеля на 1 кв. м произв. площ. в км	2470	7590	219
Выпуск кабеля в мн. на 1 рабочего	433	777	160
Выпуск кабеля в рубл. на 1 руб. устан. оборудов.	128	238	186
Рост произв. труда	100%	160%	—
Снижение себестоим.	—	33.5%	—
Экономия в рублях	—	325 000 руб.	—

Бригадой предусмотрено все. Не только необходимое оборудование, но и организация труда, культ.-быт. обслуживание, подготовка кадров и т. п. Работа по разработке техпромфинплана полностью себя оправдала. Не даром техпромфинплан бригады Ведененкова стал образцом для всего завода.

Но техпромфинплан в разработанном виде имеют и отделы завода и вспомогательные цеха. Их техпромфинплан представляет значительный интерес как в методическом отношении так и в смысле материала в нем представленного.

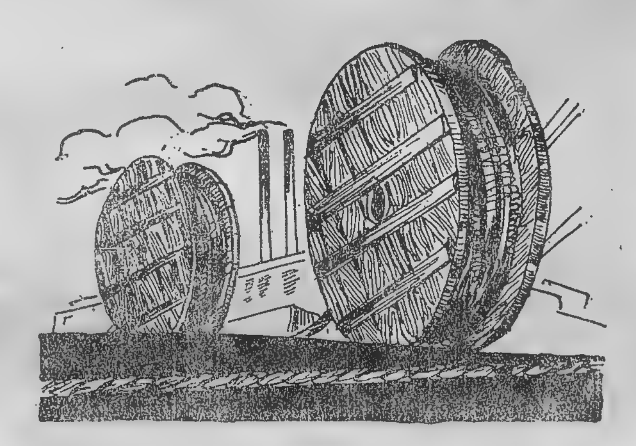
Обсуждение плана на бригадах и упорная работа приблизили к рабочему все те ранние, темные и непонятные факторы, которые все же влияли на качество, на перерасходы и т. п. Хозяином всех мепроприятий стала бригада. Никогда еще активность ее не доходила до такой степени. Имея в своих руках ключ к выполнению 2-ой пятилетки, повседневно наблюдая работу цеха и сверяя ее с техпромфинпланом, бригада сразу же одернет маловеров и не даст снизить темпов, диктуемых цеху и бригаде общим ростом страны. Техпромфинплан позволил создать подлинно рабочий контроль над работой всего завода.

И здесь необходимо особенно отметить работу инженерно-технического персонала. Еще в разработке техпромфинплана 1932 года мы имели возможность наблюдать прекрасные образцы работы прикрепленных к бригаде инженерно-техни-

ческих работников. Сейчас работа техноруков (так называются инженерно-технические работники, прикрепленные в порядке общественной нагрузки к бригаде) показала, каким здоровым костяком обладает инж. тех. секция завода, не считаясь со временем, до глубокой ночи, в течение многих дней техноруки вели разработку и проработку техпромфинплана.

Энтузиазм сделал свое дело. Есть техпромфинплан, которым в праве гордиться завод, в праве гордиться инженерно-техническая секция.

Инженер Сегаль.

Продукция завода „Севкабель“:
1927/28 г. — 21.330 тыс. руб., 1932 г. — 70.000 тыс. руб.

Мой путь.

До 14 лет жил на иждивении родителей крестьян и учился в волостном и министерском училище. С 14 лет — самостоятельно. Вначале работал на мебельной фабрике в Ленинграде столяром, затем плотником на различных постройках у подрядчиков Псковской и Лифляндской губ. Одновременно по вечерам учился и хотел было сдать экзамен на народного учителя, но это не удалось, так как без свидетельства о политической благонадежности к экзаменам не допустили. После этой неудачной попытки все свободное время я стал использовывать для изучения общественных наук.

Еще до 1905 г. мне пришлось несколько раз слышать революционные песни, тогда же мы, ученики, бегали на митинги в волостное правление.

А в 1906 г. на наших глазах проходила „работа" карательной экспедиции. Каждый день подымались столбы дыма от пожарищ, где сжигались дома или имущество участников восстания. Мимо провозили запоротых до смерти десятки и сотни революционеров. Все кругом стонало. Все это вместе взятое внушало страх, но одновременно оставило и неизгладимые следы отвращения и ненависти к палачам. Этому помогали революционно-настроенные латвийские журналы, получаемые от сестры из Петрограда, и революционные листовки, которые доставлялись дядей, имевшим связь с партией, и от ученика Венденского городского училища Галина.

В 1910 г. осенью приехал в Петроград и стал работать на мебельной фабрике. В этом же году участвовал впервые в демонстрации (на Невском, по поводу смерти Льва Толстого). Никакой связи с партией в то время еще не имел и на демонстрацию попал случайно. Но в демонстрации протеста против Ленских расстрелов (в 12 г.) я участвовал уже сознательно.

В стачках пришлось участвовать два раза на постройках в Псковском уезде летом 13 и 14 гг.

С 1912 г. стал более активно участвовать в работе партии и в мае месяце того же года впервые участвовал на заседании Мариенбургского кружка С.-Д. Латвии (Маленский район), это

и было мое вступление в партию. Еще до этого в 1912 г. я впервые участвовал в маевке. Кружок наш работал слабо и проявлял себя лишь в распространении среди знакомых прокламаций подпольного журнала „Циня" („Борьба"), изучении политэкономии, проведении маевки. В кружке в то время

были тт. Иценет, Булин (мой дядя), Берзин. Изредка в кружок приезжали тт. из соседних волостей. Впоследствии в кружок вступили еще другие тт. Эфферт-Иуйка-Клусайс, Клявс-Клявин и др.

Хорошо кружок заработал в начале войны.

В это время мы завоевали общество трезвенников, провели несколько массовок, организовали кружок самообразования, через который вербовали новых членов, распространили массу прокламаций и т. д. На мою долю вместе с братом выпала доставка, хранение и распространение легальной и нелегальной литературы. Впоследствии мне удалось добыть из Риги печатный шрифт и в 14 и 15 гг. при помощи его или шапирографа мы стали печатать свои прокламации. Печатание плакатов и развешивание их также лежало на мне. Кроме этого благодаря большому знакомству я вел агит. пропагандистскую работу среди молодежи. К весне 1915 г. еще до моего последнего ареста, кружок вырос до 30 человек и разделился на две части.

Еще до вступления в партию, когда мне не было 17 лет, меня арестовали за оскорбление религии и императора, но так как я числился малолетним, то осудили всего на 6 недель.

В начале 15 г. перед моим призывом в армию, по решению кружка, я с поддельными документами уехал в Финляндию, чтобы либо остаться там, либо удрать в Швецию. Скоро меня, как подозрительного элемента арестовали, но так как не нашлось никаких улик, то меня после пары месяцев тюрьмы просто выслали по месту жительства. После этого за мной была усиленная слежка и, сознавая это, я из города переехал жить в лесную избушку. Здесь же в лесу хранилась и наша „типография“. Через пару месяцев мне надо было призываться в армию и на этот раз мы решили, что брат мой (он мне ровесник) — дезертирствует, а я пойду в армию. Брат благополучно сбежал, а меня забрали и отпустили на две недели в отпуск. Ночью перед отъездом мы на всех дорогах разбросали и на столбах расклеили прокламации к рекрутам, но когда утром я пошел в Мариенбург, то на дороге, по которой должен был разбрасывать прокламации т. Мурин — их не оказалось. Хранил прокламации в это время тов. Эфферт. Я взял

от тов. Эфферт прокламации, благополучно их разбросал, но до дому мне так и не удалось дойти, по пути арестовали. Вместе со мной в тюрьму посадили и т. Эфферт, но так как против него не было никаких доказательств, то его скоро освободили. Меня же продержав под следствием в Валкской уездной тюрьме около полгода, как солдата отправили в гор. Венден в Военно-Соединенный Суд при Штабе 12-й армии по 102 и 129-й ст. ст., за состояние в нелегальной организации, ставящей своей целью свержение существующего строя, за устную и письменную агитацию против войны и монархии в районе военных действий. Суд состоялся без вызова свидетелей, при закрытых дверях. Приговорили к бессрочной ссылке на поселение в Восточную Сибирь, лишив солдатского звания и состояния всех прав и преимуществ.

Через несколько дней меня отправили в Вольмар, оттуда в Юрьев и затем в Сибирь.

В Самарской тюрьме я встретился с тов. Карклиным (Блюмом) и целым рядом других товарищей. Здесь выдержали с победой голодовку и через месяц вместе с тов. Карклиным и друг. поехали на место ссылки в село Знаменка (Илчинская волость, Верхоленский уезд, Иркутской губ.). Из Знаменки вместе с тов. Карклиным мы сразу же ушли в Жигалово, где нанялись матросами на баржу Ленского золотопромышленного товарищества. Зимой я работал в Жигалове столяром на постройке казенного парохода, а осенью просто голодал, ибо весь летний заработок ушел на одежду. В Жигаловской политической колонии меня избрали председателем колонии, хотя и был я самым молодым по возрасту из всей колонии.

Из ссылки я уехал в Петроград после февральской революции (7 марта 1917 г.). Сразу же начал активную революционную работу. Ездил от ЦК РСДРП(б) на Рижский фронт агитатором. Потом работал в Совете рабочей милиции и Красной гвардии. Рижским Советом Рабочих Депутатов был избран заочно на 1-й Всероссийский Съезд Советов. После июльских дней 17 года, чтобы избежать ареста, сбежал на юг, где в Таганроге вместе с тт. Розе, Нелиным и другими нам удалось расколоть местную организацию РСДРП, отколов от меньшевиков большинство членов, и создать 1-й большевист-

ский комитет. Первым большевиком от рабочих аэропланного завода в Таганрогский меньшевистско-эсеровский совет рабочих и солдатских депутатов был избран я.

После контр-революционного разгрома на юге я уехал в Латвию. В Латвии, в Мариенбурге работал в Совете, а после немецкой оккупации сбежал в Петроград, где вступил добровольцем в Красную армию. Скоро был назначен военкомом Окружного Управления Воздушного Флота. Из Ленинграда был переброшен в Саратов, а потом в Киев на ту же работу. Будучи в армии, одновременно вел и партработу, организуя ячейки в частях Воздухофлота. Принимал участие в боях под Киевом и Петроградом. После ликвидации второго Юденического наступления, Петербургским Комитетом был отозван на партработу. Работал ответственным организатором Московского РК ВКП(б) в Ленинграде.

С тех пор все время нахожусь на партработе в разных организациях. Работал инструктором ЦК Компартии Туркестана, председателем, зав. орг. и зав. АПО Великолуцкого укома ВКП(б), председателем Торопецкого Укома и предс. союза Рабпрос; зав. орг. отд. Псковского Губкома ВКП(б), зав. орг. Кузнецкого Окркома ВКП(б), инструктором ЦК, секретарем Боровичского Окркома ВКП(б); зав. отделом кадров Ленобкома ВКП(б) и в настоящее время секретарем В.-О. Р. К. ВКП(б). *В. Волцит.*

Рост продукции Балтзавода:
1927/28 г.—20.724 тыс. руб., 1932 г.—68.108 тыс. руб.

Тов. Ингельман.

До Октябрьской Революции тов. Ингельман был рабочим-медником. У станка проработал до 1917 г. — всего 27 лет. Еще до революции принимал участие в революционном движении, выполняя отдельные поручения. Член коммунистической партии с 1917 г.

Большую партийную и общественную работу после революции вел на Балтзаводе, где проработал 8 лет (предзавкома, нач. хоз. части, зам. директора и друг.), отдавая этому много времени и сил.

В настоящее время работает председателем В.-О. Районного Совета.

Догнать и перегнать.

Черная ночь, раскрыв широкую пасть, дышала осенним холодом. Кутаясь в воротники пальто, шли люди, спотыкаясь о булыжник разрытых мостовых, которые еще не были поправлены после пронесшегося над Россией урагана.

Громадный организм страны обескровленный, истощенный до худосочия тяжелыми годами гражданской войны, требовал вливания крови. Этой кровью, которая должна была оживить организм, влить в него бодрость, заставить быстро двигать своими окостеневшими членами, могла быть только чудесная сила природы — электричество. Но задача заключалась не только в том, чтобы получить эту чудесную силу, заставить бегать ее по проводам и производить работу, но и суметь предупреждать ее капризы.

Разбрызгивая в стороны жидкое тесто грязи, иногда пробегали автомобили, скрываясь в огромной пасти осенней ночи. Огни в этажах больших домов меркли один за другим. Медленно огибая лужи, в солдатских сапогах шел Федор Бабурский. Он недавно вернулся с фронта, занимался уличной фотографией и, теперь, возвращаясь с завода, с кипой чертежей идет к инженеру Брауде. Его ждет большая работа, над которой он просиживает целые ночи, его ждет работа по созданию первого советского масляника. . . . .

Поднимаясь по лестнице, на ступеньках которой стыли большие комья грязи, Бабурский думал:

„А, что, если я и на этот раз наврал? Брауде заставит меня переделать чертеж в десятый раз...

Это черт знает, что такое, он, словно умышленно, старается задержать сборку масляника, придираясь к каждой мелочи“.

Руки тряслись. Бабурский нажал кнопку звонка. Кровь хлынула в голову. Кроме ритмичного стука сердца Бабурский ничего не слышал. Рука вновь потянулась к звонку.

Кто? — послышался мужской голос.

— Лазарь Борисович, откройте! Это я, Бабурский.

— Фетор Феторфич, пошалюста, пошалюста, встретил Бабурского приветливый голос Брауде.

— А ми фас дафно потшиталь...

Брауде, закрыв дверь на крючек, направился в кабинет. Бабурский усердно вытирал сапоги. Нерешительно открыв дверь кабинета, Бабурский увидел склонившихся над чертежами: инженера Воронова, Ароновича, Ручкина, Перли. Они смотрели то на чертеж, то на горячившегося Брауде, который сидел на краю стола и тыча линейкой в чертеж все с большим возмущением продолжал начатый до Бабурского разговор:

— Фи ны как нэ мошит понять, што отин сотыи шасть миллиметр мошет слюшить причиной фсрыфа, — и покручивая двумя пальцами линейку, он стал расхаживаться по кабинету взад и вперед.

— Ми меньше мошим приносиль польса, чем нателяль убитки. Перете́лять, опясательно перете́лять. Фирма Сименс Шуккерт все теляль тошность отин тысяшный миллиметра, — продолжал Брауде, расхаживая по кабинету.

Бабурский стоял развертывая свой чертеж. Туман табачного дыма застилал глаза. В голове еще звенело браудовское: „Перетелять, опясательно перетелять“...

— Нет, это придирки. Конечно он старается задержать сборку и испытание масляника, думал Бабурский, вглядываясь в Брауде.

— Ну, Фетор Феторфич, фи што скажит? — прервав мысль Бабурского обратился к нему Брауде, всматриваясь в чертежи только что принесенные Бабурским.

Бабурский молчал. Его лицо покрылось густой краской, похожей на киноварь. Брауде взял чертеж, разложил его на стол и принялся измерять ножкой циркуля, каждый штрих. Всунув пятерню в волосы, другой придерживая циркуль на царапине чертежа, на минуту задумался. Это был первый признак его возбуждения. Бабурский это понял и решил поспешить с объяснениями, заметив как ножка циркуля передвинулась в одном месте:

— Лазарь Борисович, у Вас, кажется, циркуль не в порядке?...

— Колӧфа у фас не ф порятке, та!..— бросив циркуль, сказал Брауде. Воронов переглянулся с Ароновичем и еле заметно улыбнулся. Ручкин и Перли, фыркнув, уткнулись в чертежи. Бабурского охватила нестерпимая злоба. Брауде продолжал проверять чертеж Бабурского и закончив сказал:

— Отин поправка и шертешь оконшен. Отин, только отин, а так самешательно, самешательно,— и он дружески потрепал Бабурского по плечу. Бабурский молча взял чертежи.

— Порис Алехсантрофич,— обратился Брауде к Воронову — теперь фопрос оп испитаний. Элехроток сфой сеть испольсофать нэ расрешает, делё слишком плёхо...

— С Электротоком мы постараемся, все таки, договориться. Возможно нам разрешат для этой цели использовать электростанцию Гелиос,— оторвавшись от чертежа ответил инженер Воронов.

Здесь, в этом небольшом скромном кабинете группа инженеров обсуждала проект создания первого советского масляного выключателя ВМ-5, разрывной мощности в пятнадцать тысяч киловольт-ампер.

Ни опыта, ни чертежей. Инженер Брауде, когда то работавший на германской фирме Сименс и Шукерт, упорно работал над созданием первого советского масляника, кое-что заимствуя от американского масляного выключателя ФК-5. Требуя изумительную точность чертежей, он заставлял перечеркивать их по десять, по пятнадцать раз.

Бабурский смотрел на этих людей, на их энергичную работу и у него возникало огромное желание вместе с ними работать, работать и работать без конца, но... ведь он же окончил только ремесленную школу. Однако для Бабурского никаких „но“ не существовует — он уже владел техническими секретами масляников, несмотря на то, что еще много, много не хватало знаний. Бабурский просиживал целые ночи над книгами: писал, чертил, рвал, снова чертил и снова рвал, но работать над собой не бросал. Теперь он вместе со всеми инженерами участвовал в сооружении масляного выключателя.

Так в упорной работе проходили день за днем.

В аппаратном отделе завода Электросила заканчивали сборку первого советского масляника. Бабурский вместе с Брауде и Ароновичем бегал, прикидывал, измерял, готовясь к первому испытанию.

Администрация Электротока попрежнему отказывала в предоставлении возможности испытания масляника. Электрическую сеть подвергнуть на короткое замыкание администрация не решалась. Управляющий попрежнему стоял на своем:

— Ничего не выйдет, товарищи. Ваши испытания вместо пользы могут причинить большие убытки. Могут быть большие повреждения в генераторах...

Но Аронович и Воронов уверяли управляющего, что никаких повреждений их испытания причинить не могут. И только после долгой просьбы удалось добиться согласия администрации. Электроток решил разобрать станцию Гелиос, предоставив перед этим возможность испытания масляника.

И теперь, как никогда, шла напряженная подготовка масляника к испытанию. Брауде бегал взволнованный и, кажись, уже в сотый раз пересматривал чертежи. Бабурский с большим вниманием следил за сборкой масляника. Была ли привинчена хоть одна гайка, был ли вставлен хоть один болт, которых бы не осмотрел Бабурский? Нет их не было! К концу сборки он уже самостоятельно мог разобрать и собрать весь масляник.

Облокотившись на бак, Бабурский задумался:

— А вдруг — взрыв. Вдруг я на одну десятую просчитался. Нет этого не может быть, все сделано точно. Скорее бы испытание, скорее бы взяться за изготовление своих советских масляников.

Голова была переполнена сомнениями, которые назойливо лезли одно за другим и тут же сомнения сменялись новыми мыслями, что их труд даром не пропадет.

* * *

Белые хлопья снега клочьями ваты падали на плечи Бабурского, когда он подходил к станции Гелиос. Сбросив с фуражки снег, Бабурский внимательно осмотрел станцию и молча пошел обратно.

— Т-а-а-к, все в порядке, завтра испытание, — подумал Бабурский, оглянувшись назад. Испытание не выходило у него

из головы. Он ни о чем больше не мог думать, его мысль невозможно было отвлечь ничем. Рука Бабурского ногтями пальцев в кармане впилась в карандаш, раскрошив его в мелкие щепки. Под ногами хрустел снег. Бабурский, опустив голову, подходил к заводу.

На другой день, когда гудок Электросилы рвал утренний морозный воздух, масляник был готов к испытанию.

Рабочие, проходя мимо, подшучивали, некоторые с любопытством вглядывались в эту диковину. Около масляника остановился рабочий аппаратного отдела Харченко. Он долго смотрел то на масляник, то на Бабурского, стоявшего рядом с ним и подмигнув сказал:

— Дывысь, нэ було б шо плоше. Вдруг яка-нибудь холира возьме, та надилая дило у тоби шой ны расхлыбаться. Глянь вона яка дура стоит, це шо нэбудь стоя. Чорты его батька зная, злучись шо, а у тэбе и грошей нэма.

— А если ничего не случится, тогда что? — улыбнувшись, Бабурский посмотрел на Харченко.

— А як возьме тай злучиться...

— Ничего, Харченко, не случится, не бойся.

— Загрэмит вона в тартарары, шоб ей ни дна, ни покрышки, и махнув рукой, он направился в цех.

* * *

В маленькой комнатушке сидел Бабурский и конструировал новый тип масляника ВМ-14. Страна нуждалась в масляниках разрывной мощности не в пятнадцать тысяч киловольт-ампер, а в шесть раз больше, и Бабурский конструировал масляник разрывной мощности в сто тысяч киловольт-ампер. Вокруг его лежали чертежи, пахло воском кальки.

За окном шли люди, бегали автобусы, оставляя позади узоры резиновых покрышек так же, как года позади оставляют события.

Бабурский положил на чертеж циркуль, откинулся на спинку стула и, глядя в потолок, задумался. Он вспомнил, как год назад на станции Гелиос он, Брауде, Аронович, Воронов, Ручкин и Перли с большим волнением проводили первое испытание и еще теперь часто в его ушах звенят последние слова инженера Брауде:

— Все благополучно, ропота оконьшен.

Ему до сих пор казалось, что Брауде всеми мерами старался замедлить сборку и пробный пуск масляника, но теперь, когда он бегал вместе с секретарем парткома из учреждения в учреждение с тем, чтобы создать самостоятельный завод по изготовлению высоковольтной аппаратуры, мысли рассеялись. Теперь Бабурский также, как и прежде, просиживал целые ночи, работая над созданием советских масляников. Усиленно изучил американские масляники фирмы Джин.

И в 1925 году, на 24 линии Васильевского Острова, на месте бывшего прожекторного завода „Сименс Шуккерт" был открыт новый завод „Электроаппарат". С завода „Электросила" везли станки, машины, шли мастера, рабочие, инженеры, а вместе с ними все также шел задумчиво Бабурский.

Трудно было работать первое время, когда не было ни чертежей, ни опыта по изготовлению аппаратуры. Заводу нужна была помощь, получить ее было неоткуда. Электротехнический трест заключил договор с германской фирмой AEG так как иного выхода не было. И теперь, когда был заключен договор, из-за границы получали чертежи, новейшее оборудование для завода и представлялась возможность посылать рабочих и инженеров для повышения квалификации. В Германию был послан масляник ВИ-5 на повторное испытание в лабораторию фирмы AEC.

К этому времени уже был построен заводом „Электроаппарат" масляник ВМ-14 разрывной мощностью в сто тысяч киловольт-ампер конструкции Федора Бабурского.

Страна требовала большего. Бабурский был послан за границу.

В третьей Сборочной — работа в полном разгаре.

Стучат молотки, визжат пилы, врезаясь в твердую сталь, скрипят напильники, ползая взад и вперед по крепко сжатому в тисках железу. Около трех больших баков, которые вмещают в себя три тонны масла, энергично работает бригада по сборке американского масляного выключателя МКП-153.

Вылезая из бака, бригадир Бабушкин взглянул на Кольку Розова, который под звуки передаваемого по радио концерта,

выбивал вальс-чечетку. Бабушкин стиснув зубы подошел к Кольке и, глядя на него в упор, сказал:

— „Не плясать, а работат надо"!..

— А я чо?... Я пришабриваю, попытался оправдаться Колька.

— Я вижу, как ты пришабриваешь. Уддарничек... Будешь лодыря валять — на бюро передам. Вторая декада кончается, а задание выполнили на пятьдесят процентов.

— Ну уж от этого революция не пострадает,—бросил Колька вслед уходящему, Бабушкину.

— Программа от этого пострадает, это же понимать надо!... сказал Бабушкин и снова полез в отверстие бака. Колька принялся за работу.

„Надо кончить скорее" подумал он, взяв с верстака напильник.

— Эй, ты, ударничек, навертывай, навертывай, чего губы то развесил, крикнул Кольке Вязовкин, расклепывая ручником болт. Мы от других бригад и так здорово отстали, нагнать надо. Да и самим же хуже, придет получка, а нам и получать нечего.

— Знай про себя, а я про себя знаю, не оборачиваясь ответил Колька.

— То-то знай, браток...

И снова ручник заплясал по железному болту и снова гайка за гайкой ввинчивается в громаду масляника.

В этой бригаде уже выросло несколько масляников: ВМ-103, ВМ-125, и теперь собирают огромнейшую махин у масляник МКЦ-153 разрывной мощностью в полтора миллиона киловольт-ампер, а за ним ждет сборки большей выключатель МКП-274 разрывной мощностью в два с половиной миллиона киловольт-ампер. Свирьстрой ждет эти выключатели, они должны быть сделаны в срок.

— Бабушкин, днище привезли, крикнул мастер Коковкин, заглянув в бак, где сидел за сборкой Бабушкин.

— Ладно, ответил он, вылезая из бака.

Бабушкин направился осмотреть днище. Лучи солнца скользили по днищам, привезенным с Балтийского завода. Бабушкин, осматривая их, вспомнил как в прошлом году, обливаясь потом, эти днища выколачивались в кузнице вруч-

ную. Ему вспомнился Коковкин, долго ломавший голову над тем, чтобы облегчить труд и ускорить работу. Он предложил выколачивать их под гидравлическим прессом.

Масляный выключатель зав. „Электроаппарат“.

Работа попрежнему кипела. Колька просверливал отверстия шайбы, Беленький сидел на маслянике, привинчивал болт. Бабушкина вызвали в Партком.

* * *

Перед окончанием работы мастер подошел к Бабушкину:

— Ну что? — обратился он к Бабушкину.

— Придется остаться после работы на сверхурочные, иначе не успеем, скоро тридцатое, — не поднимая головы, ответил

Бабушкин. Мастер пошел по цеху. Бабушкин долго смотрел ему вслед, в его глазах чувствовалось большое спокойствие, большая уверенность в себе. Стук молотков постепенно смолкал. Прогудел гудок. Бабушкин крикнул:

Ребята, ну-ка идите сюда!

Один за другим подходили: Вязовкин, Колька, Беленький и другие.

— Надо остаться на сверхурочные, иначе мы в этот месяц сядем на щетки,— вытирая о спецовку руки, начал Бабушкин.

— Ну дак-ыть останусь, нужно мне это дело очень, завопил Жуков: работать,— работай, а жрать нечего.

— Верно, Жуков, верно!..— поддержал его кто-то, проходя мимо.

В это время подошел секретарь цехячейки. Он долго всматривался в Жукова и наконец сказал:

— Не хочешь, отчаливай.

— Правильно, правильно!— закричал Вязовкин,— если ты не хочешь, так мы останемся, а не подкачаем. Свою бригаду в обилу не дадим и позорить ее тоже не позволим.

— А ты можешь итти, если тебе желудок дороже маслянника, сказал секретарь ячейки.

— Да я что... Я просто так...— начал оправдываться Жуков.

— Ну так кто остается, ребята, говори?—спросил Бабушкин, посмотрев на ребят.

— Да все останемся, чего там, ясное дело!..

— Ясное дело, что зря языком чесать! И каждый из них отправился на свои места. Бабушкин крикнул вслед:

— Ребята! Завтра на кружок по овладению техникой, слышите?

— Есть! раздалось в ответ.

— Приходите обязательно. А то мы и так здорово плаваем, и, взяв молоток, Бабушкин направился к маслянику.

Снова заплясали молотки, завизжали пилы. Вязовкин, сидя в баке, в такт срывающемуся молотку затянул:

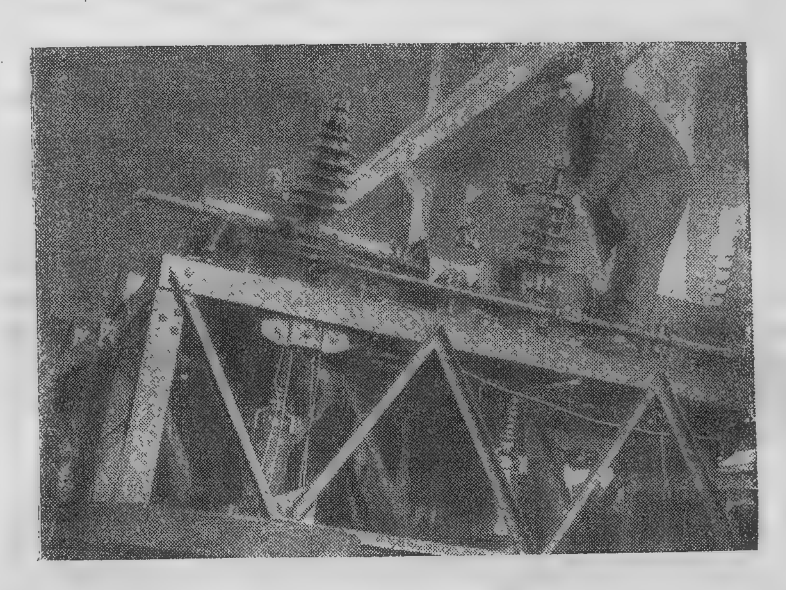
„Там вдали у реки...

В небе ясном заря догорала“.

— Давайте, кто больше зашибет сегодня? — кричал Беленький Розову.

— Идет! ответил Розов — и задорная рука быстрее заскакала напильником по железу.

На пятом этаже главного корпуса узким корридором расположилась конструкторская.

На заводе „Электроаппарат".

Чертежные столы, расставленные в два ряда, тянулись по узкому корридору из одного конца в другой. Каждый из них был завален ворохом синьки, кальки, тушью и аккуратно разложенными чертежами.

Люди сидели, внимателяно выводя каждую линию чертежа. Над головами повисло зеленое облако табачного дыма.

В самом углу конструкторской находились: инженер-конструктор Бабурский, инженер Грейнер и заместитель редактора заводской газеты. Вели оживленную беседу.

— Я работаю на заводе с большим увлечением, — сказал Бабурский, посмотрев на Драпкина через роговую оправу очков.

— Изобретателю прежде всего нужна хорошо оборудованная мастерская, у меня же мастерская есть. Завод—это моя мастерская. В ней я могу производить все необходимые опыты по своим конструкциям, я знаю что мне в этом никто не откажет, наоборот, мне могут оказать полную поддержку. И, словно что-то вспоминая, Бабурский остановился ухватившись рукой за пепелеющую голову.

— А разве в прежнее время изобретатель не мог иметь у себя мастерской, в которой он мог бы работать? — спросил Драпкин Бабурского.

— Что вы, дорогой мой... Да разве об этом можно было тогда думать!

— Но ведь за изобретение кажется и тогда...

— Вы хотите сказать давали премию — перебил Дракина Бабурский. Ничего подобного, дорогой мой, не было. Прежде всяких изобретений старались избегать, боясь потерпеть от этого убытки. Помню, я в старое время работал на Обуховском заводе, когда за изобретение одной машины генерал Миллер мне преподнес две плитки шоколада.

Драпкин и Грейнер расхохотались.

Бабурский взволнованно продолжал:

— Смешно не правда-ли?.. Но в то время мне было слишком больно, мне было жаль своих трудов, мне было жаль утраченного време—и в его голосе звучал вскипающий гнев. В узкое окно упали лучи полуденного солнца, расползаясь по чертежам Бабурского.

— А теперь, изобретая, я меньше всего думаю о премии и работаю не потому, что мне нужна премия, а потому, что я знаю для чего это делаю. Почему сейчас изобретательство имеет массовый характер?

Драпкин молчал.

— Потому, видите ли, — продолжал Бабурский, что теперь каждый изобретатель прекрасно понимает, что его изобретение является новым кирпичем в строительстве социализма. А такое изобретение для нас, конечно, важнее, чем погоня за премией.

Федор Федорович, — обратился к Бабурскому Драпкин, скажите, может ли наш завод догнать и перегнать Америку и есть ли у нас для этого предпосылки?

— Дорогой мой, кто же сомневается в этом?

— А вот интересно какие достижения имеет Америка по изготовлению высоковольтной аппаратуры? добавил Драпкин, как-бы в добавление к первому вопросу.

Ведь нам, наверно, много еще нужно для того, чтобы только догнать Америку?..

Инж. Бабурский.

— Не так то уж! — улыбнувшись заметил инженер Грейнер Видите-ли, продолжал он, просматривая, одновременно, какие то чертежи, — американская фирма „Дженераль Электрик“, которая занимает первое место в мире по изготовлению высоковольтной аппаратуры имеет самое большое достижение — масляный выключатель разрывной мощностью в два с половиной миллиона киловольт ампер для напряжения в двести тысяч вольт, и наш масляник, к сборке которого сейчас приступают, имеет такую же разрывную мощность.

— Так значит мы уже ее догнали? — раскрыв широко глаза воскликнул Драпкин.

— Дорогой мой, но это еще не все. Мы уже имеем значительно больше, сказал Бабурский. — Вы посмотрите на них, на эту молодежь, с каким упрямством она работает. Она догоняет нас стариков... В ней теперь сила, и он показал на группу молодых инженеров разбиравших чертеж.

— Мы уже имеем проект нового типа масляника ВМ — 380, которого еще не видел мир. Если мировая фирма Джин имеет выключатель для напряжения в двести тысяч вольт, то мы на будущий год будем иметь масляник для единой высоковольтной сети Советского Союза, для напряжения в триста восемьдесят тысяч вольт. Наш масляник будет выключать ток одной шестой части мира.

Глаза Бабурского становились радостнее. Он выглядел молодым энтузиастом, способным зажигать сердца. По лицу Драпкина проплыла довольная улыбка.

— Вы посмотрите этот чертеж. Здесь изображен сконструированный мною быстродействующий контакт.

Драпкин заглянул в чертеж.

— Этот контакт, до сих пор, стоил нам сто двадцать рублей. В Америке стоимость его такая же, а теперь этот контакт будет стоить всего лишь шестьдесят. Это уже является ярким доказательством того, что мы не только догнали Америку, но и перегоняем ее. И он вытер платком выступившие капли пота.

Драпкин посмотрел на Бабурского и вглядываясь в одну точку задумался.

Бабурский такой же, как и все. Он ничем не отличается от остальных своей внешностью, но этот будничный человек многое дал стране. Кому принадлежит работа по конструкции масляников от ВМ — 14 до ВМ — 103? Все это принадлежит ему, человеку, который самоучкой добился звания инженера конструктора.

— Слушайте, дорогой мой,— заговорил снова Бабурский,— разве можем мы теперь сомневаться, что мы догоним Америку?

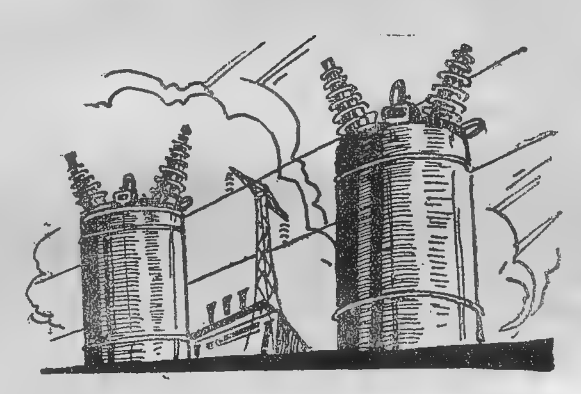
— Конечно нет, с уверенностью ответил Драпкин, взглянув на Бабурского.

— Вот в этом то и дело, что не можем.

Посмотрите на эти корпуса, посмотрите на тех кто в них работает, разве их столько, сколько было тогда, разве столько же в них энергии?

Я помню когда открылся наш завод их было всего несколько десятков. На заводе было только 50 коммунистов, а теперь мы имеем шесть тысяч рабочих. Теперь мы сильны, мы имеем 1000 коммунистов, в числе которых и Федор Федорович Бабурский.

К. Черемисин.

Продукция завода „Пневматика“:
1927/28 г. — 1.778 тысяч руб., 1932 г. — 13.132 тысяч руб.

Удар за ударом.

(Завод Пневматика).

В старой России изготовлением пневматических машин и приборов занимался завод Пневматических машин ЛЕНКЕ, остальные предприятия, как например „ФЕНИКС“, „Сан-Галли“, были контрагентами иностранных фирм.

Производство Джонс Ленке было основано в С. Петербурге в 1899 году на 16 линии Васильевского Острова. Мастерская Ленке имела всего навсего несколько станков и занималась, главным образом сборкой частей, выписываемых из Америки. Благоприятные условия, создавшиеся для Ленке в России, перед Русско-Японской войной, дали возможность ему значительно расширить свое предприятие и в 1900 году перейти в новое здание, на 18 линии д. № 27-б. А в 1912 году Ленке превращает свое предприятие в Акционерное Об-во Пневматических машин.

В империалистическую войну, это Акционерное об-во явилось единственным поставщиком пневматических машин казенным заводам в Петрограде и др. городах России, что дало возможность Ленке нажить колоссальные суммы, которые водворялись им в заграничные банки.

В 1917 году перед революцией ЛЕНКЕ бежал в Америку, чувствуя грозящую ему расплату со стороны со стороны рабочих заводов, жестоко экспоатируемых им на протяжении нескольких лет.

А его завод постановлением ВСНХ от 11 февраля 1919 года признан национализированным и перешел в собственность РСФСР.

В период с 1919 года по 1921 г. завод занимался случайными заказами по изготовлению зажигалок и лебедок. В тот период на заводе было всего лишь незначительная горсточка рабочих, которыми и выполнялись эти заказы. Основной же продукции

завод на протяжении этого времени не производил. С началом общего подъема работ по восстановлению народного хозяйства начал восстанавливать свою работу и завод „Пневматика“, приняв в 1932 году от НКПС первый заказ на изготовление запасных частей для пневматического инструмента. Этот год можно считать началом преобразования ленковской сборочной мастерской в завод, самостоятельно изготовляющий пневматические машины.

Уже к началу 1924 года заводом полностью было освоено производство пневматических сверлильных машин, клепальных и рубильных молотов. В связи с ростом горной промышленности и требованиями Донбасса и Юрта, заводом был разработан совершенно новый тип бурильного молота, обладающего высокими производительными качествами. Не останавливаясь, однако, на указанном типе молота, завод вскоре дает другой, более мощный, бурильный молот типа Б для работ на очень твердых горных породах.

В 1927 году, вследствие требования угольной промышленности более совершенных типов, завод выпускает новую модель универсального бурильного молота МБ-13 БМ-15 отличающихся от молота типа БМ большой производительностью, более сильным автоматическим проводом бура и значительно более энергичным прямым продуванием, а по всей конструкции и производительности не уступающие лучшим заграничным образцам.

Одновременно, с выпуском новых типов машин, завод совершенствует и старые типы, в частности рубильные молоты типа А были заменены более совершенными типами чеканно-рубильных молотов типа РМ. Широкая механизация угольной промышленности предъявляет заводу требования по выпуску отбойных молотов. Сконструированные заводом в 1928 году отбойные молоты типа ОМ-3 и ОМ-5, являются совершенно новыми типами пневматических машин, предназначенных для работы в каменноугольных шахтах по отбойке угля.

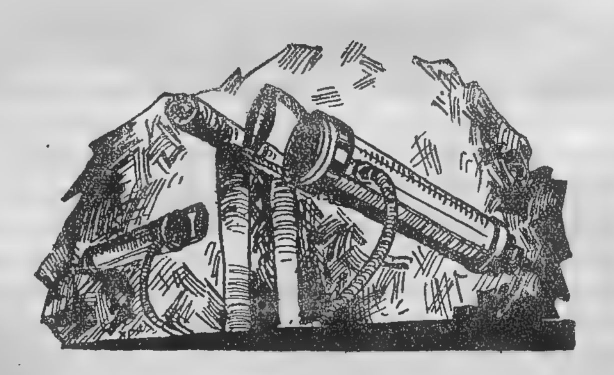
Эти типы молотов оказались вполне соответствующими своему назначению и получили самое широкое применение в Донбассе. В настоящее время ими оборудуются все вновь открываемые каменноугольные разработки.

Непрерывно совершенствуя свою продукцию, завод „Пневматика“ в 1929 году выпускает новый усовершенствованный тип клепального молота КМ, взамен старого типа. А, наряду с этим, заводом спроектирован и поставлен выпуск трамбовок типа ТР для механизации литейных и бетонных работ.

Наряду с этим выпускается целый ряд других пневматических инструментов и приборов, как-то: пневматические сверлильные машины для сверления по металлу, дереву и камню, пневматические поршневые подъемники для литейных мастерских, поддержки для подпирания заклепок, шлифовальные машины для чистки отливок и снятия гарта, пескострийные аппараты для очистки отливок и т. д.

Продукция завода непрерывно растет, с каждым годом увеличивается число ударов пневматических молотов, удар за ударом крепящие техническую мощь СССР.

Н. П. Ядров.
Табор А№ Г.

Продукция завода „Электроаппарат“:
1927/28 г. — 8.258 тысяч руб. 1932 г. — 65.000 тысяч руб.

Пятьсот киловатт в эфире.

Радио-завод им. Коминтерна с своими лабораториями в дело радиофикации СССР внес не малую долю. В течение 1932 года завод выпустил образцы 1 и 15 киловаттные коротковолновых радиостанций, являющихся последним словом техники, как со стороны качества передачи, так и со стороны конструктивного их выполнения.

Кроме того завод изготовил и установил серию стокиловаттных радиовещательных радиостанций. Но самым большим вкладом в радиофикацию страны является постройка величайшей в мире, 500 киловаттной радио-вещательной станции. Станция будет слышна по всей Европе.

Постройка такой станции помимо технических трудностей выполнения, требовала, при ее проектировании, решения целого ряда принципиальных задач, связанных с получением такой большой мощности в антене.

Например, был введен новый принцип работы: на одну антенну включали ряд отдельных передатчиков мощностью в 100 киловатт каждый.

В вопросах мощного строительства, мы шли своими путями и настолько успешно, что даже немцы, перед началом постройки своей сети 75 киловаттных радиовещательных станций, присылали к нам делегацию для ознакомления с нашими 100 киловаттными станциями.

Пятьюстами киловатт в эфире мы докажем, что можем не только „догнать“, но и „перегнать“.

Чтобы судить о грандиозности работы, при постройке 500 киловаттной радиостанции, достаточно привести следующее данные:

Антенна станции подвешена на 4-х стальных мачтах высотой в 200 метров каждая; мощность тока потребляемого станцией исчисляется в 2000 киловатт.

Количество воды, необходимое, для охлаждения анодов генераторных ламп превышает 1000 литров в 1 минуту.

Шульман.

До октября этого не было.

Октябрьская революция для завода „Красный гвоздильщик“ явилась началом его реконструкции и роста.

Раньше проволочный цех выпускал проволоку исключительно гвоздилки и канатов, теперь же достигнута выработка наитончайших сортов — 0.15 м/м. и 0.10 м/м, которые идут на выполнение ответственных заказов нашей индустрии.

Канаты вырабатываются уже не только для барж, но и для заказов черной металлургии и наших гигантских строек, а достигнутая свивка не уступает своей прочностью американской, за что получила благодарность от рабочих и административно-технического персонала „Свирьстроя“. Достигнута прокатка нержавеющей стали, которая идет для нашего машиностроения. Выработка же болтов предназначена исключительно для транспорта и с/х. машин черной металлургии. И если шатунные болты покупали из за границы по 2 р. 50 к. золотом за болт, то сейчас они вырабатываются у нас.

Наряду с реконструкцией производства и усвоением его росло и строительство, которое также далеко шагнуло за пределы дореволюционного периода.

Там, где было завалено ломом, вырос новый гвоздильный завод. Новые здания канатного, проволочного и гор. прокатного цеха с прилегающей к ним котельной, оборудованной по последнему слову техники.

Там же оборудован и пущен 1 октября 1932 г. новый цех ширпотреба.

Не мало сделано заводскими организациями в деле культурного и бытового обслуживания рабочих. Сейчас на заводе имеется хорошо оборудованная столовая на 5000 рабочих.

Завод имеет ясли на 75 человек, общежитие, 4 стандартных дома для рабочих жилищ, портняжную и сапожную мастерские, ЗРК с тремя отделениями, три ларька, красный уголок, вмещаемостью на 1500 человек и красные уголки в каждом

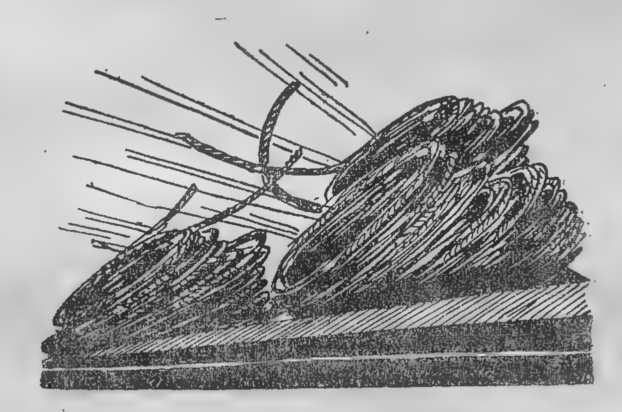
цехе на 172 челов. Завод имеет свой совхоз с 471 га, 6 лошадей, 30 коров, 33 шт. свиней, крольчатник: 480 штук кроликов.

До октября ничего этого не было.

Рабочие на заводе все являются ударниками-хозрасчетниками и ряд производственных бригад показывает большевистские образцы работы, систематическое перевыполнение производственного плана: бригада Алексеева, премированная на областном конгрессе за образцовую постановку хозрасчета, бригада Рохлина.

К 15-й годовщине Октябрьской революции завод имеет следующие производственные показатели: за 1932 г. производственная программа выполнена — 1-й квартал на 126.8 проц., 2-й квартал на 118.7 проц. и 3-й квартал на 117.6 проц.

И. М. Михайлов.

Продукция „Красного гвоздильщика“:
1927/28 г. — 12.962 тыс. руб., 1932 г. — 31.582 тыс. руб.

Дела и люди.

Автоматно-револьверная мастерская завода „Кр. Гвоздильщик“. Три ряда автоматов различной конструкции. Посредине автоматы системы „Кливленд“, слева „Офенбахер“, справа автоматы и станки, собранные „с бору да с сосенки“ со времени Петра I, здесь есть и револьверные станки и гайкорезные автоматы „дрыгалки“, как в шутку называют их автоматчики.

Я давно уже не был в своей мастерской и потому, войдя в нее, был оглушен шумом работы.

Здороваясь со знакомыми, я искал глазами слесаря Зверева, но мне сообщили, что он работает в новой мастерской.

Пришлось спуститься по винтовой лестнице вниз, где и нашел я Зверева, который согнувшись осматривал автомат.

Я окликнул его.

Он поднял голову, и весело блеснув глазами, протянул мне запачканную руку.

— Где пропадаешь?

Я ответил.

— Учишься? Это хорошо! — А мы ежемесячно перевыполняем программу и за ударную подписку на заем „Завершающего года пятилетки“ получили знамя.

Вытерев грязные руки, он закурил и стал рассказывать о заводе.

Слушая с интересом, я смотрел на него.

Зверев — крепко сложенный, плотный, немного сутулый, производит впечатление шахтера. Это впечатление усиливается благодаря кепке „шахтерке“, которую он носит. Лицо худощавое, с острым подбородком, выражающее настойчивость и силу. Режиссер не мог бы подобрать лучшего типажа рабочего. Это лицо может служить лучшей моделью для художников, для резца скульптора. Такое лицо можно видеть на индустриальных плакатах, где рабочий изображается включающим рычаг пятилетки.

В верхнем кармане рабочего пиджака Зверева штангель, который он часто вынимает и прикладывает к болтам,

измеряя длину. Не длиннее ли чем это нужно по эскизу? В каждом движении Зверева — желание усовершенствовать, упростить работу, съэкономить время. Ведь он председатель производственного совещания цеха.

Совсем недавно, на пленуме партийной ячейки цеха Зверев предложил, чтобы каждый слесарь, в свободное от ремонта время, ежемесячно, из отходов цеха изготовлял предметы ширпотреба, замки, ключи и т. д. на сумму не менее 10 рублей.

Сам он лучший ударник бригады слесарей и руководитель бригады „ДиП“.

Окончив разговаривать, Зверев принялся регулировать автомат.

Я с удовольствием смотрел, как он работает.

Ни одного лишняго движения. Спокойно и уверенно включил он самоход. Автомат заработал. Резец, легко делая стружку протачивал железо, дерка нарезала резьбу. Отрезной резец отхватил уже готовый болт.

— А где Пастернак? — Спрашиваю я.

Зверев оборачивается и усмехаясь роняет.

— Улетел.

— Как же без него справляетесь?

— Видишь? — Зверев показывает на работающие автоматы.

— А Жаворонков, где?

— Мастер он теперь.

Я вспоминаю события, очевидцем которых был.

Пастернак появился в автоматно-револьверном цехе в начале 1930 года. Смуглый, одетый в синий халат, при галстуке, он не был похож на остальных рабочих.

Механик седьмого разряда — такова была квалификация Пастернака.

Немного раньше Пастернака, „на завод приехал иностранец“ — американский автомат „Браунпард“. Все рабочие цеха сбежались смотреть, когда Пастернак первый раз стал настраивать „Браунпард“. Очень интересно было посмотреть, как работает „американец“. До появления „Браунпарда“ на заводе, рабочие только и толковали о высокой производительности этого автомата.

Небольшой, блестящий „Браунпард“ скрывал свои механизмы от посторонних взоров железными кожухами.

Он выгодно отличался от своих собратьев — громоздких автоматов: „Акме“ и „Кливленд“ и внушал к себе уважение.

Пастернак не торопился с настройкой „Браунпарда“. Никто, кроме него на „Кр. Гвоздильщике“ не знал автомата этой системы. Большинство рабочих впервые видели „Браунпард“.

Часто можно было видеть Пастернака, стоящего у тисков в задумчивой позе, пускающего клубы табачного дыма.

О чем он думал — никто не знал.

— Наверное, вычисления производит, — предполагали рабочие, и никто не решался тревожить его.

— Специалист — почтительно отзывались о нем старые производственники.

Действительно, Пастернак был единственный в то время специалист, который мог настроить „Браунпард“. Он это превосходно знал и поэтому особенно не торопился с пуском станка.

Никто не контролировал его. Ему верили на слово.

Никто не спорил с ним. Его мнение являлось окончательным, ибо он пользовался авторитетом.

Немного позже в автоматно-револьверный цех пришел слесарь Жаворонков. Бывший матрос, он принес с собой в цех крепкую дисциплину и неиссякаемую энергию в работе.

Жаворонкова удивили рабские темпы автоматчиков, работающих на „Кливлендах“.

Он возмущаясь говорил, что автоматчики в погоне за заработком скрывают настоящую производительность станков.

В ответ ему, кто-то ехидно посоветовал поработать самому на автоматах, ожидая, что он откажется. Но Жаворонков не отказался, а стал за станок, чтобы доказать правоту своих слов.

Первое время автоматы его частенько простаивали, не выполняя нормы.

Сам он красный и злой поминутно бегал точить сгоревшие резцы.

Автоматчики „Кливлендов“ торжествовали.

Но Жаворонков был не из тех, которые пасуют перед трудностями. Упорно и настойчиво изучал он автоматы „Кливленд“ и научившись работать, стал вырабатывать по 400 гаек с автомата, в то время как его сменщики сдавали по 250.

Враги Жаворонкова встретили его победу злобой.

— Уда-арник! — иронически смеялся Кирсанов, один из тех, кто вечно плелся в хвосте.

И часто утром, до начала работы, собравшись в кружок отсталая часть рабочих спорила с Жаворонковым о продовольственных затруднениях стараясь хотя в этих спорах чем нибудь поддеть его.

Жаворонков, волнуясь, горячо, с большевистской четкостью, объяснял причины временных продовольственных затруднений давая резкий отпор всем, кто делая попытку зачернить его партию.

Спорили долго, до хрипоты, и только третий гудок заставлял расходиться и приступать к работе.

Прошло несколько месяцев. Жаворонков доказал делом, что он был прав.

Бригада Жаворонкова ежемесячно перевыполняла свои задания.

Пастернак в то время был бригадиром по настройке станков. Сменщики Жаворонкова жаловались на него Пастернаку.

— Расценок сбивает, работать невозможно — скулили они.

Пастернак сочувственно поддакивал и утешал:

— Скоро остынет.

Но Жаворонков не остыл.

И когда избрали его секретарем партийной ячейки, с рвачами и нарушителями труддисциплины повел он самую решительную борьбу.

Цех из „прорывного“ вышел вперед.

Весной 1931 г. в автоматно-револьверной цех пожаловали новые „иностранцы“. Тут были автоматы различных конструкций: „Индекс“, „Офенбахер“ и друг.

Пастернак почувствовал себя еще увереннее, зная, что без него не обойдутся.

Он потребовал прибавки. Ему прибавили. Но прибавка не удовлетворила его. Жажда обогащения заставляла его клянчить

деньги под разными предлогами: то диск новый нужно сделать, то станок разобрать. За все это Пастернак требовал особую плату. Ему платили, ибо считали его незаменимым.

Когда те пытались его урезонить, вызывающе бросил:

— Уйду с завода. Пусть тогда ударники настраивают.

Пастернака держали до тех пор, пока, слесарь — партиец Зверев не научился настраивать автоматы.

Зверев был слесарем по ремонту. На автоматах никогда не работал, но многолетняя практика научила его разбираться в механизмах. Неоднократно ремонтируя автоматы Зверев изучал их сложную конструкцию. И частенко, когда Пастернак прогуливал Зверев учился настраивать автоматы.

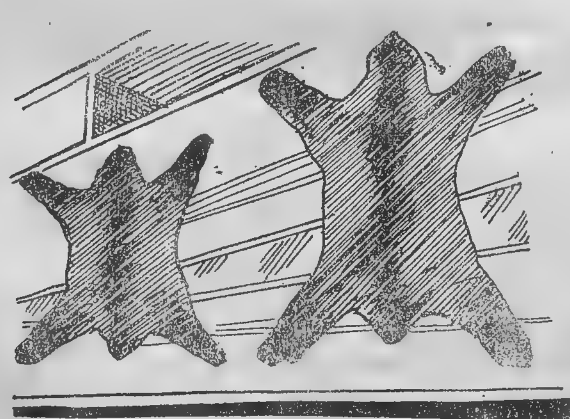
Однажды нужно было разобрать и вычистить самый сложный автомат „Брауншард". Пастернак получая в час по 2 руб. 15 коп. запросил за эту работу 150 рублей. Зверев возразил, что можно сделать дешевле.

Пастернак злобно рассмеялся:

— Сто рублей заплатите Звереву и двести мне за настройку. Он был уверен, что Зверев не сумеет собрать и настроить станок. Зверев вычистил, собрал и настроил автомат, не взяв за это ни копейки.

Рвач был сломлен. Его заменил ударник Зверев.

Вас. Тихомиров.

Продукция кожзавода им. Коминтерна:
1927/28 г. — 9.607 тыс. руб. 1932 г. — 29.651 тыс. руб.

Те кто идут впереди.

Д. Смирнов.

Член ВКП (б) с 1925 г. Рабочий стаж 32 г. Работает на кожзаводе им. Коминтерна с 1925 года. Проявил себя как один из дисциплинированных и активнейших работников, находясь в первых рядах ударников. Производство для тов. Смирнова не является чем-то посторонним и труд для него не тяжелое бремя, а „дело чести, дело славы, дело доблести и геройства“.

Г. П. Егоров

На заводе им. Казицкого работает с 1924 г. до 1930 г. слесарем бригадиром, а затем мастером выдвиженцем. Один из лучших активистов на производстве. К своей практической работе ударника - производственника тов. Егоров не только сам идет впереди, но и ведет за собой отстающих. Тов. Егоров хорошо помнит ленинские слова о том, что только та идея сильна которой владеет масса.

Я. Ф. Закорюкин.

Производственный стаж 35 л. Работает на Трубочном заводе, токарь-бригадир. Работает по ударному без прогулов, не считаясь со временем, без оплаты за сверхурочную работу. В лице тов. Закорюкина мы имеет пример самоотверженности на которую способен тот, кто четко осознал задачи революционного пролетариата.

Богданова.

Работает в трампарке им. Леонова с 1917 года. Пришла сюда из деревни, где жила в няньках. Была совершенно неграмотна. На работе в трампарке обучилась грамоте, окончила 212 школу, втянулась в общественную работу, а в 1924 году, в день смерти Ильича вступила в партию.

Активная производственница и общественница.

Несмотря на свой возраст тов. Богданова попрежнему стремится к овладению все большими знаниями, сознавая что активным производственником в полной мере можно стать только хорошо овладев техникой так как „техника в период реконструкции решает все".

От пастушечьего кнута до руля управления.

Наши враги неоднократно издевались над лозунгом брошенным Владимиром Ильичем о том, что „каждая кухарка должна уметь управлять государством".

Эти издевки были обусловлены тем, что они, наши враги, не допускали даже мысли об участии в управлении государством трудящейся женщины.

Пролетарская революция в России открыла широкую дорогу женщине, сделав ее равноправной, не на словах а на деле. В Советской Республике женщины борются на всех фронтах социалистического строительства наравне со всеми. И в этом смысле чрезвычайно интересен жизненный путь тов. Ворониной, опровергающий все „научные" изыскания буржуазии, сводящиеся к утверждению, что женщина по своей природе отстала и должна оставаться кухаркой.

Тов. Воронина на работу пошла с 8 лет. Нужда сделала пастушкой и продержала на этом „посту" целых 3 года. После этого 4 года батрачила у богатой барыни, поселившейся в деревне. Работа у барыни, оказалось еще тяжелее. Барыня была жадная и беспокойная. Работать заставляла с утра до вечера и часто даже ночью, а кормила невыносимо плохо. Платила 7 рубл. в год, которые забирала бедная мать прелой мукой.

— Как-то раз от переутомления и истощения на теле получился нарыв. Попросила у барыни 10 коп. для того, чтобы купить иоду. Не дала, — раскызывает тов. Воронина.

— А то подарила кофточку за долгую службу. Старую изношенную кофточку, — единственный подарок за все время. Потом рассердилась и опять отобрала.

В 1913 году из деревни Воронину увезла сестра в Петербург. Там поступила в прислуги в большую купеческую семью.

Работала в день по 18 часов и изнурялась не меньше. Освобождение от этого кошмара принесла революция. Кончилось прозябание, началась новая жизнь.

После недолгих странствований во время которых вела партийную работу (в партию вступила в 1917 году), поступила чернорабочей на Трубочном заводе, через некоторое время перешла на станок. Работая за станком, показала пример производственной дисциплины и высокие темпы работы, в то время как все работницы вырабатывали по 250 производ. единиц в день, тов. Воронина довела за это же время 500, а затем довела норму до 1400 единиц за рабочий день. В последнее время выдвигалась на разного рода партийную и советскую работу (женорганизатор, инструктор отдела работниц и др.). Со времени последних перевыборов Совета — секретарь Василеостровского Райсовета.

От пастушьего кнута до руля управления — таков путь тов. Ворониной, которая не захотела оставаться вечной кухаркой и выполняя завет Ильича взялась „управлять государством“.

К.

Ян Тислер.

Я никогда не видел его в плохом расположении духа, не видел, чтобы его длинное с выдающимися скулами лицо, когда-либо было омрачено. Он весь такой вдохновенный, жизнерадостный, как жизнерадостен его элегантный светло-серый костюм. Он на счету, как дельный работник. Это про него говорят рабочие: „не голова у него, а дом советов“.

Таков старший инженер Ян Самойлович Тислер.

Его жизнь — сложный чертеж. Он пришел из Горного Института к нам в дробильный цех. Худощавый, неказистый, в обтрепанном костюме, с вида вовсе не инженер-обогатитель, а рабочий, каких много встречаешь в цеху.

Также неказисто, невообразимой свалкой принял его предполагаемый дробильный цех, по исковерканному полу которого ветер взвивал пыльную метелицу, а на стене у конторы:

„Завхозу принять экстренные меры к спасению последнего водопровода в доме от замерзания. Протопить общую кухню и впредь отпускать на нее дрова, через день. Заделать там же окно филенкой немедленно“.

Приказ этот касался нового помещения вновь зарождающегося Института обогащения горнорудной промышленности.

И вот, Ян Тислер берется за непочатое дело. В тяжелые дни мертвой тишины цеха, разбросанный по углам и захваченный в плен паутиной машинный хлам, однажды остановил его проницательный взгляд, и Тислер решил: „так быть не может“. Нервными движениями рук расшевелил хлам, заботливо пересмотрел, что и как использовать. А мысли сгрудились в одно твердое решение: вопреки всякой разрухе восстановить оборудование.

Целую неделю, не отходя работает подобранная Тислером группа монтажников над сборкой шаровой мельницы Гардинга. Тислер неотступно следит за работой, при малейшей неудаче бледнеет, кричит, заглушая шум работы.

— Тов. Воронов, перемените подшипник, он не выдержит тяжесть вала, и посмотрите, как он разработан.

— А шары почему разнокалиберные? Подобрать одинаковые. Что?.. Ничего не знаю, найдите, но чтобы диаметром точка в точку.

Он мечется среди людей и готов сам влезть во внутрь какой-нибудь резьбы на место недостающего болта, лишь бы ускорить, закончить работу в установленный им же срок. Из цеха уходил домой в 8—9 вечера, а дома составлял, переделывал проект за проектом будущих работ. Нервы, как сработанные спирали, в постоянном натяжении, надо было бы ослабить их натяжение, но он не замечал, что голова тяжелеет от усталости и никнет все ниже и ниже.

Однажды люди застали его с лицом, белым как мел. Губы плотно сжаты. Руки вцепились в разорванную на груди одежду. И правая нога, не сгибающаяся в колене, и эти нервные фокусы — наследие 1919 года.

На слова доктора: „В ваши годы, расцвет молодости, — и уже такой“, у Тислера рот чуть дернулся набок, образуя нервную гримасу. Откуда доктору знать, что хоть все люди как

люди, но что у каждого свой жизненный чертеж, что у него он пошел сложно переплетенными линиями.

* * *

В 1918 году проснулся ночью от сильного стука и испуганно съежился. Разнузданные, чубатые казаки увели куда-то отца, а в доме точно чумную болезнь оставили. Мать занемогла и посиневшие губы сжались и упорно не раскрывались.

Через неделю с лишним отец еле приплелся домой. Вернулся он не таким, каким его увели. Руки вывихнуты и плетьми свисали вдоль тела. Восем дней были скручены они за спиной. С застывшими под ресницами слезами мать, в страхе еле живая, шептала: „Что они, ироды, с тобой сделали, за что?“. Отец кашлял, кашлял долго, охая, хватаясь за грудь, отплевывая кровью. Слова произносил слабо, с усилием: „За то, что бастовал, большевикам на руку. За то, что фамилия не русская“.

Подросток Ян осиротел. Куда было ему деваться, когда кругом война?

Много раз ходил в комитет просился:

— Возьми дяденька на войну.

Но не берут его.

— Куда ты, с тобой одна возня будет.

Но Ян не оставал, приходил еще раз.

Однажды, в агитотделе увидел тов. Чикунаева, комиссара отряда особого назначения. Этот добрый комиссар, с обросшим медвежьим лицом, в полушубке шерстью вверх, напомнил мальчику то страшное существо, которым матери пугают своих детей; он то и взял Яна в свой отряд.

— Ну чтож, пойдем. Я живо научу тебя воевать.

Потянулись новые дни, отдаляющие его все дальше и дальше от тех мест, где кроме могилы родителей ничего не осталось.

Колючий мороз не считался с тем, что подметка у сапога привязана проволокой, а руки как-будто чужие.

Взводный Муха опять ругается:

— Ах ты турка, скольки раз тебе казал, тикай с патронами, а „Максимку“ без тебя заберут.

Пулей подлетает он к мальчику, снимает с плеч его тяжесть. Ян растирает разодранное выступами тела „Максима“

плечо. Взводный Муха пленных не брал, и если бы надо было грыз бы зубами глотки белых. Он привязал к себе Яна заботой родного. Одной ложкой суп хлебали, под одной шинелью холодную землю грели.

В бестолочной суете криков, приказаний и разнотонной стрельбы бабахнула откуда-то позади батарея. В отсвете взрыва взвился столб дыма со снегом и веером разбрызгался. Муха восторгался:

— Во как мельницу слизнуло.

Через гладкое, снежное поле, утыканное обглоданными ветром редкими кустиками, стремится вперед взвод Мухи. Мчатся туда, где между полем и краем грязного неба клином вогнана деревня, в которой засел неприятель. Лошади спотыкаются, падают в снег и карабкаются в сугробах вместе с седоками.

Поле взрыто снарядами и чем ближе к деревне, тем чаще от них воронки. Кучками и врозь бегут люди, спотыкаясь о трупы и брошенные винтовки.

Вошли в деревню.

Деревня зажглась кострами, озябшие и голодные люди, сбившись вокруг костров обжигались горячей картошкой и сушили портянки.

Вдруг по лагерю полыхнул пулеметный огонь, бесперебойный и безошибочный.

Из памяти не вытравить: в перекатной стрельбе, в суматохе криков бегут очумелые люди, бросаясь из стороны в сторону и падая чтобы больше не встать.

Но Муха не растерялся. Кинулся к пулемету, увлекая за собой и Яна. Он шел навстречу смерти, а ее подсунули ему сзади. Взвизгнув пламенем, засветилась изба, и взводный Муха бухнулся во весь рост и, как-то неестественно дрыгнув всем телом, затих.

Ян побежал. Помнит он: под крохотным навесом за избой должна стоять тачанка. Со страхом добрался туда. Около снятого с тачанки пулемета лежал наводчик Брусов, подмяв под себя руку и разбросав ноги. Пулемет в боевой готовности.

Ян ухватился за рукоятку, повернул в нужную сторону и уверенно нажал пуговку.

Сразу же около сараев взбился смешанный с землей снег со щепкой, оттуда в беспорядке хлынула толпа в сторону, точно растормошили стаю ворон. Вот еще и еще. Мечущихся людей все меньше и меньше. Но некстати Максим застопорил. Что такое? Ян принялся устранять задержку. Но отчего это больно ноге? И хватаясь за что-то, не удержался, потонул в хаосе звуков утихающего боя.

С тех пор правая нога — память о прошлом.

* * *

В 1921 г. Ян вышел из войны, многому наученный и к тому же коммунистом. Он путь себе наметил — учебу. Еще подростком с отцом ходил на рудник. Отец его в помощники себе готовил, на бурильщика. Не случайно его потянуло в Горный Институт. Днем в книгах зарывался до обалдения, а вечером в порту уголь и клепку нагружал.

Всего этого доктор не знает, от того ему удивительно, что напористый, вдохновенный человек, с такими большими сильными руками,— и такой болезненный вид. Смотрит доктор на Тислера и внушительно бубнит: „Вы должны воздержаться от всяких напряжений, избегать малейших волнений и главное — необходимо отдохнуть, уйти на время от темпов, горячек и энтузиазмов“.

Может быть, доктор и прав. Но чорта ли понимает он со своими советами, когда заедает обида. Со стороны старших инженеров чувствуется отчужденность: „молодой да из ранних“. Как бы невзначай, но напряженно следят за его работой в цеху, смотрят на его „новости“. Вот только провали,— подымут тебя на смех.

* * *

Он пришел в цех. Издалека еще увидел суетившихся рабочих в засаленных блузах и насупился. Он хорошо видит, как им здорово достается в тяжелых условиях, со сломанным инструментом, при недостатке железа. И не один раз подолгу смотрел он на эту небольшую кучку людей, ни на минуту не остывающих в своей работе.

Как-то раз, в один из таких моментов, сборщик Воронов радостно прокричал:

— Готово, можно пускать! — и, шмыгнув носом по руке, пошел к реостату.

— Я включу сам! — не сдержался Тислер и рванулся к рубильнику. Но сразу же устыдился этой мальчишеской выходки.

— Пожалуйста, тов. Воронов, включайте, — и рукой прижал бьющееся от радостного волнения сердце.

Тихое гудение мотора... Горшкообразный, гиганский барабан, с дверцей для выгрузки руды, через которую свободно мог пробраться тучный слесарь Лыков, легко двинулся и затарахтел от наполненных стальных шаров.

Закончена последняя установка.

В сплошном гудении цеха Ян чувствует подъем новой энергии и новых мыслей: — фабрика для первых, вспомогательных операций по обогащению, по добыче из руды богатых концентратов — готова.

* * *

Как-то поздно вечером у себя в комнате, похожей на ларек букиниста, Тислер писал письмо:

„Извини, что не сдержал свое слово заехать к тебе по пути. По некоторым важным причинам не мог никак этого сделать. Мне и самому хочется с тобой, с моим бывшим комиссаром и товарищем по фронту, поговорить по душам; вспомнить о прошлом, обменяться новыми мыслями, рассказать о своей работе.

Помнишь, тов. Чекунаев, 1919 год у станции Миж. Тогда мы наткнулись на маленькую обогатительную фабриченку по обогащению золотой руды?

Хозяином этой фабрики был какой-то американец.

В то время еще я много передумал о ней. Сейчас... сейчас мы сами построили такую фабрику. И не такую, а много лучше. И я, семнадцать лет тому назад мечтавший стать не больше как забойщиком, я — инженер и руководитель этого новорожденного предприятия.

Кое-кто считает это необычайным. Но разве мало необычайного заключает в себе летопись наших дней?!..

Яков Левит.

Борьба за власть — борьба за соцстроительство.

Деятельность Василеостровского Райсовета начинается с того момента, когда ожесточенная борьба между двумя партиями: большевиками и меньшевиками, наконец закончилась победой большевиков и совет стал большевистским. Было это непосредственно перед Октябрем. И когда власть перешла в руки рабочих, деятельность Совета начинает разворачиваться по настоящему.

Но первые годы деятельности Райсовета решительным образом отличаются от последних лет, так как весь период в 15 лет характеризуется тремя этапами в жизни района: 1) захват и укрепление власти; 2) восстановление народного хозяйства и 3) реконструкция хозяйства района.

Свидетелей работы Райсовета первых лет революции среди теперешних его работников осталось совсем незначительное количество. Среди них старейший тов. Дах (смотритель зданий Райсовета). Тов. Дах работает в Василеостровском Райсовете с марта 1918 г. И то, что мы можем сообщить о Василеостровском Совете первых лет, когда он только что стал на ноги, а во многом еще становился, все это — отрывочные воспоминания тов. Даха, старейшего „Советчика", честного и самоотверженного работника-коммуниста.

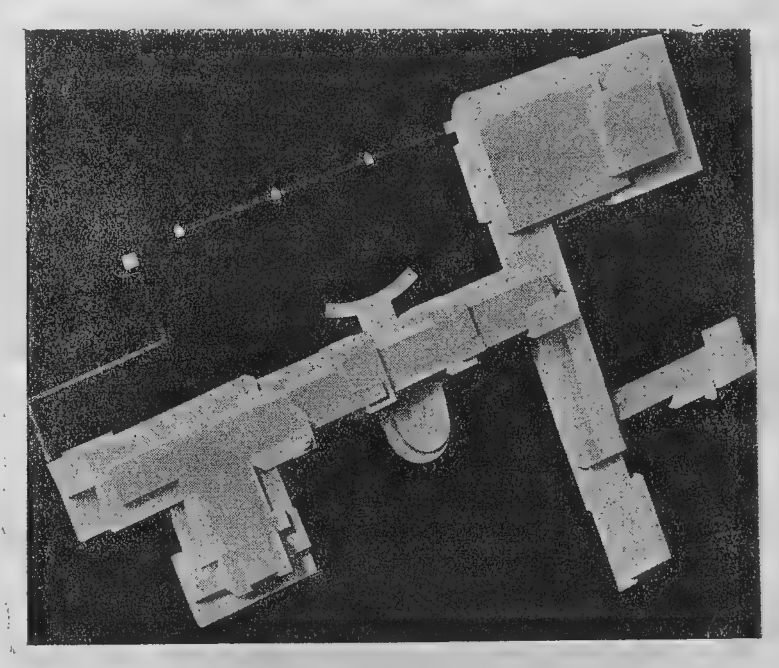
Интересна сама обстановка работы Райсовета 1917—1918 г. Помещается он в то время на Среднем проспекте д. № 41. Вид грозный, внушительный, так как подъезды к Совету охранялись выставленными пулеметами.

Структура Райсовета и содержание его работы также больше походили на военное учреждение, нежели на советское в том смысле как мы это воспринимаем сейчас. Да в сущности говоря Райсовет и был тогда военным учреждением, потому, что наиболее деятельным отделом в его системе в то время были: военный штаб, ведавший охраной района, предприятий и т. д. и следственная комиссия в задачи которой входила борьба с контр-революцией и установление революционной законности.

Удержать власть — это было основной задачей Райсовета, так как сломленная контр-революция время от времени подни-

мала голову, пытаясь ужалить того, кто осуществлял диктатуру пролетариата.

На защиту власти, на ее укрепление было потрачено много сил, энергии и жизней. Приходилось не только бороться с врагом в пределах района, но и за его пределами, когда опасность контр-революционного засилия угрожала не только району,

Макет строющегося Дома Культуры Василеостровского района.

но всему Петрограду и даже всей Республике (наступление Юденича, Кронштадский мятеж и т. д.).

В такие моменты райсоветчики шли в первых рядах. И первыми из первых всегда были товарищи: Сергеев (бывш. председатель), Соболев, Григорьев, Берта Ратнер, Вера Слуцкая и Леонов. Двое последних погибли в боях.

Кроме того, Совет оказывал большую пользу фронту сбором одежды для фронтовиков, организацией доставки питания и т. д.

1919—20 гг. характеризуются широкой и тяжелой деятельностью Райсовета по борьбе со спекуляцией, по организации

снабжения трудящихся района и в особенности детских учреждений: детдомов и школ.

Важнейшая работа, которая была проделана в 1922 г. это изъятие церковных ценностей. Трудности в этой работе были необыкновенные, т. к. данное мероприятие Советской власти бюло встречено сопротивлением не только контр-революционных элементов, но и со стороны несознательной части трудящихся масс.

С 1923 года деятельность Райсовета начинает расширяться на другие области работы и вместе с тем начинается организационное оформление. Создаются секции: здравоохранения, народного образования, коммунальная, финансовая и комиссия общественного питания.

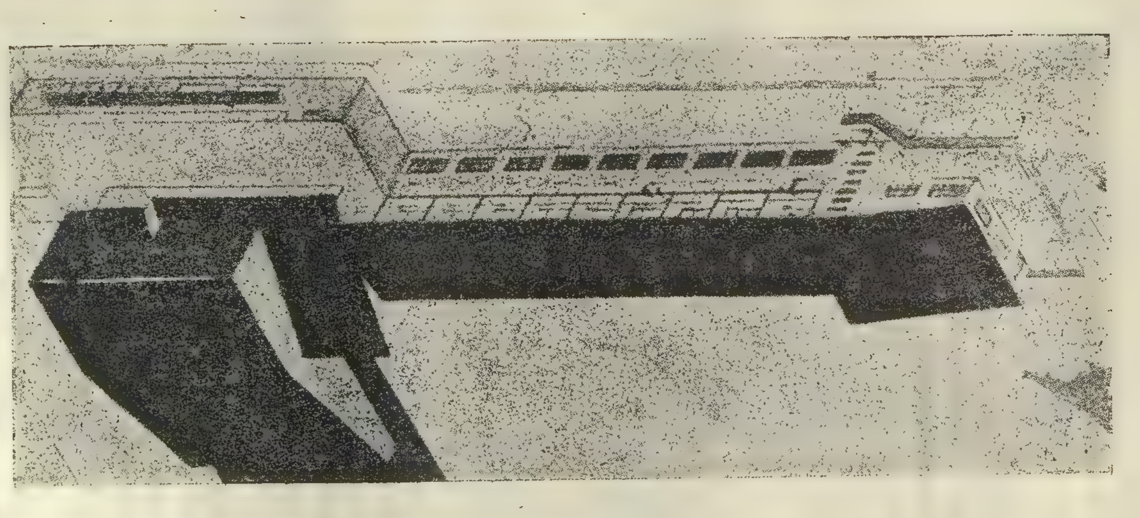
С этих пор Райсовет имеет возможность вопросам хозяйственного укрепления и культурно-бытового строительства — уделять значительно больше времени.

Начинается мирный период деятельности Райсовета, который, однако, характеризуется не меньшими боями на хозяйственном фронте.

Однако, слово „боями“ употребляется здесь не в относительном, а в прямом его значении, так как с вступлением в восстановительный период классовая борьба не только не ослабевает, но усиливается и если классовый враг теперь выступает не всегда открыто, то скрытно, замаскированно, что еще больше осложняет борьбу с ним.

Поставив перед собой конкретные задачи социалистического строительства, Райсовет в первую очередь стремится организовать вокруг этих задач внимание рабочей общественоости, привлекая рабочий актив, непосредственно в проведении тех или иных мероприятий. В этом отношении особенно много достигнуто начиная с 1927 года, когда вопрос о массовой работе Совета был поставлен во весь рост.

Мобилизация общественности шла по двум направлениям: во-первых привлечение рабочих к работе в аппарате Совета и во-вторых организацией рабочего контроля над проведением тех или иных мероприятий и обсуждение их. Причем, к обсуждению отдельных вопросов стоявших в порядке дня Райсовета, он привлекал самые различные слои трудящегося населения

Макет строящегося пионер-городка на Вас. острове,

Были например такие вопросы, к обсуждению которых привлекались пионеры.

В 1927 году в порядке дня еще стояло восстановление разрушенного в годы войны и революции. Требовали ремонта школы. Стояла разрушенной Гаванская больница.

С этими задачами Райсовет успешно справился: школы были отремонтированы, Гаванская больница несмотря на громаднейшие трудности полностью восстановлена и является одной из лучших в Ленинграде. Восстановлено 32 разрушенных дома и др.

С ростом благосотояния трудящихся масс района, возрастает необходимость разворачивания нового строительства. Всех объектов строительства за последние три года перечислить невозможно, поэтому назовем главные.

Выстроена большая фабрика-кухня, расширены столовые, организован ряд столовых при предприятиях. Начато строительство второй фабрики-кухни на острове Декабристов. Расширена сеть детских ясель, причем Райсовет по требованию трудящихся добился передачи под ясли одной из церквей. Открыто 34 детских очага, значительно расширены учреждения здравотдела.

Много внимания уделялось дорожному строительству, канализации, освещению и транспорту.

Значительно расширена торговая сеть, особенно в 1932 г., когда сеть торговых учреждений возросла с 597 единиц на 1-е января до 3492 на 1-е октября 1932 года.

Большая работа проведена по осуществлению всеобщего начального обучения и политехнизации школ. Райсовет добился того, что сейчас нет ни одной школы, которая не имела бы предприятия шефа, помогающего школе в оборудовании школьных мастерских и полного осуществления политехнизации.

В 1931—32 учебном году во всех школах обучалось 22 611 детей, в 1932—33 учебном году — 28 123.

Как одно из крупнейших достижений в работе Райсовета нужно особо отметить два строительства: Василеостровского Дома Культуры и Детского городка.

Строительство Дома Культуры начато в 1929 году и уже подходит к завершению.

Василеостровский Дом Культуры будет самым большим в Союзе. Окружающая Д. К. площадь в размере 125 га, отведена под разбивку парка культуры и отдыха. Здание и отдельные помещения Д. К. будут занимать полезную площадь в 23 114 кв. метров; вместимость его помещений рассчитана на 10 000 человек.

Всего будет в Д. К. 173 отдельных помещения в числе которых большой, средний и малый зрительные залы, библиотека, детский сектор с 16 помещениями, столовая, буфеты и т. д.

В 1932 году заканчивается строительство значительной части другого большого начинания Василеостровцев — пионергородка. Пионер-городок строится в районе станции Сиверская, стоимость его определена в 5 млн. руб.

Повторяем, что всего того, что делается и сделано — перечислить невозможно.

Необходимо отметить, что эти достижения мы имеем благодаря настойчивости и энергии руководителей Райсовета, ударников Советской работы и благодаря четкому конкретному руководству партийной организации района.

К. и К.

За социалистическую деревню.

В партийных коллективах дискуссируется большой вопрос: с кем пойдет крестьянин-середняк: с Юденичем против рабочих, или с рабочими против Юденича?

В накуренной комнате коллектива туманом висит дым. Невыспавшиеся лица, усталые, с хрипотой голоса.

— Крестьянин, что флюгарка, куда ветер дунет, туда и он. Сейчас сила у Юденича, он обещает белый хлеб и масло,— мужик за него. Да и мы его пощипали разверсткой. По моему, надеяться можно только на себя...

Точно бомба разорвалась в комнате. Истошные крики, сжатые кулаки. Вот-вот вскипит потасовка. Но это только так кажется.

— Ты, братишка, засыпался. Мужик не дурак, он знает белый хлеб Юденича. Вот, почитай, что пишет Ракитин с гвоздильного завода, уехавший в псковщину. Они ждут момента,

когда можно ударить в тыл белым. Ждут с нетерпением, когда придут красные. А ты треплешься.

— Вопрос ясен,— встал худой, высокий эстонец.— Крестьянин псковщины, гдовщины и других уездов нашей Северной коммуны не пойдет за генералом Юденичем. Это ясно. Но надо, товарищи, бросить побольше рабочих агитаторов в деревню с тем, чтобы привлечь на свою сторону середняка, привлечь население к противодействию всем мероприятиям белого командования. При слабом тыле зарвавшейся белой армии, при напряжении всех наших сил победа, товарищи, за нами. Завтра в 10 утра мы организуем совещание представителей заводов. А сейчас — на места!

За окнами, дребезжавшими от орудийных выстрелов, неслась песня: „Смело мы в бой пойдем, за власть Советов“.

Октябрьские дни 1919 года рабочие встречали победой над белыми бандами Юденича. Крестьянство не пошло за белым генералом. Рабочие агитаторы и беднейшее крестьянство, повели за собой середняков.

1922 год. Минула гражданская война.

Еле дышат — Балтийский, Трубочный, Пневматика, Гвоздильный. Рабочие возвращаются на свои заводы, берутся за восстановление запущенных цехов. Кризис миновал, промышленность, как больной встает с постели и делает первые робкие шаги.

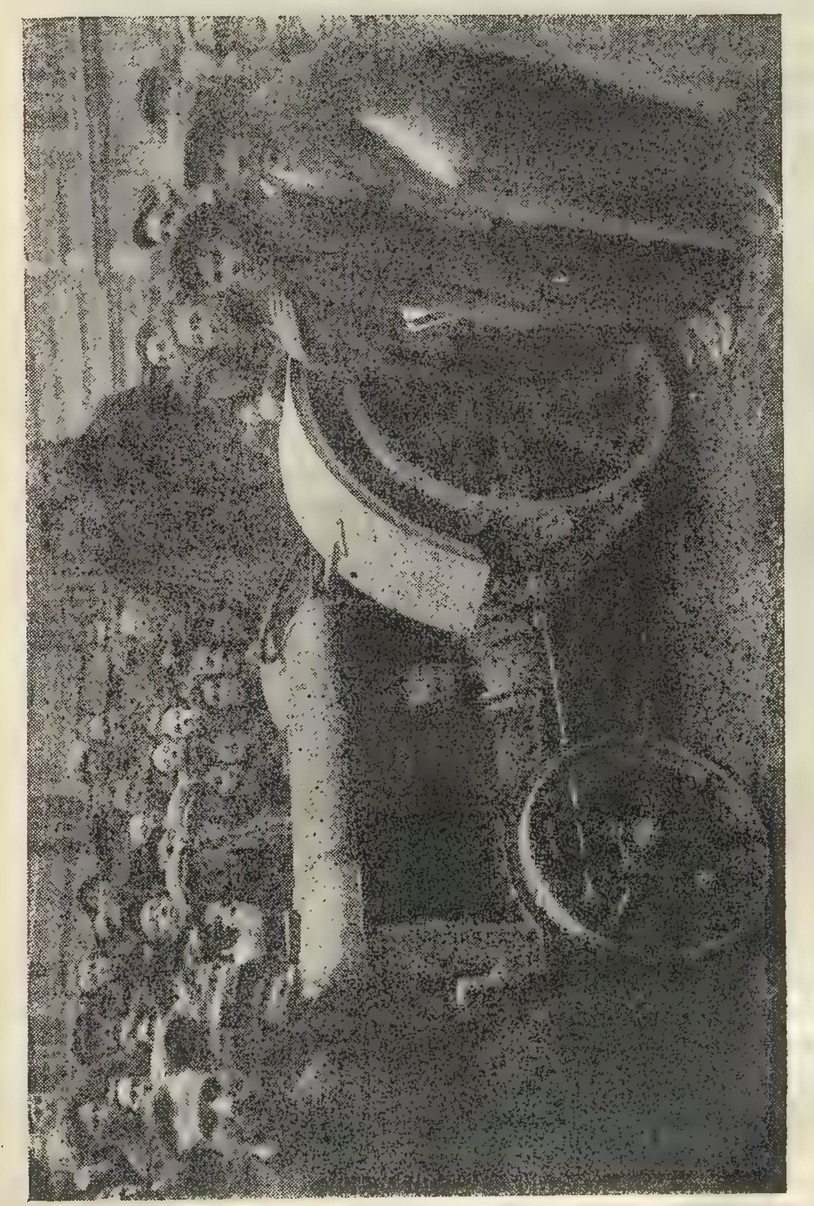
Потом смелее и смелее...

От зажигалок к Сталинградскому тракторному, Нижегородскому автомобильному, Магнитогорску, Днепрогэсу,— это-ли не победный путь рабочего класса?

Партия занялась вопросами поднятия сельского хозяйства. Партия боролась за середняка против кулака и добилась победы. В помощь партии и Советской власти в 1923 г. в Петрограде, в Нарвском районе рождается рабочее общество Культурной смычки города с деревней.

Толчком к шефству города над деревней послужили „странички из дневника“ Ленина, призывавшего к созданию рабочих объединений для культурной и хозяйственной помощи деревне.

И рабочие взяли шефство над деревней.

Василеостровские рабочие передают трактор подшефникам.

Они собирали сотни и тысячи рублей, посылали их в деревню на постройку изб-читален и красных уголков, посылали литературу, сельско-хозяйственные орудия, выезжали на перевыборы сельсоветов и совместно с беднотой боролись с кулаком.

1926 год. Партия выдвигает задачу быстрейшей индустриализации нашей страны. „Смычка" принимает новые формы, она идет по производственной линии в первую очередь.

Декабрь 1928 года. Октябрьский вокзал. На перроне у двух вагонов большое количество провожающих рабочих. Едут бригадники в подшефные районы для проведения перевыборов сельсоветов.

— Ваня, ты не подведи нас. Если спросят на чем хлеб растет, скажи, что на 8-м хлебозаводе, а то наврешь.

Хохот, крики, шипение пара сливаются со свистком оберкондуктора. Ответный свисток паровоза и медленно, постепенно ускоряя бег, вагоны теряются в темной дали и только два красных фонаря последнего вагона подмаргивают оставшимся на перроне. Но вот скрылись и они. Расходятся провожающие рабочие: с фабрики Желябова, с Красного Гвоздильщика, Балтийского.

Пересев с поезда на крестьянские подводы, от станции Череповец — к Белозерску и дальше,— в снега и вьюги, едут шефы.

Ночь темная, в лицо бьет сухой, колючий снег.

Вдали — дом. В доме — огоньки. Вправо, внизу небольшое озеро, обрамленное высокими соснами и елями.

— Это какая деревня?

— Кукшево,— версты две осталось, скоро будем.

— А, что, есть там кулаки?

Да, как сказать. Так что кулаков, чать, нет. Ну, а покрепче мужики есть. Взять, тех-же, Барановых. Что и говорить — крепкий, справный мужик. И мельница есть, и крупорушка и батрак у него работает. Деньга есть.

— Ну, так это же кулак. Он наверное и в долг дает с процентами?

— Это, что и говорить, дает.

— Ну, а организоваться вы пробовали? Скажем машинное товарищество или еще лучше, — колхоз?

— Это что же в роде коммунии? Нет, на это наш народ не пойдет. Да разве-ж у нас можно?

Возница хлестнул лошадь.

Вот и Кукшево.

В жарко-натопленной избе накурено до того, что лампа тухнет. Не хватает воздуха.

За столом — президиум. Трое заросших бородами и молодой парень-секретарь. Председатель забарабанил по столу карандашем.

— Слово имеет товарищ шеф.

— Товарищи! Приветствую вас от рабочих шефствующего над вами завода. У нас многого сейчас не хватает: сахару, ситца, кожи. Все это верно. Но, что нужно делать, чтобы это исправить? Мы строим много новых заводов, которые дадут нам и ситец и трактора и другие товары, освободят нас от заграницы. Но на это требуются большие средства; значит нам нужно временно сжаться. Нам нужно развернуть наше сельское хозяйство. Нельзя работать по старому. Надо переходить на многополку, заводить сообща новые машины. Мы поможем вам...

Долго говорил рабочий. С мест неслись выкрики, угрозы, смех, поощрительные реплики.

Кончив, оратор сел, вытирая пот с лица.

— Товарищи! Кто хочет слова? Только без крику.

Поднялся старик.

— Я так кумекаю, мужики. Жили мы раньше плохо и сейчас не лучше. Все с мужика, а мужику — кукиш. Не надо нам товарищества. Дайте нам товаров, да налог скостите, а коммуний нам не надо. Вот мой сказ.

— Правильно! — послышался возглас. Но вслед за ним полетели перебивая друг друга, сплетаясь, отчаянно борясь между собой, голоса.

— Тебе хорошо с тремя коровами! А куда тебе товаров, когда у тебя и так вволю?

— Бедноте, что не давай, как в дыру. Только пьянствовать!

— Дайте, мужики, я скажу. Председатель уйми хлопцев! — попросил пожилой мужик с большой уверенностью и самонадеянностью в голосе.

— Тише, товарищи, не все сразу.

— Я вот, что скажу. Товарищ из городу правильно говорил, да не знает он нашей крестьянской жизни. Про кулаков говорил. А где он этот кулак? Нет его, нет с 19-го года. Сейчас мужик сам работает. Правда, есть побогаче. Так ведь работал не покладая рук, недосыпал. А вы, городские, кричите — кулак. Нет у нас кулаков. Теперь насчет налогов. Налог плати, страховку плати, ссуду тоже, самообложение плати, заем плати, на самолет плати. Да что-же это такое? Где мужику найти столько денег?

Лампочка хитро подмигивала на выкрики бородача.

Уже далеко за полночь, с хрипом, рабочий бригадник отвечает на кулацкую агитацию, бьет их по выступлениям, рисует будущее деревни.

— Ставлю вопрос на голосование!..

Избирается новый сельсовет и утверждается наказ, где говорится о создании машинного товарищества, первой ласточки колхозного строительства.

При выкриках подкулачников, старающихся сорвать резолюцию, большинство принимает наказ.

1929 год.

Рабочее общество смычки растет еще более быстрыми темпами, чем раньше.

С весны, опять: Балтийский, Трубочный, Красный Гвоздильщик, фабрика Урицкого направляют в деревню рабочие бригады на проведение коллективизации.

Шефы вели не только работы по организационному укреплению колхозов, но и участвовали во всех кампаниях.

Везде рабочие бригады, в жестокой борьбе с правыми и „левыми“ оппортунистами вели за собою бедняка и середняка в наступление на кулачество. И росли десятки и сотни новых колхозов в Череповецком районе, берущих на себя имена заводов: „Красногвоздильщик“, „Радищева“, „Балтиец“, „Металлист“.

1931 и 1932 годы.

Шефское общество Васильевского Острова вырастает до 29 727 человек.

Общество ведет большую работу по организационному укреплению колхозов, как одной из важнейших работ социалистической переделки деревни.

В 1932 году обществом оказана колхозам материальная помощь на сумму в 164 000 рублей. Отремонтировано 4 трактора, 3522 различных сельско-хозяйственных машин, организовано 224 новых колхоза, вовлечено 4902 хозяйства в существующие колхозы.

Войновский.

Наука на службе соцстроительства.

Огромные корпуса у Василеостровской стрелки становятся чересчур тесными для главного штаба научно-исследовательской мысли Советского Союза, как теперь называют Академию Наук. Академия сетью учреждений перекидывается на периферию, далеко за пределы Ленинграда вплоть до берегов Тихого Океана, высокогорного Памира, далекого севера Азии.

Бурный рост социалистического строительства увлек за собою в могучем стремлении вперед и старую Академию, которая совсем еще недавно была замкнута в своем собственном „академическом мирке", далеком от жизни. Академия круто повернула к жизненным потребностям нашей страны, она как бы родилась вновь. Это рождение было рождением гиганта научной мысли.

История Академии еще не написана. Будущим ее исследователям придется привлекать материал, относящийся не только к Ленинграду, но почти ко всем уголкам Советского Союза. Созданы и создаются базы в Свердловске, Новосибирске, Владивостоке, Ташкенте, Тифлисе и т. д., и т. д.

В практику Академии вошли выездные сессии в промышленные центры страны: явление небывалое в истории не только царской Академии Наук, но и Академии любой капиталистической страны. Устанавливается непосредственный контакт вершин науки с производством, с широкими слоями рабочих масс, в результате чего мы имеем определенно наметившийся бурный рост самой науки, что еще раз подтверждает одно

из основных положений марксизма: теория может быть плодотворной только тогда, когда она неразрывно связана с практикой.

Академия стала расти и вширь и глубь, и организационно и научно. Создаются новые кафедры. Накануне своего разрешения стоит вопрос о создании специального отделения по вопросам техники и тесно связанной с нею экономики. Возникают новые институты, до неузнаваемости расширяются старые. Многочисленные изыскательные партии исследуют богатства необъятного Советского Союза. Академические лаборатории включились в разработку таких животрепещущих задач, как проблема жидкого топлива, борьба с засухой, проблема животноводства и др.

В колоссальную работу включились и институты социалистического сектора Академии, перед которым стоят насущные задачи строительства (история национальностей, национальные культуры, языки), проблемы изучения истории человеческого общества по разнообразнейшим отраслям и пр. Нельзя не отметить и того факта, что в последние выборы в Академию, избраны крупнейшие инженеры-практики нашей страны (Веденеев, Байков, Александров и друг.), что в очень большой степени поможет органической спайке теории и практики.

Такой бурный рост науки возможен только в стране строющегося социализма. Диаметрально противоположную картину мы имеем в капиталистических странах. „Загнивание капитализма—говорил тов. Бухарин в своем докладе „Борьба двух миров и задачи науки“,—приняло всеобщую форму, передавшись и на буржуазную науку. Кризис до чрезвычайности обострил это загнивание. Создалась целая литература, направленная против „чрезмерности техники“, против—„засилья техников“. Уже ведется пропаганда возврата к „кирке и мотыге“, создается идеология технического регресса. Наука Советского Союза противоположна науке буржуазных стран. Здесь зов не назад, от машин к кирке, а вперед. Буржуазная наука переживает глубокий упадок, старчество, симптомы смерти и тлена, наука пролетариата—молодость, энергию, силу, творчество“.

Пролетарская наука еще очень молода, еще во многом отстает от буржуазной в своих технических отраслях. Но у нас—бурный рост науки, у них — безысходный кризис. На фоне

этого кризиса еще величественнее становятся те задачи, которые возложила страна на Академию Наук.

„Мы, ударники Электрозавода,—писали рабочие Электрозавода в своем обращении к первой чрезвычайной сессии Академии в Москве (июнь 1931 г.),—ждем поворота Академии Наук в сторону помощи рабочим массам в их стремлении овладеть передовой техникой“.

Это обращение—документ огромной исторической важности. Смычка высот науки с низовой производственной практикой, стала реальным фактом.

Московская сессия Академии Наук положила в развитии науки историческую грань, с которой начинается новая эпоха—неразрывное сотрудничество науки и труда. Насколько велик был интерес московских рабочих к сессии можно судить хотя бы по тому, что обширный колонный зал Дома Союзов где протекала сессия, был переполнен представителями фабрик и заводов. И неудивительно. На повестке дня стояли доклады: „О естественных производительных силах Советского Союза“ акад. Губкина, „Соляная проблема и промышленность“ акад. Курнакова, „Геохимические проблемы Сибири“ акад. Ферсмана, „Задачи науки в области электрической передачи энергии“ акад. Миткевича и др.

Во время этой сессии Академия провела целый ряд выездов академиков и профессоров с докладами на крупные фабрики и заводы.

Каждое предприятие после доклада обычно давало свои наказы Академии, выдвигая те или другие темы, непосредственно относящиеся к производственному процессу данного завода или данной фабрики.

Московская выездная сессия послужила началом регулярного созыва сессий Академии, посвященных неотложным нуждам социалистического строительства. Осенью 1931 года была созвана сессия в Ленинграде с постановкой целого ряда докладов о народном хозяйстве Ленинграда и Ленинградской области. Но особенное значение приобрела выездная сессия, посвященная проблемам Урало-Кузбасского комбината. Работа сессии происходила в новых индустриальных центрах: в Свердловске и Новосибирске. Кроме того бригады академиков

и профессоров посетили: Березняки, Соликамск, Магнитогорск, Челябинск, Ураломашстрой, перестраивающиеся заново Уральские заводы, Омск, Томск, Кемерово, Прокопьевские копи Кузбасса, Сталинск.

„Академия, возвращаясь в Ленинград—пишет акад. Волгин,—увезла с собой с Урало-Сибирских новостроек не только значительное количество наказов, но и живое, непосредственное впечатление от громадного невиданными темпами перестраивающегося края, того энтузиазма, от той напряженной работы, вопреки всем трудностям, с которой Академия соприкоснулась“.

„Урало-Кузбасская сессия,—продолжает академик Волгин—с еще большей убедительностью показала, что пролетарские массы, обращаясь к Академии, смотрят на нее не просто как на группу учреждений определенного типа и определенной квалификации, но как на руководящий центр всей научно-исследовательской работы в Союзе“.

Академия Наук от поездки на Урал и Кузбасс получила огромную зарядку. Со старым „академическим мирком“ замкнутым в себе и оторванным от жизни, порвано окончательно и бесповоротно. Промышленность Урало-Кузбасса властно требует научного обоснования своих насущнейших проблем. Но Академии одной со всеми этими проблемами не справиться. Урало-Кузбасская сессия поставила во весь рост проблему координирования работы Академии с местными научными силами, создания единого плана работы во всесоюзном масштабе.

Не безынтересно отметить рост и работу комсомольской организации, которая с 4 комсомольцев в 1929 году перевалила на третью сотню в 1932 году. Комсомольская организация за этот короткий срок выдвинула ряд талантливых научных работников. Всем известно в Академии имя комсомольца А. В. Лозовского. Он имеет ряд оригинальных научных работ, на Урало-Кузбасской Сессии делал доклад по проблеме жидкого топлива.

В своем приветствии юбилею комсомола академик Бах писал: „Славный день рождения коллектива комсомола, который одерживает все новые и новые победы на всех фронтах социалистического строительства, в том числе и на научном фронте...

Ни одно молодое дарование, ни один талант не погибает в стране Советов. Ведь это только у нас на шестой части мира, где развивается красное знамя социализма, трудящейся молодежи всюду широко открыты двери".

Растет крепкая научная смена. Социалистическое строительство получит новых командиров теории социалистической промышленности.

Страна ждет от Академии Наук выполнения великих задач, которые на нее возложил пролетариат.

Академик Кржижановский в своей речи в Новосибирске рассказывал: „Когда мы с В. И. Лениным были в Минусинской ссылке, крестьяне спрашивали меня, когда сибирские реки будут поставлены на службу человеку? Что я им мог тогда сказать?.. Сейчас крестьянам, которые помнят меня по ссылке, я могу заявить: недалек тот день, когда мощные сибирские реки станут источником могучей электроэнергии, преобразующей лицо Сибири".

Под руководством Ленинской партии пролетарская наука добьется такой теоретической разработки всех отраслей человеческого знания и деятельности, о которой и не мог мечтать старый мир. *Ф. Фомин и Ермоленко.*

На вечере партактива Василеостровского района. Товарищи: Струппе, Раппопорт, Волцит, Ингельман.

От „храма чистой науки“ к советскому ВУЗ'у.

Бывший Петербургский Университет до революции действительно представлял собой „храм науки“. Царское правительство сознательно изолировало студенчество от той политической борьбы, которой была охвачена вся страна. Но несмотря на это, Октябрьская революция всколыхнула студенческую массу, расколов ее на две, враждебных друг другу групы: с одной стороны, — немногочисленная, пролетарская и близкая к ней молодежь, с другой стороны — реакционная часть студенчества, принадлежавшая по своим идейным и политическим установкам к различным группах меньшевиков: эс-эров, кадетов и т. д. Началась ожесточенная борьба за новый советский университет.

Наиболее остро развернулась эта борьба в университете в 22-м году.

Студенчество к началу этого периода было в большинстве реакционным. Это явление до известной степени связано с общим процессом, который происходил в русской интеллигенции того времени.

Период кронштадтского мятежа характеризовался в частности и тем, что значительная часть учащейся молодежи находилась под влиянием наиболее реакционных политических группировок. В это время руководящую роль в университете играли Яновский, Майзель, Соколов — кадеты по своим политическим убеждениям.

Наш партийный коллектив был количественно ничтожной величиной.

Я помню одну сходку в Физическом Институте по вопросу о помощи голодающим. Мы решили там дать бой, причем распределили заранее роли: Цвильман или Кочергин, не помню кто из них, должны были играть главную роль. Мы предполагали выступить и взять на себя инициативу по этому вопросу, но все повернулось наоборот. Кадеты пронюхали, что мы собираемся выступать по этому вопросу и первые заговорили о необходимости помочь голодающим. Таким образом инициатива была у нас вырвана. Они развернули бешеную кампанию

против Советской власти, вспомнили голод 91—92 года и призывали итти „не по казенному пути, по которому зовут коммунисты“, а путем, которым шла старая, либеральная русская общественность и студенчество. Они выставили своего докладчика, а мы, в конце концов, получили только содокладчика. Нам досталось изрядно.

В таких условиях наша задача сводилась к тому, чтобы как-то расколоть эту реакционую массу. Вопросом, по которому мы решили этот „единый фронт“ разбить, был вопрос о рабфаке. Мы решили доказать, что рабочий, пришедший в высшую школу, имеет право участвовать в общественной жизни университета также, как старые студенты. В конце концов, после большой драки, нам удалось произвести раскол.

Основным вопросом, по которому развернулась борьба, был вопрос об университетском уставе. Тогда у нас в университете существовали различные секции, но не было единого студенческого органа — Совета старост, который возглавлял бы всю студенческую общественность. Студенты высказались за организацию Совета старост на тактических условиях. Тактическими условиями, по их мнению, были те условия, на которых происходили выборы в Учредительном Собрании.

Перед нашим коллективом встал вопрос: итти нам на это дело или не итти? У нас было два выхода: либо временно согласиться с этими условиями и на основе их бороться за овладение большинством в Совете Старост, либо отказаться от этого и силой, может быть даже физической силой, не допустить Совета Старост в университете.

Наши товарищи пришли к соглашению, что надо выставить свой устав. Мы решили пойти на выборы в Совет Старост и начать дело на тактических условиях, чтобы этими правами могли пользоваться не только студенты всех факультетов, но и студенты рабочего факультета. Пришлось выдержать большую борьбу среди студентов рабочего факультета. Там товарищи никак не хотели понять того, что на пятом году существования Советской власти вдруг мы будем собирать Учредительное Собрание в университете. И нам пришлось прибегнуть к помощи губисполкома и губернского комитета партии для

того, чтобы наши товарищи по рабочему факультету дали нам согласие.

За дело принялись довольно горячо. Выборы в Совет Старост происходили в обстановке самой открытой политической борьбы. Выборам предшествовали сходки по трем факультетам, назначенные в один и тот же день, причем это было демонстрацией со стороны реакционного студенчества, так как рабфак обошли и он не был представлен на собрании.

Перед нами стояла сложная задача — распределение сил. В нашем немногочисленном коллективе трудно было выбрать людей, которые могли бы противопоставить их линии свою линию. Распределили свои силы так: Цвибаку довелось быть на факультете общественных наук, мне — на медицинском. На Медицинском факультете коммунистов было мало и мы были вынуждены бороться там против Эйзенштадта (из кадетов), который играл огромную роль и надо было каким-то образом подорвать его авторитет. Основную ставку мы взяли на то, чтобы заставить их сказать свое политическо кредо. Нам удалось это сделать.

После речей, которые им пришлось услышать от нас, выскочил взбешенный Эйзенштадт и заявил:

— Поскольку коллега Сыркин заявляет, что мы трусы и боимся сказать, кто мы такие, — я открыто заявляю, что являюсь членом партии Народной Свободы.

Эффект получился, конечно, совершенно противоположный тому, которого ожидал Эйзенштадт. Реакционное студенчество несколько испугалось такого рода заявлений своих вождей принадлежащих к партии Народной Свободы, столь плохо себя зарекомендовавшей во всей истории революции и объявленной врагом народа.

Их списки провалились и большинство собрали наши списки. В этот день мы одержали такую же победу и на факультете общественных наук.

После этого мы приступили непосредственно к выборам, происходившим в университетском коридоре. Было установлено несколько урн, около каждой из них по несколько стражей, которые смотрели за тем, чтобы каждый бросал только одну записку и никакой агитации не вел. Всего было 4 списка:

первый — список студентов медфака, второй — академической группы студентов — кадетский, третий — список Социалистического блока — (меньшевики, эс-эры) и четвертый — наш и Рабфака. Плакаты были самые разнообразные. На одном плакате было написано по латыни „Да сгинет дьявол“. Это был плакат списка № 2 и становилось ясно, кого они называли дьяволом.

Каков был итог выборов в Совет Старост? В Совете Старост было 25 мест и туда оказались избранными по списку академического студенчества 10 человек, по списку социалистического блока — 3 человека, по нашему — 12 человек. В Совете Старост мы оказались самой крупной фракцией, хотя не имели абсолютного большинство голосов. Это была первая крупная победа.

Мы решили добить белых. Это был 22-й год. Нужно было уезжать на летние каникулы. Было решено, что перед новым учебным годом, перед новым приемом нам нужно в течение лета подвести итог борьбе. Этот итог и был подведен двояким путем: с одной стороны в политической борьбе, которую продолжали в период после выборов совета старост, а с другой стороны, органами государственной власти, которые нашли нужным изъять целый ряд лиц из Университета. Тогда ушли из университета все идейные руководители реакционного студенчества (Соколов, Яновский, Эйзенштадт и др.).

Я вспоминаю один момент, который очень характерен для того, чтобы показать, насколько была острой борьба внутри представительства Совета Старост. На одном из заседаний, происходившем в третьей аудитории общежития научных работников, страсти до того разгорелись, что взволнованный Эйзенштадт вскочил, направился к Цвибаку, взмахнул перчаткой и заявил, что он вызывает его на дуэль.

Дело было очень остро и я помню, как Вячеслав Михайлов продвигался из задних парт для того, чтобы не допустить драки между Цвибаком и Эйзенштадтом. Это была не шутка. Цвибак ответил, что он по дуэлям ходить не собирается и что вообще „дуэль — средневековый юнкерский прием“. После этого большой популярностью пользовалась одна инсценировка, руководителем которой был Мляцкий: во время одного из

заседаний Совета Старост поднялась группа студентов в масках, с рапирами и принялась устраивать дуэль на глазах Совета Старост. Этот факт сыграл свою роль в дискредитации того политического движения, которое возглавлялось „средневековыми рыцарями“.

Последний момент — это момент приема 22—23 учебного года. Вождей тогда уже не было — оставалась мелкая публика. Даже Эйзенштадт куда то исчез. В Университете происходили перевыборы Петроградского Совета. Вдруг, неожиданно появляется Эйзенштадт и просит слова, причем, всегда он прямо объявлял себя членом партии Народной Свободы, здесь же он вылез и скромно заявил, что он принадлежит к „инакомыслящим“ (это было характерно именно для того сдвига, который произошел в Университете) и что надо дать место в перевыборах не только коммунистам, но и „инакомыслящим“. Прием 23 года уже окончательно подорвал влияние этой группы.

Я помню первую сходку приема 23 года, на которой мы нашли возможность позвать Яновского, который произнес большую речь о пользе образования и о том, что Советская власть делает для Университета. Студенчество встретило его речь овациями. И только отдельные голоса, отдельные студенты, третьестепенная публика, находящаяся теперь в Соловках, выступала против, не имея за собой сочувствия сколько-нибудь больших групп студенчества.

Основная масса студенчества стала нашей. И вместе с нами начала борьбу за новый советский Университет, за партийность науки, за подготовку пролетарских кадров для соцстроительства.

Завод и школа.

До революции в помещении 222 школы был приют для детей обоего пола. Здесь же помещалось начальное училище с 3-х летним курсом обучения и обычным штатом преподавателей: 2 учительницы, дьячек и священник.

Вихрь революции смел старый уклад школы и режим приютского общежития.

В мастерской 222-й школы.

Школа начала перестраиваться и во многом строится заново. В 1918 году она получила оборудование бывш. Покровской гимназии, с которой сливается в 1920 году, и с этого времени называется 222-й сов. школой I и II ступени.

Но самые существенные изменения произошли в 1924 г., когда под школу была подведена производственная база.

Выяснилась необходимость перестройки учебно-производственных мастерских исключительно на учебные мастерские.

В 1929 году для 1 ступени организовывается рабочая комната.

Все хорошо, но нет связи с общественностью. И вот, постепенно налаживается связь с Балтийским заводом.

Он шеф школы, что и не замедлило сказаться на положении школы со стороны шефа. Оказывается материальная помощь школе, ученики старших классов II ступени получают возможность проходить производственную практику на заводе. Четверо учеников закрепляются даже на Балтийском заводе на постоянную работу — явление небывалое в истории старой школы.

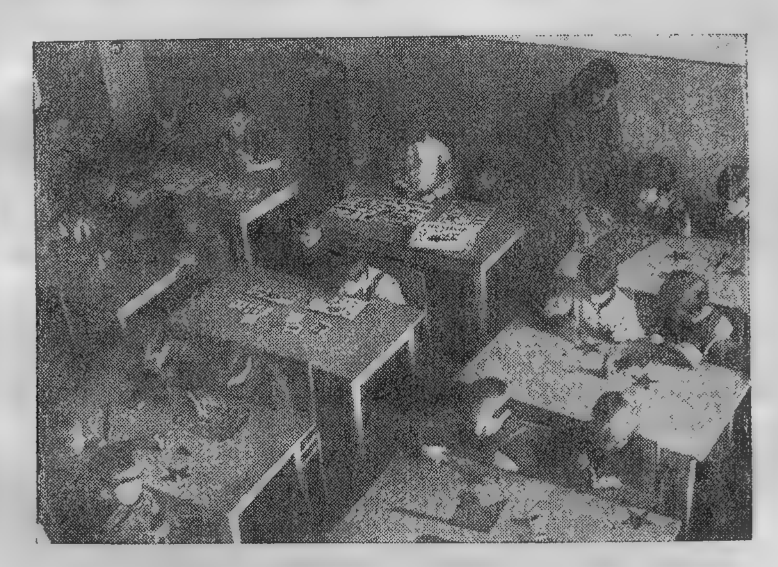
В 1930 году Балтийский завод решительно повернулся лицом к школе. Прежде всего он выдвинул на заведывание школой своего рабочего тов. Богданова А. В., через которого и поддерживается постоянная связь, оказывается значительная материальная помощь, дооборудываются мастерские, и т. п. Рабочие Балтийского завода ремонтируют станки, верстаки, делают новое оборудование для рабочих комнат. Для охвата политехнизацией всей школы, большое внимание уделяется постановке политехнизации труда; в I ступени создаются две новые рабочие комнаты. Школа попала в надежные руки и неуклонно ведется по путям, указываемым партией.

Не один тов. Богданов пришел с Балтийского завода на работу в школу. В 1931 году завод выдвинул на заведывание мастерскими своего рабочего тов. Стрельченко, а также рабочих на должности инструкторов по металлу. Работа оживляется и расширяется. Рабочих комнат становится уже пять. Число учащихся значительно возросло.

На постановление ЦК партии о начальной и средней школе (от 5 сентября 1931 года), 222 школа, направленная опытным руководителем, обеспеченная дружным коллективом преподава-

телей ответила тем, что по боевому развернула работу по выполнению постановления ЦК. В I ступени немедленно же была отброшена комплексная система в проведении труда, занятия стали вестись по специальной программе по труду. Соответственно перестроена работа и в школе II ступени.

Политехнизация школы сказывается не только в организации мастерских, ею пронизано все школьное дело. Особенно это сказывается в преподавании физики. Силами учащихся под руководством заведующего кабинетом были изготовлены простейшие самодельные приборы, а в самом кабинете и в мастерских устраиваются лекции под руководством инструкторов по

Дети за работой.

заданиям преподавателя. Бросовый материал (утиль-сырье) не пропадает: из него изготовляются простейшие приборы. В благодарность шефу — Балтзаводу, силами учащихся и педагогов проводятся на заводе ряд лекций и бесед с демонстрацией опытов.

Инженеры Балтийского завода помогли увязать практическую работу в мастерских и на производстве с вопросами технологии, машиноведения, энергетики. Учащимся становится

легче овладеть основными инструментами и вырабатывать в себе навыки обработки дерева и металла. Школьные мастерские отказались от изготовления заказов и перешли на изготовление предметов в связи с программным материалом, особое внимание уделяя изготовлению необходимых для школ наглядных пособий и инструментов (для кабинетов и рабочих комнат).

Впервые и по настоящему политехнический труд занял подобающее место в системе школьного воспитания и образования, а инструктор по труду сделался настоящим педагогом труда. Кто же герой этой работы? Кто так кропотливо и упорно, скромно, но верно и самоотверженнно создает великие ценности? О ком следует не забывать при перечислении достижений и трудностей строительства школьного дела?

Это прежде всего, партия, а затем исполнители ее воли — бесчисленная армия педагогов. Все они — ударники, выполняющие свою работу с полным сознанием важности совершаемого дела.

Вот, например, тов. Богданов А. В., заведующий школой. Член партии. Рабочий Балтийского завода, из чугунно-литейного цеха. У него славное прошлое: двадцать лет производственного стажа.

С 1927 года начинается его работа в школе. Когда Балтийский завод принял шефство над 222 школой, тов. Богданов был выбран от родительских организаций в школьный Совет Содействия, где и работал в качестве председателя культкомиссии.

В 1929 году он уже председатель Совсода. Работа его становится все более интенсивной и плодотворной. Он проводит большую подготовительную работу по заключению договора между школой и заводом. Принимает самое активное участие по наблюдению за выполнением договора. Налаживает первую производственную практику учащихся на заводе.

Потому, неудивительно, что в 1930 году выдвигается на пост заведующего 222 школой и в этой должности работает до настоящего времени.

При громадной, напряженной работе, которую ведет тов. Богданов, как заведующий школой, он находит время работать над собой в смысле повышения своей квалификации: восполняя

пробелы прошлого. Он студент Вечернего Педагогического ВУЗ'а имени Герцена.

Страна вправе гордиться таким работником.

А вот и еще тов. Алексеева Евдокия Николаевна, преподавательница ручного труда. В деле политехнизации школы и ей принадлежит видная роль.

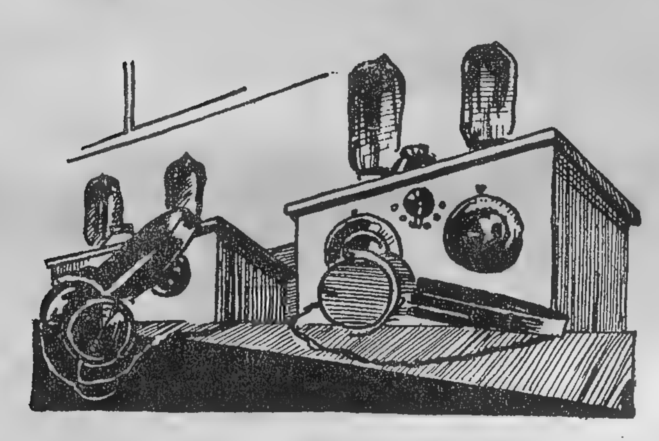
В 1924 году, когда школа становится школой с индустриальным уклоном, тов. Алексеева организует для I ступени комнаты ручного труда: переплетную, картонажную, текстильную.

Как общественный работник, тов. Алексеева за организацию ячейки ОДД и за активную в ней работу премирована.

В 1932 году тов. Алексеева выделяется месткомом на работу по распространению займа 4-го завершающего года. За свою работу тов. Алексеева премирована.

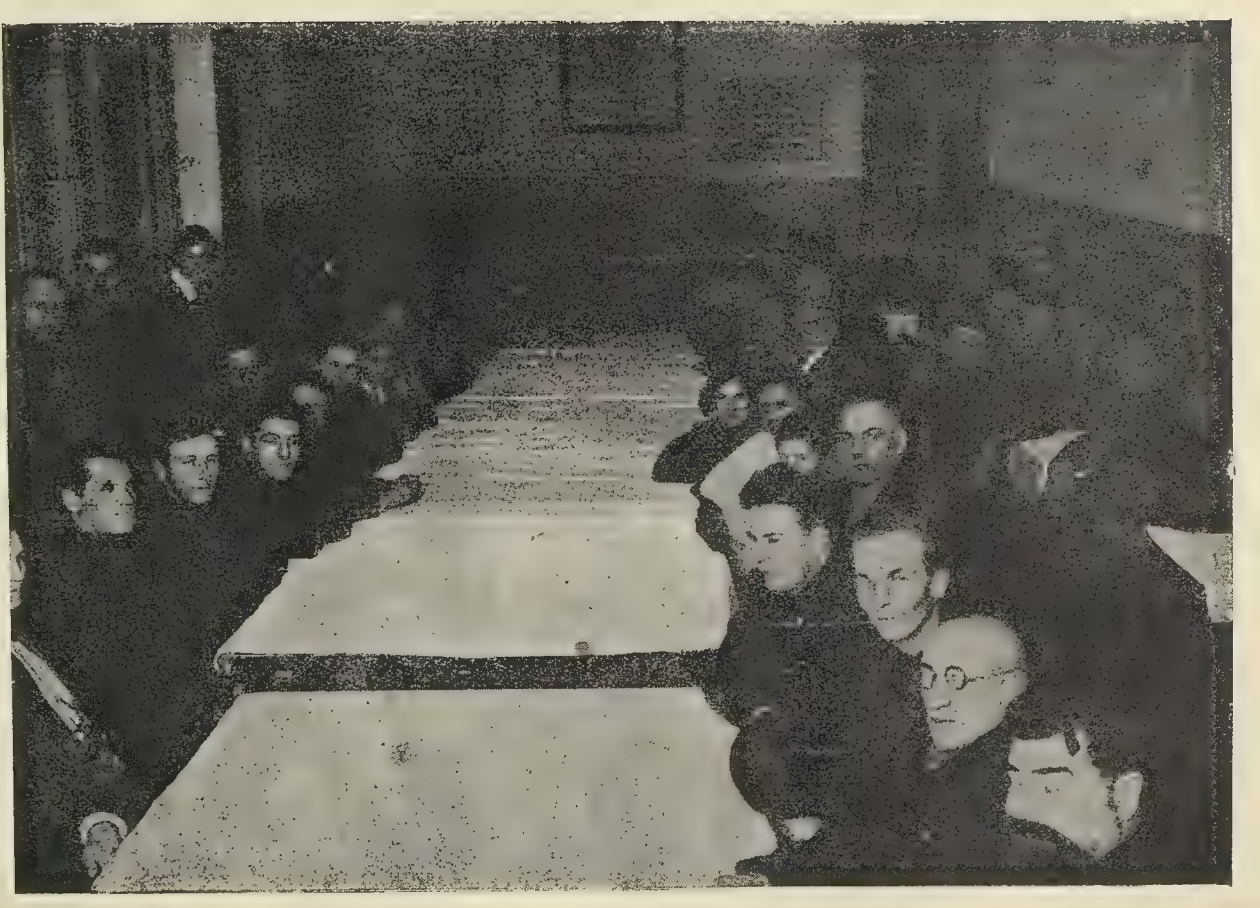
Таковы руководители коллектива 222 школы. Но и весь коллектив работает не покладая рук.

Т-в.

Продукция радиозавода им. Казицкого:

1927/28 г.	1932 г.
5.195 тыс. руб.	47.573 тыс. руб.

Вечер воспоминаний Василеостровского партактива.

Пионеры в борьбе за учебу.

Сегодня в 217 ФЗС собрание, посвященное 8-й годовщине смерти Ильича. Детвора шумит, как обычно. На сцене появляется пред. учкома и открывает собрание. Ребята стихают. Слушают доклад зава школой В. Полякова. Он рассказывает о жизни и борьбе Ленина, о его отношении к детям и школе. Говорит о достижениях нашей страны о том, что: „Скорбную дату смерти В. И. Ленина страна встречает пуском новых фабрик, заводов, организацией новых колхозов, расширением и укреплением старых, пуском гидростанций и т. д. А мы, пионеры, комсомольцы 217 ФЗС, организованная часть детей школы не имеем хороших показателей борьбы за учебу, за дисциплину, мы не имеем права гордиться достойным подарком в память Ильичу, нашему дедушке, вождю мирового пролетариата. Мы не выполнили плана, у нас большой процент неуспеваемости, слаба дисциплина. Нет показателей нашей борьбы и учебы“.

Организатор ленпохода 217-й Совшколы тов. Ганичев

Притихли члены бюро школьной ячейки ВЛКСМ и совет пионерской базы — поняли они, что прав заведующий школой, говоривший о слабых показателях работы, поняли они, что лучшим подарком дорогому учителю и вождю была бы их борьба за учебу, за решение партии о школе.

Притихло собрание, охватило ребят подавленное настроение. Никто не хотел говорить.

Поняли молодые организаторы комсомольской и пионерской организации, что итоги учебы за 4 месяца говорят о слабой, неудовлетворительной работе. Вдруг встает Сережа Ганичев:

— Ребята, встретим годовщину смерти Ильича развертыванием соцсоревнования и ударничества, борьбой за решение партии о школе и назовем все это „Ленинским походом!“.

Сразу же поднялось настроение у ребят. Сразу же заговорили радостно, шумно.

Инициатор похода, вожатый пионер-базы Ганичев Сергей, с помощью заведующего школой Константина Ивановича Полякова, смело повели ребят в бой за качество учебы, за организованность.

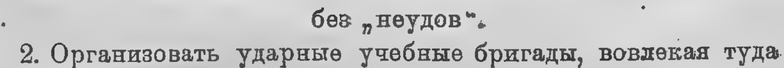
Тов. Поляков
Зав. 217-й Сов. школой

Составили воззвание ко всем комсомольцам и пионерам школы.

Воззвание говорило о недостаточной борьбе пионер-организации и школьников за качество учебы, за повышение дисциплины, о том, что ребята перестали посещать пионербазу и работа пионер-организации слаба. Воззвание призывало всех пионеров и комсомольцев школы включиться в Ленинский поход и ликвидировать прорыв по реализации постановления ЦК, беря на себя следующие обязательства:

1. Закончить последний семестр без „неудов“.

2. Организовать ударные учебные бригады, вовлекая туда всех учащихся.

3. Заключить договора между классами на соцсоревнование, наладив точный и повседневный учет проделываемого.

4. Объявить борьбу за сознательную дисциплину в базе и за учебу в школе.

5. Посещать все сборы и советы базы, борясь за новую ленинскую базу.

6. Добиться, чтобы учебно-производственные бригады были подлинно ударными за выполнение учебно-производственного плана.

7. Не опаздывать и не пропускать учебных и базовых занятий. Понять, что наша ударная учеба — это борьба за рабочее дело, борьба за социализм.

Воззвание сделало свое дело.

Лучшие пионеры 217-й школы.

Класс за классом, отряд за отрядом, кружок за кружком включаются в Ленинский поход — борьбу за учебу.

Комсомолия и пионеры стали вожаками в походе. Соцсоревнование развернулось. Школа включилась в соцконкурс „Ленинские Искры“ на лучшую школу и базу в борьбе за учебу.

Ряд ребят, особенно из пионеров, действительно стали в передовые шеренги ударников за учебу, дисциплину и общественнюу работу.

Вот они: Тоня Радионова из 7-а, Павлова из 7-а, Порожецкая из 7-б, Сметанова из 3-в.

В результате „Ленинского похода“ и включения в соцконкурс „Ленинские Искры“ — пионерорганизация 217 ФЗС

стала на четвертое место по Ленинграду. За хорошую, образцовую постановку работы пионер-базы ф-ки им. Урицкого, школа получает премию: струнный оркестр от Горкома ВЛКСМ и Гор. ДКО.

В рапорте „Гор. Штабу по соцконкурсу“ пионерорганизация приводит ряд показательных цифр: в школе 502 пионера, 425 октябрят — 80% все учащихся школы. Передано в ряды ВЛКСМ — 36 чел. Ленинским походом охвачено 1056 чел., организовано 124 ударных бригады. Охвачено дополнительными занятиями 300 чел. неуспевающих. Горячими завтраками охвачено 80% учащихся школы. Пионер-база им. тов. Урицкого и 217 школа ФЗС первые включились в общегородской соцконкурс, вызвав на соцсоревнование 221 и 215 школы ФЗС.

Всю эту работу пионерорганизация 117 школы проводила в тесной спайке с шефом школы — фабрикой им. Урицкого и 1932—1933 уч. г., вернее начало его, знаменуется как год усиления смычки с фабрикой.

Немало хорошего сделала фабрика в борьбе за политехнизацию школы, за образцовую постановку работы и учебы в ней.

Пионеры отметили помощь со стороны фабрики.

„Мы, пионеры базы им. Урицкого, учащиеся 217 Сов. трудшколы, заслушав сообщение о ходе и окончании ремонта в 217 Совтрудшколе, приносим горячую пионерскую благодарность своим шефам рабочим, работницам, ИТР и администрации фабрики им. Урицкого, с помощью которых ремонт по школе окончен к сроку и школа в полной готовности идет навстречу 1932—1933 учебному году, по боевому продолжая борьбу за выполнение постановления ЦК ВКП(б.), за овладение необходимыми социалистическому строительству, знаниями. Совет пионер-базы им. Урицкого“.

VII всесоюзная конференция комсомола поставила вопрос о перестройке пионерорганизации.

Эта перестройка под руководством комсоорганизации фабрики им. Урицкого была проведена в 15-дневный срок. Перестройка мобилизовала ребят на борьбу за учебу, образцовую организацию дисциплины. Помощь фабрики сыграла большую роль.

В одной из заметок „Ленинские Искры“ говорилось о том, что группа 7-а срывает занятия, имеет большое количество отстающих и т. д. Работа в классе не чувствуется. Не хватает учебных пособий (на 11—12 предметов — 2 тетради) Шефы

Работницы ф-ки им. Урицкого, повседневно помогающие своей подшефной школе.

сразу же начали борьбу с этими ненормальными явлениями в группе.

Лучшие комсомольцы из звена токарей сделали вызов классу, заключив с ним договор, в котором токаря, досрочно окончившие переквалификацию, обязуются:

1) Повышать в дальнейшем квалификацию,

2) Выполнять промфинплан,

3) Сочетать производственную работу с общественной,

4) Не опаздывать и не прогуливать и вызывают пионеров группы 7-а и всех учащихся:

1) Выполнить учебный план,

2) Сочетать учебу с общественной работой,

3) Не опаздывать на учебу и не прогуливать,

4) Добиваться образцовой постановки дисциплины.

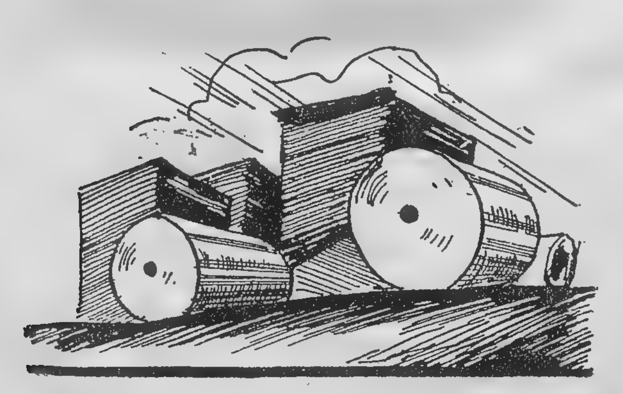
Звено комсомольцев токарей активно руководит работой прикрепленного звена пионеров, выделив от себя на работу вожатого отряда Марусю Никифорову.

Выделенные вожатые — Аня Володина, Клавдия Петрова, Иванова отвечают своему назначению и очень интересуются пионер-работой, отдавая ей все свои силы.

Партприкрепленный к коллективу комсомола фабрики, — Николай Николаевич Бутц („папаша", как его зовут комсомольцы) является определенно „дедушкой" для пионер-организации и для пионеров вообще. Он болеет душой за пионерорганизацию, он стремится всеми силами к устранению всех недостатков в пионерорганизации. Через него школа имеет много хорошего от фабрики, через него школа действительно становится родной, близкой фабрике.

На основе подлинного шефства со стороны фабрики над школой, на основе подлинного руководства коллектива пионерами, — 217 ФЗС выйдет в будущем конкурсе на одно из первых мест по Ленинграду.

Ганичев, Ермаков, Сергеев, Степанов.

Продукция бумфабрики им. Горького.

1927/28 г.	1932 г.
8.126 тыс. руб.	16.842 тыс. руб.

На занятиях кружка текущей политики.

Так растем.

У комсомольца
Не мало прыти,
Он тебе —
И буза и герой:
Разбирается
В ходе событий
И владеет
Гитарной игрой...
Мать честна!
Как играет красиво!
Так и этак
Звучит струна...
А когда
Первоклассным прорывом
Уличила завод
Страна, —
Вот такие же гитаристы
Расстегнули воротники,
И резцы наточили быстро,
И направили
Литники...
Закипела
Задорно работа,
За деталью
Готова деталь...
Облилась
Комсомольским потом
Голубая
Упругая сталь.
Облилась
Комсомольским задором
Разных втулок
И сальников медь...
И гитара,
Да с перебором,

Перестала на время
Звенеть...
Их работе учила
Окраина,
Каждый парень —
Окраины сын...
Вот детали вам:
Душка „Украина"
И почтеннейший
„Сахалин".
Эх, ребята,
Я знаю, вас много;
Эх, девчата,
Не мало и вас,
Тех, которых
Надежной подмогой
Взял в бои
Атакующий класс...
Вот и здесь,
В буднях дней Балтзавода,
Комсомольской
Не мало братвы,
Для советского
Парохода
Отдающей
Все силы свои.
От огня
Комсомольского глаза
И лихих
Комсомольских трудов
Продвигались скорей
Заказы,
Ускорялись
Уходы судов.
Знаю я,
И ведь знаю не тайну.
Знают все,
Лишь напомню слегка:

Комсомол
Вел бои за „Украйну
И на ней —
Комсомола рука...

* * *

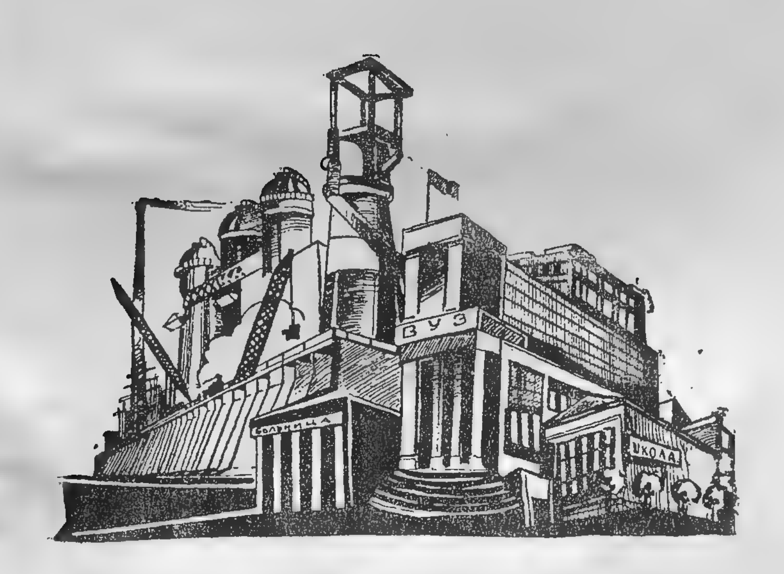
Устои былого
Колются.
Надеясь на силы и труд,
Клепальщики-комсомольцы
Всю клепку на судне берут.
Чтоб время принять по-свойски,
Заправя на полный ход,
40 бригад комсомольских
В сталинский вышел поход.
В сталелитейном душно.
У вагранки огонь из рта.
Кран подает послушно,
Как молоко, металл.
От газа седого и резкого,
И тонкого дыма — туман.
Комсомольская Горбачевского
Превышает
Формовочный план.

* * *

В том городе,
Где имя — Ленин
Срослось
С коротким словом „град"
Ни дрем,
Ни снов,
Ни нег,
Ни лени —
Ни в ночи час,
Ни в час утра...
Там, на окраине,
За домами,
У синих плесов невских вод,
Причудливыми стапелями

Балтийский дыбится завод.
Железный рев,
Железный трепет,
Гудят седые стапеля,
И клепальщики дружно клепят
Болтами ребра корабля.
Гудки пронзительно и гулко
Поют, поднявшись от земли.
По стапелям,
Как дети в люльках,
Выращиваются корабли...

Н. Елисеев.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 2 руб.

